
ОГОНЁК
41 ОКТЯБРЬ 1968
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
81-6

СЧАСТЛИВЫХ СТАРТОВ, ОЛИМПИЙЦЫ!

Борец А. Медведь.



Пловчиха Г. Прозуменщикова.



Прыгун в длину
И. Тер-Ованесян.

Наездница Е. Петушкова.



Гимнаст М. Воронин.



Фехтовальщицы
А. Забелина,
Г. Горохова,
Т. Самусенко.

Штангист Я. Тальтс. ▶

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2154)

5 ОКТЯБРЯ 1968



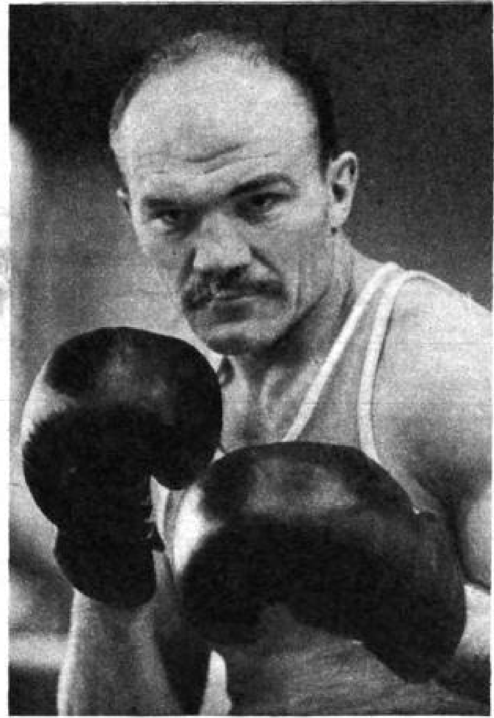
Гимнастка Н. Кучинская.



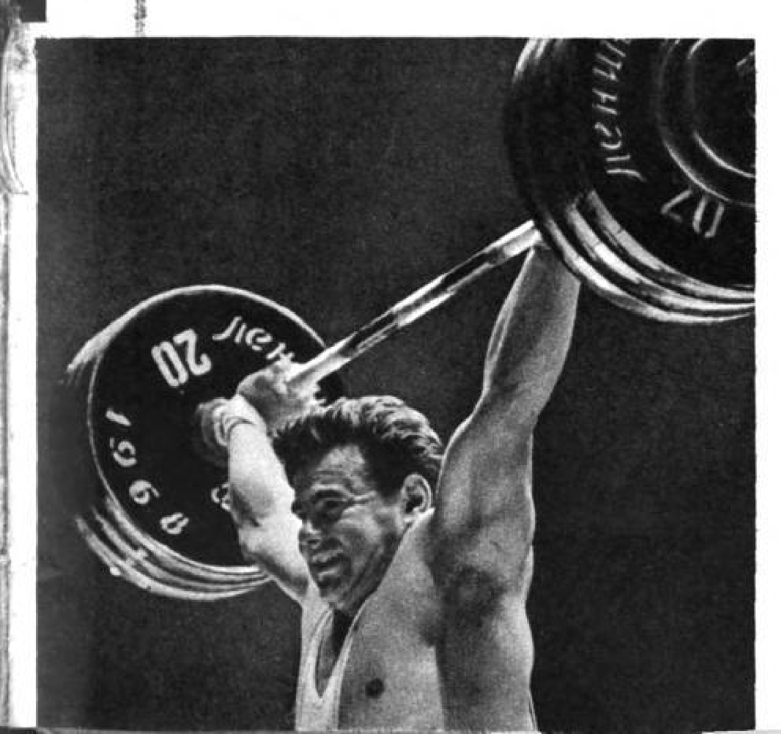
Бегуны на 3 тысячи метров с препятствиями В. Кудинский и Л. Народицкий.



Толкательница ядра Н. Чижова.



Боксер Д. Позняк.





Пятиборец С. Шапарнис.

Они уже в Мехико. Остались позади долгие тренировки, кропотливые поиски наиболее совершенной техники, выполнены олимпийские нормативы, открывшие спортсменам дорогу в сборную команду страны. Впереди старты XIX Олимпийских игр, впереди борьба с сильнейшими атлетами мира!

Нет никакого сомнения, что на соревнованиях в Мехико в историю спорта будет вписано много новых волнующих страниц. Залогом — та огромная подготовка, которая велась во всем мире к олимпийским стартам. Готовы к ним и наши спортсмены. Готовы к выходу на ковер и наш замечательный борец Алексей Медведь и гимнастка Наталья Кучинская. Много потрудились чемпионка XVIII Олимпийских игр Галина Прозуменщикова и сильнейший прыгун мира Игорь Тер-Ованесян. Мы надеемся на успех наших фехтовальщиков, хоть и знаем, что им нелегко придется на Олимпиаде. Впрочем, кому там придется легко! И бегунам, и боксерам, и штангистам, и современным пятиборцам, и всем остальным предстоят в Мехико трудные испытания. Но мы будем все равно ждать радостных сообщений из-за океана. Спортивная слава нашей Родины в верных руках!

Фото Л. Бородулина.



1 октября в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом во главе йеменской правительственной делегации прибыл Премьер-Министр Йеменской Арабской Республики, главнокомандующий Йеменской армией генерал Хасан аль-Амри.

В Кремле состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Йеменской Арабской Республики Хасаном аль-Амри.

На снимке: во время переговоров. Слева: А. Н. Косыгин, справа: Хасан аль-Амри.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРАЗДНИК ГДР

7 октября 1949 года была провозглашена Германская Демократическая Республика. Сегодня она вступает в двадцатый год своего существования. Исторически срок небольшой, но за это время трудящиеся республики под руководством Социалистической единой партии Германии достигли крупных успехов во всех областях жизни.

Отражением больших перемен в ГДР явилось принятие в апреле этого года новой конституции, которая была подготовлена при самом широком участии всего народа. 94 процента граждан республики одобрили социалистическую конституцию Германской Демократической Республики.

Трудящиеся ГДР вывели свою страну в число наиболее развитых государств мира. Это достигнуто благодаря воле и труду ее талантливого народа, благодаря дружбе и сотрудничеству с Советским Союзом и всем социалистическим лагерем.

Германская Демократическая Республика является важным фактором мира в центре Европы, горячим поборником единства всего международного коммунистического и рабочего движения.

Советские люди в этот радостный день желают больших успехов дружественному народу и руководителям Германской Демократической Республики.

Пусть будет вечным наш нерушимый братский союз!

Бал молодежи в Берлине.

Фото Дм. Бальтерманца.



Викентий МАТВЕЕВ

МЮНХ

«Сейчас каждый понимает, каких ужасающих жертв стоит миру попытка фашистов повернуть назад колесо истории».

Ю. Фучик, январь 1942 года.

В первых числах октября 1938 года свастика распласталась над Чехословакией, отбросив кровавую тень на другие страны Европы. Пятая колонна гитлеровцев в Чехословакии — фашистская партия Генлейна, основательно поработавшая для подрыва страны изнутри, ознаменовала приход своих шефов вакханалией зверств над местным населением.

Ровно тридцать лет спустя с той стороны, откуда пришли палачи Чехословакии, на ее пограничные районы были нацелены бинокли бундесверовцев и «штатских». Среди этих «наблюдателей» были и те, кто терзал Чехословакию в годы гитлеровской оккупации. Теперь на их лицах было написано не ликование, а ярость провалившихся ожиданий и надежд. Все лето 1968 года эти господа с разгорающимися взорами следили за тем, что происходит внутри Чехословакии и что, например, американский сенатор Мэнсфилд в докладе конгрессу США именовал как «социальное обновление», «преобразование», «политическое новаторство», «далеко идущие перемены». Устав ходить вокруг да около, он поставил точки над «и», заявив в том же докладе, что события, предшествовавшие вступлению войск пяти социалистических стран в Чехословакию, «расценивались в нашей стране (то есть США) как восстание против коммунизма».

Следует ли удивляться, что по другую сторону чехословацкой границы, в Баварии, за этими событиями наблюдали с возрастающим ажиотажем? И не просто наблюдали. Многое было заблаговременно подготовлено в Западной Германии, чтобы подтолкнуть силы контрреволюции внутри Чехословакии к действиям, которые должны были поднять со свалки истории «соглашение», открывшее дорогу в Чехословакию нацистским палачам.

Мюнхен — это слово звучит не только для чехов, словаков, но и для других народов символом самого подлого, циничного, грязного, чем изобилует мир капитала.

Фашистские главари, британские твердолобые, правосоциалистические лидеры, магнаты капитала, папские нунции, агенты охранок и дипломированные разведчики Запада, крупнопоместная знать, прожженные буржуазные дипломаты, редакторы крупнейших газет Лондона, Парижа, Вашингтона — эта разноликая, но проникнутая одинаковой ненавистью к Советскому Союзу, к коммунизму компания сплелась тридцать лет назад в тугой клубок, чтобы набросить петлю на шею чехословацкого народа и осуществить генеральный замысел мирового империализма — организовать «крестовый поход» против первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Роль дирижера в этих усилиях исполнял британский премьер Невилл Чемберлен. Выходец из семейства потомственных тори, видевших миссию Англии в приращении ее заморских владений, он начал карьеру в конце прошлого столетия с колониального плантатора на Багамских островах, а затем занялся традиционным фамильным бизнесом в Бирмингеме (от производства гвоздей до фабрикации пушек). Джентльмен с постоянно мрачно-унылым лицом и обвисшими усами, не расстававшийся с зонтиком, он перебывал на многих министерских постах, пока не стал премьером в мае 1937 года.

Фашистские агрессоры в это время уже лакомились значительными кусками территорий в Азии и Африке, а в Испании дергали за нитки свою марионетку, генерала Франко, пытаясь поставить на колени испанский народ.

Не надо было разбираться в тонкостях политики, чтобы понять: бесноватый фюрер и надувшийся дуче засучили рукава и занесли факел над зданием европейского мира и безопасности. От костров из книг на площадях Берлина нацисты переходили к разжиганию мирового пожара. Захватчиков еще можно было остановить. Они вели азартную игру. Даже ближайшие подручные Гитлера опасались краха его авантюр. Широкие массы в европейских странах требовали решительного отпора фашистским хищникам. В испанском небе посланные на помощь республике советские самолеты отбивали атаки стервятников, а на земле советские танки помогали испанским патриотам сдерживать натиск вооруженных до зубов фашистов. Среди вооружения, направлявшегося из многих капиталистических стран франкистам и итало-германским интервентам, имелась продукция заводов Шкода в Чехословакии.

Между тем сама Чехословакия значилась на одном из первых мест в списке жертв, на которые нацеливался Гитлер. Список был длинный. То, что Чехословакия его возглавляла, не было капризом фюрера. Для нацистской верхушки Чехословакия представлялась важным коридором с запада на восток Европы. 5 ноября 1937 года в присутствии высшего генералитета Гитлер сообщил о ближайших планах территориальных захватов. Нападение на Чехословакию, сказал он, надо осуществить как можно скорее...

В результате хлопот Чемберлена и компании Гитлеру не пришлось

Жертвы бомбардировки вблизи Солта. Здесь было убито 23 человека гражданского населения и ранено 76. Во время налета использовались ракеты.

ИЗРАИЛЬ: ЭСКАЛАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ



ЕНСКИЕ МОГИЛЬЩИКИ

особенно напрягаться. В функциях палача номер один Чемберлену активно ассистировали не только его единомышленники в Вашингтоне, Париже, но и в Праге. Бенеш и другие правящие политики буржуазной Чехословакии занимают перед судом истории те же скамьи, на которых сидят непосредственные участники предательства, стоившего Чехословакии семи лет фашистского плена. Оглядываясь назад, можно сказать, что Чехословакия избежала бы этой трагической участи и борьба против фашистских варваров не обошлась бы народам такой тяжелой ценой, если бы в критические дни сентября 1938 года чехословацкое правительство не пошло на поводу у Лондона и Парижа, капитулировав перед гитлеровской верхушкой, а встало на путь сопротивления агрессору. Москва говорила Праге, что СССР выполнит свои обязательства, даже при отказе Франции от своих. Это подкреплялось делами. Компетентные советские инстанции готовили пути и средства оказания военной помощи Чехословакии, с которой у СССР тогда не было общей границы. Большая работа была проделана советскими представителями для соответствующей договоренности с правительством Румынии.

Советское правительство настаивало перед Прагой на встрече военных представителей двух стран для выработки плана отпора фашистской агрессии. Бенеш и его министры неизменно кивали на Париж и Лондон. Чем же были заняты эти «союзники»?

Спустя несколько дней после того, как Гитлер объявил о приготовлениях к нападению на Чехословакию, Берлин посетил личный друг Чемберлена, ставший в начале 1938 года министром иностранных дел, лорд Галифакс. Он в прошлом был генерал-губернатором Индии, и ему была чужда сентиментальность. При встрече с Гитлером Галифакс начал с похвал тому за превращение Германии в «бастион Запада против большевизма». Визитер понимал, что фюрера словами не накормишь. Он заговорил о переделке границ в Европе. В этой связи были многозначительно упомянуты Чехословакия, Австрия, а также являвшийся тогда «свободным портом» Данциг (ныне Гданьск).

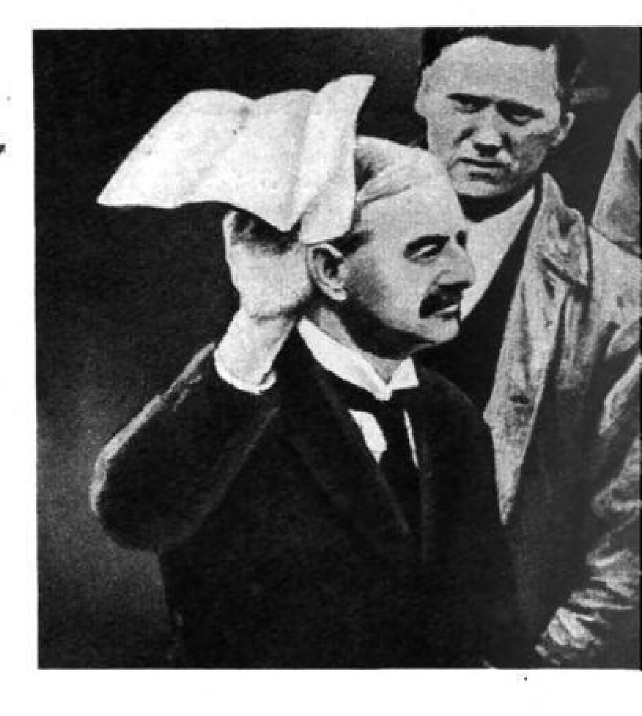
Независимость других стран? Пустое дело! Почему Англия должна беспокоиться о «далеких странах и людях, о которых она ничего не знает»? В таких выражениях отзывался о Чехословакии Чемберлен в выступлении по радио 27 сентября 1938 года. Через два дня премьеры Англии и Франции встретились в Мюнхене с Гитлером и Муссолини. Состоялось молниеносное дипломатическое предательство. Гитлеровцам были отданы важнейшие для Чехословакии районы на севере и северо-западе страны — Судеты. Вслед за этим вся Чехословакия была захвачена нацистами.

Пограничные столбы в центре Европы летели на землю под свист и улюлюканье холеных джентльменов, предвкушавших, как вслед за Чехословакией гусеницы фашистских танков будут валить пограничные столбы на советской земле. Вышло иначе. Агрессоры предпочли путь наименьшего сопротивления. Чемберлену довелось увидеть над своей головой самолеты «люфтваффе», слышать разрывы фашистских бомб на английской земле. Руины Ковентри были и руинами мюнхенской политики. Но речь идет не о полностью закрытой и перевернутой странице истории. Аденауэр повторял Гитлера, характеризуя Западную Германию как «оплот антикоммунизма». Джон Фостер Даллес вторил Чемберлену, когда носился с планами «отбрасывания коммунизма». Многое на Западе сегодня воскрешает угарную атмосферу тридцатых годов, особенно если прислушаться к тому, что говорится с трибун перед ревущими членами различных «землячеств» в Баварии, Вестфалии, Вюртемберге, на берегах Рейна. Воспаленному взору участников этих сборищ мерещится, как снова летят на землю пограничные столбы в Европе. Хоть это галлюцинация, но опасная. За такой шизофренией нужен зоркий глаз.

Советский Союз, могучее социалистическое содружество в Европе охраняют мир и безопасность. На двадцать четвертом году после окончания второй мировой войны пограничные столбы в Европе благодаря бдительности прежде всего социалистических стран стоят крепко и нерушимо. Под ними твердый фундамент: Потсдамские и другие соглашения, предусматривающие недопущение возрождения очага агрессии в Европе. На страже этих соглашений стоят государства Варшавского договора — оборонительного щита социалистической Европы, воздвигнутого в ответ на включение ФРГ в систему агрессивного атлантического блока.

Любители чужого добра, непрошеные «арбитры» между народами, претенденты на роль новоявленных фюреров могут воочию убедиться в решимости братских социалистических стран отстаивать великие исторические завоевания от вылазок, атак неприкрытых и козней, интриг, маскируемых по правилам косметического искусства тех, кто держит свои салоны при идеологических и других штабах современного империализма. Из этих штабов сейчас несутся крики и стенания. Ахают и охают те, кто осекся в своих планах расшатывания пограничных столбов на чехословацкой земле, подкопа под социалистический строй Чехословакии. Шумят и волнуются еще здравствующие участники мюнхенского предательства и поросль их последователей, выросшая на атлантической почве. Эти господа беснуются потому, что знают: Мюнхену не суждено повториться.





Два куска бумаги: рулон с картой Чехословакии и текст англо-германской декларации о ненападении. Рулон везут на встречу Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье в Мюнхене для того, чтобы поставить на независимости Чехословакии крест, а точнее, свастику. Дирижер этого предательства Невилл Чемберлен доволен: Гитлер милостиво согласился подписать декларацию о ненападении с Англией.

Санитарная машина. Израильские летчики охотились за ней с высоты в 30 метров, ясно видя опознавательные знаки.



Временный поверенный в делах Иордании в СССР Фаез Абдельнаби принял корреспондента «Огонька» Германа Макарова и ознакомил его с фотодокументами, рассказывающими о фактах изуверских действий вооруженных сил Израиля на территории Иордании.

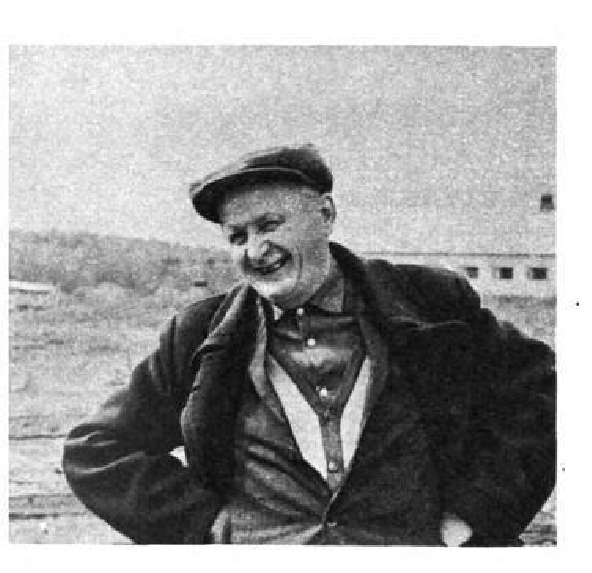
Фаез Абдельнаби заявил, что вопреки утверждениям израильской пропаганды объектом агрессии Израиля является мирное население, а не войска и партизаны. Агрессоры считают, что, запугав народ, они заставят его согласиться с оккупацией части арабских территорий.

Жестокость агрессоров не знает границ. Они используют в войне против мирного населения современную военную технику и вооружение, даже такое варварское средство, как напалм. Совершая налеты на города Эс-Сальт и Ирбид, они применили изуверскую тактику: когда закончился налет авиации и население вышло из укрытий, чтобы помогать спасательным командам разбирать завалы и оказать помощь пострадавшим, израильские самолеты вновь обрушили свой огонь на улицы городов.

Арабские страны согласились с решениями Совета Безопасности об урегулировании проблем Ближнего Востока мирным путем, а Израиль отказывается их выполнять, постоянно совершая все новые и новые акты насилия. Тезис израильской пропаганды: Израиль — это «овца среди волков». Но кому не известно, что эта «овца» оснащена иностранными клыками!

От имени народа Иордании Фаез Абдельнаби просил передать благодарность советскому народу и правительству СССР за постоянную поддержку справедливой борьбы арабов против агрессии Израиля.

В подмосковье



Главный зоотехник Никоновского, заслуженный зоотехник РСФСР Николай Петрович Смирнов.

Управляющий фермой Евгений Александрович Александров и доярки Г. Ф. Махрова и С. Г. Филиппова.



Фото Б. Кузьмина.

В семидесяти километрах от Москвы расположен один из старейших совхозов страны, или, как теперь его называют, «Государственный ордена Трудового Красного Знамени племенной завод крупного рогатого скота и свиней». Село одно из старейших в России — Никоновское.

В августе коллектив Никоновского завода-совхоза отметил полувековой юбилей, и ныне очень к месту вспомнить, с чего дело началось, и сказать о достижениях. А они очень значительны.

Я был тут семь лет назад. Многие производственные показатели и тогда были превосходны, но немало было и существенных изъянов. А главное — завод не обходился без дотации от государства. И очень-очень трудными были культурно-бытовые условия рабочих и служащих. Весь жилой фонд завода состоял из старых крестьянских домов в Никоновском и еще в десятке мелких деревень. Ни о каких коммунальных удобствах и речи не было. Клуб помещался в старом, тесном, плохо приспособленном здании и был похож на конюшню.

Положение резко изменилось после мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС. Из убыточного завод стал прибыльным.

Задумано было это хозяйство и началось как племенное свиноводческое. Поросятам нужно много обрата. Чтобы не завозить его из других мест, решили создать здесь подсобную молочнотоварную ферму из местных коров.

Потом у животноводов возникла мысль: а нельзя ли беспородных коров превратить в породистых, высокоудойных?

Начались многолетние научные эксперименты. Выписывались быки-производители (ярославской и остфризской пород), скрещивались с местными коровами; из молодняка отбирались лучшие экземпляры бычков и телок, выращивались и снова скрещивались, и опять отбирались лучшие экземпляры. Медленно, постепенно, год от года продуктивность коров повышалась, выявлялись и формировались определенные признаки новой (черно-пестрой) породы крупного рогатого скота. И вот «подсобная» молочнотоварная ферма превратилась в образцовую племенную с рекордными удоями! В 1954 году средний удой на корову составил 6 450 килограммов! Выведенная здесь черно-пестрая порода крупного рогатого скота оправдала самые смелые ожидания и стала распространяться повсеместно.

Это славный итог многолетних героических усилий коллектива во главе с заслуженным зоотехником РСФСР Николаем Петровичем Смирновым. Большая группа животноводов была награждена в ту пору орденами, а дояркам Наталье Григорьевне Кухаренко и Александре Петровне Касаткиной было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Их производственные показатели были поистине сказочными: по 7 400—7 600 килограммов молока от каждой коровы (в среднем).

В следующем, 1955 году Никоновскому заводу передали «на выучку» большую партию местных беспородных коров с удоями 1 200—1 300 килограммов, а через три года — еще одну партию таких же. Было сто голов, стало девятьсот. Племенных, высокоудойных — одна корова к шести. Естественно, что средние по заводу удои резко снизились, но все же они никогда не падали ниже четырех тысяч килограммов.

Когда-то считалось высшим достижением — двенадцать поросят от каждой свиноматки в год. Для многих ферм и ныне этот рубеж остается заветным. Никоновский завод перешагнул его еще перед войной. А в прошлом году тут было получено от 394 свиноматок 7 346 поросят — более чем по 18 поросят от каждой. Таким показателям могут позавидовать первоклассные фермы Европы и Америки.

Из села Никоновского племенные свиньи распространились не только по фермам нашей страны, а и чуть ли не по всему свету.

Белая, длинная, на коротких ножках, никоновская свинья весит до 450 килограммов. Почти полтонны! Это вес примерно трех беспородных свиней. Да и те породистые, с которых дело началось в 1918 году, весили вдвое меньше. Наши специалисты-животноводы за пятьдесят лет проделали огромную селекционную работу по скрещиванию и отбору лучших экземпляров.

Коммунистов на заводе больше сотни. Подавляющее большинство занято непосредственно в производстве — на фермах, на полях, в мастерских, на строительстве. Секретарь парткома Надежда Васильевна Озимкова по справедливости гордится этим.

Построено много жилья — добротного, со всеми удобствами. И не только в центральном селе Никоновском — всюду, где есть фермы: в Чекменеве, Левине, в Ивановском. 21 коттедж на две квартиры каждый, два четырехквартирных, три восьмиквартирных, пять домов по 16 квартир. Эти уже заселены. Еще два шестнадцатиквартирных дома готовы и скоро будут заселяться. А семь двухквартирных строятся...

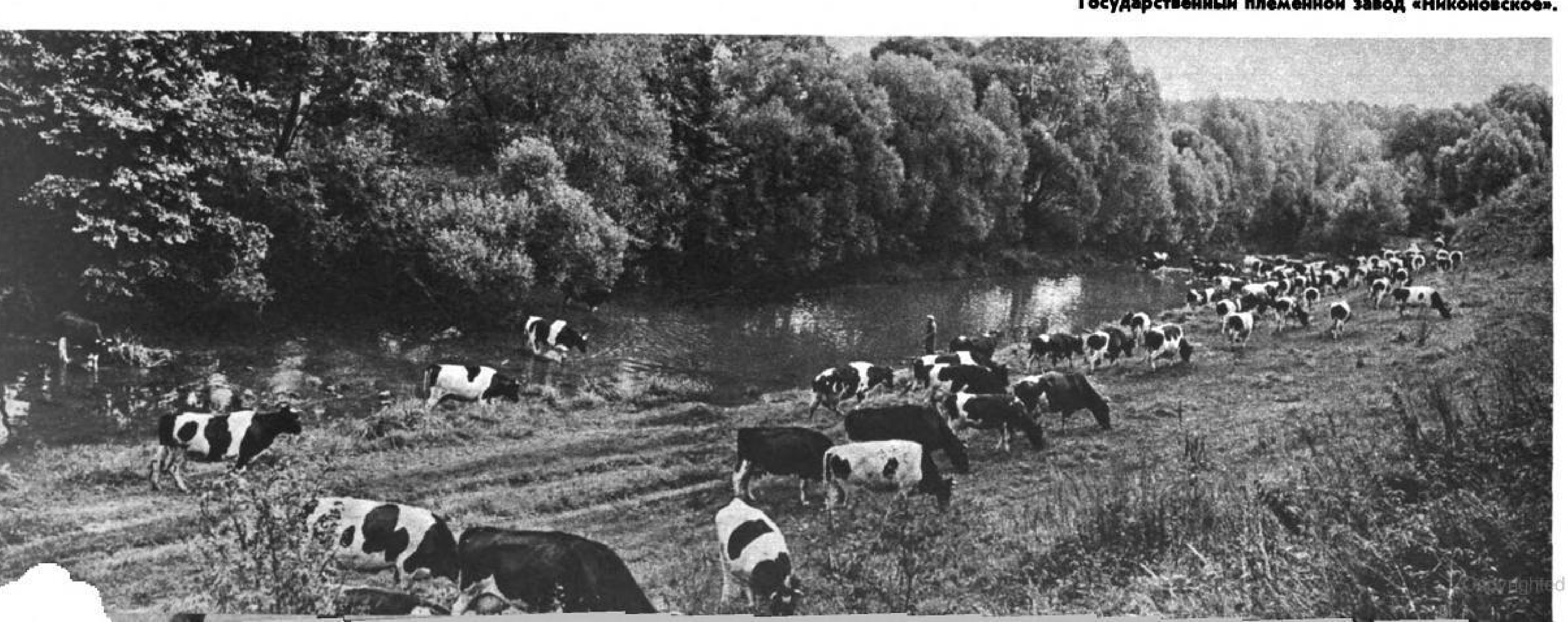
В общей сложности это будет двести двух- и трехкомнатных квартир со всеми городскими удобствами.

Только что открыт новый двухэтажный клуб, а незадолго перед тем — магазин. В поселке Левино выстроена современная баня. На очереди строительство еще одного магазина, спортивного зала. А стадион на берегу пруда давно уже действует...

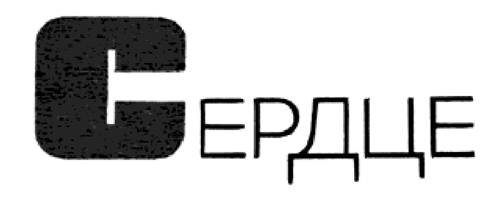
Я с радостью гляжу на молодежь на стадионе. Она пришла сюда после трудового дня на фермах и в поле. Она умеет по достоинству ценить и труд и отдых.

М. ШКЕРИН

Государственный племенной завод «Никоновское».



Людмила ЗУБКОВА



В разгаре лета

Закат полнеба
взял в обхват.
Полсолнца остывает в речке.
Полсолнца зёвом русской печки
Пылает,
Хоть хватай ухват
И ставь чугун зернистой гречки.

Закрой заслонку и замри...
Огонь шуршит, как пчелы в
улье,—
Он прогорит в слепом разгуле.
И звезды будут до зари
Держать в печи тепло, как угли.

На эти угли только дунь,
И снова солнце захочет.
И переплавится июнь
В июль — на грани дня и ночи.

* * *

В асфальт закована земля,
И жаль земле натугу капель,
Когда они, асфальт кайля,
Не в силах смилостивить камень,
Пробить броню на мостовой,
Былинно памятуя вёсны...
И вновь прорезаться сквозь
десны
Земли младенческой травой.
В плену асфальтовых оков,
Под новолунием плафонов
Земля вникает в смысл шагов
И в крик артерий телефонов...
В захороненных проводах,
В тисках тревог и изумленья
Гремят слова, как поезда,
В метро, в тоннелях подземелья.
Они прижились и вросли...
Блестит асфальт, как шкура нерпы.
И стали нервами земли
Все наши чаянья и нервы.

Сердце

А сердце, говорят, с кулак.
Какая сила в жиме:
Все восемь чувств порой скулят
В его крутом зажиме.
Гудит набатами в висках,
Бунтует, колобродит,
Когда в нем бражная весна,
Как сок в березе, бродит...
Оно заполнено тобой,
Ты в нем — скворцом в ладони...
И вновь сквозь боль и перебой
Несет его в кулачный бой —
В грозу — от лучшей доли.
А сердце, говорят, с кулак...
Некрупная вместимость.
Неясно, право, как же так
Земля в нем поместилась?!

Лошак

Ирония кому-то, видно, мстила,
Куражилась, поэзию кляня:
Невзрачного, заштатного коня
Торжественно Пегасом окрестила.
А он возил дымящийся навоз,
Жевал мундштук и напрягал
колени,
И странные глаза его оленьи
Мерцали дальним светом
квазизвезд.
Он был, как дьявол, к вечеру
чумаз,
Лошак — гибрид гнедого и
ослицы.
Груженные планетой колесницы
Он пер, своей работы не чумясь.
Родня тех элегантных, верховых
И цирковых, что свищут по
манежам,—
Он был далек от трюков цирковых
И не привык ни к позам, ни к
манерам.
Незатаенный, как моя душа,
Он у реки, когда светило гасло,
Тянул кумыс из звездного ковша
И слушал небо — немо, не дыша...
Он был достоин имени Пегаса.

* * *

Нет, тень не просто отпечаток
плоти,
Цветного мира черный негатив.
Она, цвета до срока пригасив,
Вчерне рисует силуэта оттиск.
Он светом спроецирован
точь-в-точь:
Зубчат лист клена, только вот не
зелен,—
Вся тень его, как маленькая ночь
Средь бела дня, где цвет его
потерян...
Я шла, и тень моя передо мной
Шла негативом, контуром и
сгустком.
И солнце, затаенно, за спиной,
Ко мне прониклось самым теплым
чувством.
И тень моя упала в озерцо,
И черный негатив вдруг
проявился,—
Он рисовал не контур, а лицо,
Он цвет обрел, который в нем
таился.

Графика

Раздетыми и необутыми
Стоят леса вдоль ноября.
Последний лист упал, как будто
бы
Последний лист календаря...

Зима, не нарушая графика,
Верна профессии своей.
На белом резче стынет графика
Чеканной прорези ветвей.

На белом четче линий клинопись,
И кажется, что без следа
И навсегда исчезла живопись
Под черствостью снегов и льда.

Ну что ж, снега! Буяньте! Падайте!
В метель играйте и в снежки...
Деревья с осени — для памяти —
На ветках вяжут узелки.



Сергей ХОХЛОВ

Последний колесник

А колесник делает колеса.
А зачем он делает колеса?
Ах, старик, старик беловолосый,
Ну, кому нужны твои колеса?

Спицы гладко выстругал из дуба,
Будто на земле так много дуба.
Если же сказать по правде, грубо:
Все телеги нынче дали дуба.

Под руками свернутые стружки.
Пахнущие старой Русью стружки.
Лишь глотнет глоток воды из
кружки,
И опять меж пальцев вьются
стружки.

Потихоньку делает колеса.
Каждой спицей светятся колеса.
Сделано — и не подточишь носа.
Это просто песни, не колеса.

Только песни старые отжиты.
И уж что ни делайте — отжиты.
И телеги старые вдоль жита
Редко, редко катятся — отжиты.

И колесник старый опечален.
Скоростями века опечален.
И морщинки по лицу лучами.
Просто очень, очень опечален.

* * *

У меня и дудочка своя.
Может быть, не каждый ее
слышит?
И тихонько между пальцев дышит,
Звуки в самой глубине тая.

Мы пройдем, где спеют ячменя,
Где на все четыре ветра — воля.
Может, люди, возвращаясь с поля,
Будут думать, что поет земля.

А накрою пальцами лады —
Запылает дудочка в закате.
Облака, роняя тень на хаты,
Будут плыть, как белые плоты.

* * *

Воздух! Сколько в нем примесей
От подошв и авто...
Спят трамваи на привязи
У ночного депо.

На асфальте под вязами
Лампы мучают тьму.
Проводами привязаны
Столб к другому столбу.

Мы — любовью, долгами ли,
Так ли, эдак ли — цепь;
Духом крепкие — к плаванью,
Черный — к белому цвет.

Никуда мы без привязи.
Никуда — хоть убей.
И у ветки на привязи
Даже сам соловей.

Конопатчик лодок

С того я, может, конопат,
Что с детства лодки конопачу.
Моя такая конопать,
Что рыбакам всегда удача.

Уйдут — хоть на ночь, хоть с
утра —
Домой воротятся с уловом.
И пусть, как их, меня ветра
Вовек не сделают суровым.

Я все же к ним причастен весь.
И если волны слишком хмуры,
Я принимаю всею шкурой
Удары моря. Там я весь.

Вон, видишь, трубками дымя,
Плывут? Опять перегрузили...
Ох, сломят дьяволы меня!
Ведь море, братцы, тоже сила!..

А то, что малость конопат...
Ну, просто лодки конопачу.
Я рад, что рыбакам удачу
Моя приносит конопать.

Краснодар.



...Была война. Шли в яростные атаки парни, у которых юность кончилась в июне сорок первого. За каждую пядь родной земли стояли насмерть комсомольцы. О Родине, о победе думали они. Шли вперед и вперед... Алыми стягами украшали руины отвоеванных у фашистов городов. И была Победа — радостная, долгожданная, историческая!

Фотографии военных корреспондентов Дм. Бальтерманца, Е. Микулиной, А. Морозова, М. Савина, А. Шайхета.

«За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и за большую работу по воспитанию советской молодежи в духе беззаветной преданности Отечеству,— наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1945 года.



Поколение победителей

Орден Ленина — за 1 418 дней и ночей непрерывного подвига.

Всюду — и на фронте и в тылу — плечом к плечу с коммунистами шли комсомольцы. Поднимались в яростные атаки, таранили вражеские самолеты, ходили в разведку, грудью закрывали огнедышащие амбразуры, танковыми десантами врубались в неприступную оборону, партизанскими группами рвали эшелоны, выпускали листовки в подполье, несли бессменные вахты в нашем тылу... 1 418 дней и ночей подвига.

В годы войны пять миллионов молодых воинов получили комсомольские билеты, два миллиона комсомольцев стали коммунистами.

7 тысячам комсомольцев и воспитанников комсомола присвоено звание Героя Советского Союза.

В марте 1945 года на заводах и фабриках работали 155 тысяч фронтовых комсомольско-молодежных бригад — миллион юношей и девушек.

К концу 1943 года в тылу врага действовало свыше миллиона партизан, 60 процентов бойцов партизанских отрядов составляли комсомольцы и несоюзная молодежь.

Великая Отечественная война — бессмертная веха в истории комсомола. Тысячи и тысячи героев, доживших до Победы, и тех, кто отдал жизнь за нее. Пусть прозвучат сегодня их голоса.

Надпись на стене Брестской крепости:

«Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941—3.15 ч. Умрем, но не уйдем!»

Записка матроса-пулеметчика А. В. Калюжного:

«Родина моя! Земля русская! Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце, уничтожал гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим».

Из протокола комсомольского собрания, проведенного в Сталинграде:

«**Слушали:** О поведении комсомольцев в бою. **Постановили:** В окопе лучше умереть, но не уйти с позором... **Вопрос к докладчику:** «Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?» **Ответ:** «Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

Записка узбека Каюма Рахманова, погибшего под Ленинградом:

«Жизнь — это Родина, Родина — это моя семья, мое село, вся моя Советская страна. Когда враг забирает пядь родной земли, он отрезает кусок моего тела... Когда фашисты ворвались в Советскую страну, я почувствовал, как задрожала Ферганская долина. И я приехал в Ленинград. Без Москвы, без Ленинграда, без Советской России нет свободного Узбекистана...»

Из завещания бойца Латышского добровольческого отряда







Б. Лурье. Завещание было вложено в комсомольский билет.

«Я умираю за Родину, за коммунизм... Жалко умирать в 24 года, но в настоящей борьбе, где на весы истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою также отдаю, зная, что будущее поколение и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминать как освободителей мира от ужасной чумы».

Мы помним вас, отважные комсомольцы сороковых годов, мы всегда будем верны вашим традициям, мы будем достойны ордена Ленина, который вы заслужили в жестоких боях. Это и наш орден, наша честь, наша гордость, наша жизнь и ваше бессмертие,— говорит юность Страны Советов шестидесятых годов.

НАСЛЕДНИКИ

Круглый стол «Огонька» и газеты Краснознаменного Белорусского военного округа «Во славу Родины» в Н-ской части.

У этой части — славная боевая история. Вот несколько страниц из ее летописи.

Как высшая оценка ратного труда — гвардейское знамя, которое было вручено части. Сражение под Москвой. Курская дуга и награда за стойкость — орден Красного Знамени. Форсирование Днепра. Освобождение Украины. Сандомирский плацдарм — и еще один орден на боевом знамени. Форсирование Одера. Битва за Берлин. Освобождение Праги. И третья награда гвардейцам... Много Героев Советского Союза выросло в их семье за годы Великой Отечественной войны.

За круглым столом — ветераны, бывшие комсомольцы и комсомольцы нынешние, которые несут службу под прославленным гвардейским знаменем.

Подполковник Василий Александрович Лукин предложил начать беседу рабочему **Ивану Филипповичу Малофееву,** Герою Советского Союза, бывшему парторгу полка.

— Я прошел с этой частью почти всю войну — с октября сорок первого по май сорок пятого. И я был молод, — начал свой рассказ Иван Филиппович, — и комсомольцев у нас было много. На самых решающих позициях всегда мы были рядом с коммунистами. Летом сорок третьего держали оборону на Курской дуге, под Понырями. Немцы пытались пробить брешь в нашей обороне любой ценой. Лезли остервенело. В роте, что приняла на себя самый страшный на этом участке удар, почти все были комсомольцами. Казалось, бой не кончится никогда. Отбита одна атака, другая, третья. Много отличных наших ребят погибло в тот день. И командира роты тяжело ранило. Но никто ни шагу назад. Старший сержант Саша Серебрянников тогда поднялся: «Слушай мою команду!» Храбрый был парень, комсомолец настоящий. И его ранило тоже. В тыл идти он наотрез отказался. Еще раз ранило. А он опять остался. И не просто остался. Шесть раз поднимал

роту в контратаки. Шли за ним. За таким нельзя не пойти. Фашисты так и не прорвали оборону. А Саша наш Серебрянников в том бою погиб. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза, первому в нашей части.

...У Ивана Филипповича на памяти много ярких боевых эпизодов. Он вспомнил о комсомольском пулеметном расчете старшего сержанта Мальцева, отличившемся на Сандомирском плацдарме, о штурмовом комсомольском батальоне, которым командовал один из легендарных защитников Брестской крепости, Самвел Матевосян.

Многих своих боевых товарищей вспомнил И. Ф. Малофеев, о многих рассказал. О себе — ни слова. Он тоже питомец комсомола. Во время боев на Одере, будучи парторгом полка, на подручных средствах переправился со взводом через реку. Захваченный небольшой плацдарм удерживали до тех пор, пока не переправился весь полк. А через несколько дней парторг заменил погибшего пулеметчика и уничтожил несколько десятков гитлеровцев.

— Я часто вспоминаю Днепр...— Это говорит ветеран части **Василий Егорович Глебов.**— За форсирование Днепра девять человек из нашего полка получили звание Героя Советского Союза, четверо из них — комсомольцы. Тому, кто не воевал, трудно представить себе, что стоит за этими словами: «форсирование Днепра». Сколько нужно было иметь силы воли, мужества, решимости, чтоб переправиться под бешеным обстрелом через большую холодную реку! А младший лейтенант Иващенко переплывал ее девятнадцать раз! Девятнадцать поединков со смертью за несколько часов! Иващенко переправил на правый берег пулеметную, минометную и стрелковую роты.

Потом слово взял **подполковник Н. Хотько.** Воевал он в составе другой части. Сталинградец. Там, на Волге, в то время еще сержант комсомолец Хотько заменил раненого командира минометной батареи. В бою сам учился командовать, о том и начал разговор.

— Хочу сказать вам, молодые воины: готовьте себя к тому, чтобы, если понадобится, стать на место командира, взять на себя управление боем, в любой обстановке умейте проявить находчивость, решительность, твердость духа. И в этом отношении у армейских комсомольских организаций не последняя роль.

— Я как раз хотел сказать об этом,—встает **сержант Е. Чертов.**— Восемьдесят восемь процентов воинов — комсомольцы. Они, естественно, и задают тон в боевой учебе. Фамилий можно назвать много. Вот хотя бы двое — Тарасов и Ичитовкин. Когда новобранцы проходят так называемую обкатку танками, комсомольские вожаки всегда сами показывают, как надо встречать на поле сражения идущую на тебя грозную машину. Пример действует великолепно.

Старший сержант В. Епифанов, сержант Э. Бирюков вполне согласны с Е. Чертовым, они рассказывают, как взволнованно и с большой заинтересованностью проходят в части комсомольские собрания; рассказывают о своих товарищах, о дружбе, взаимовыручке...

Политработник Н. Бочаров говорил о роли армейского комсомола в мирное время:

— Нужно воспитывать у солдат не только отличные боевые качества, но и прививать защитникам нашей державы чувство гуманности, которым, мы знаем, отличались советские бойцы в годы Великой Отечественной войны. И если я скажу, что нынешнее поколение солдат свято хранит и эту традицию своих отцов,— тут не будет никакой натяжки, все так и есть на самом деле. Недавно на тактических учениях, проходивших вблизи деревни, в руки сельских мальчишек попал взрывпакет. Непоправимое могло случиться через несколько мгновений. Сержант Тибелиус кинулся к ребятам и выхватил пакет. Сержанта ранило, но он спас подростков от увечья. В другой раз тот же Тибелиус и его товарищ Дивидайтис вели боевую машину и в лесу увидели паренька. Оказалось, он заблудился. Дело было зимой. Приближалась ночь. Друзья остановили машину, подобрали паренька и привезли в село.

— Традиции героев Великой Отечественной войны живут, развиваются, крепнут,— сказал **подполковник В. Лукин.**— Вот рядом со мной сидит групкомсорг подразделения сержант Геннадий Акимов. Он, можно сказать, прямой наследник боевой славы ветеранов нашей части. Его отец Александр Васильевич Акимов — командир взвода, старший лейтенант — прошел с частью через многие жаркие сражения, удостоился звания Героя Советского Союза. Несколько лет назад он уволился из армии, а когда пришла пора призываться Геннадию... Впрочем, я думаю, Гена расскажет сам...

Сержант Г. Акимов: Отец сказал, что обратился к военкому с просьбой направить меня в часть, где воевал и служил сам. Его просьбу удовлетворили, и я зачислен в ряды гвардейцев. Никогда не забуду, как принимал присягу. Встретили нас, новобранцев, хорошо. Комсомольцы помогли быстро освоить сложнейшую технику. Спасибо им. С их помощью я стал командиром боевой машины.

— Поскромничал Геннадий,— заметил подполковник В. Лукин,— не сказал, что сержантские погоны ему вручил командующий войсками округа, что за отличные успехи он же предоставил сержанту Акимову внеочередной отпуск... Сын достоин отца. И похож на него очень. Всем. Скромностью в том числе.

Капитан Ю. Шеблыкин, секретарь комитета комсомола части, тоже говорил о традициях:

— Нам очень помогает комната боевой славы. Заведено, что новички, прибывшие служить, обязательно знакомятся тут с историей, с биографиями героев. Есть у нас клуб ветеранов. Вошло в обычай переписываться с отцами солдат — бывшими фронтовиками. Помню, мы написали письмо отцу одного из ребят. Парень относился к службе легкомысленно, не отличался трудолюбием, дисциплинированностью. В ответ на наше письмо отец парня прислал в часть вырезку из фронтовой газеты с заметкой «Семь дней в тылу врага». Он был участником того рейда. Заметку прочитали на комсомольском собрании, обсудили в присутствии молодого солдата. Подействовало здорово. Исправился парень, вскоре вступил в комсомол. Теперь мы часто ставим его в пример другим...

Было за круглым столом и еще одно выступление.

Рядовой Д. Кувшинов: У нас сегодня очень волнующий день. Такое совпадение: сейчас младшему сержанту Яткову, младшему сержанту Рошубко и мне вручили билеты членов ВЛКСМ, и сегодня же вот этот разговор... Рассказы ветеранов. Наша живая история, наша гордость и пример для подражания.

В присутствии ветеранов и старших товарищей мы обещаем быть до конца верными знамени Ленинского комсомола, на котором пять орденов, и два из них — за верность Отчизне в боях!

Репортаж вел А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька».



Выступает И. Ф. Малофеев.

Ветеран части гвардии подполковник Н. А. Хотько (справа) и гвардии подполковник В. М. Таратынов.



Гвардии сержант Г. Акимов.

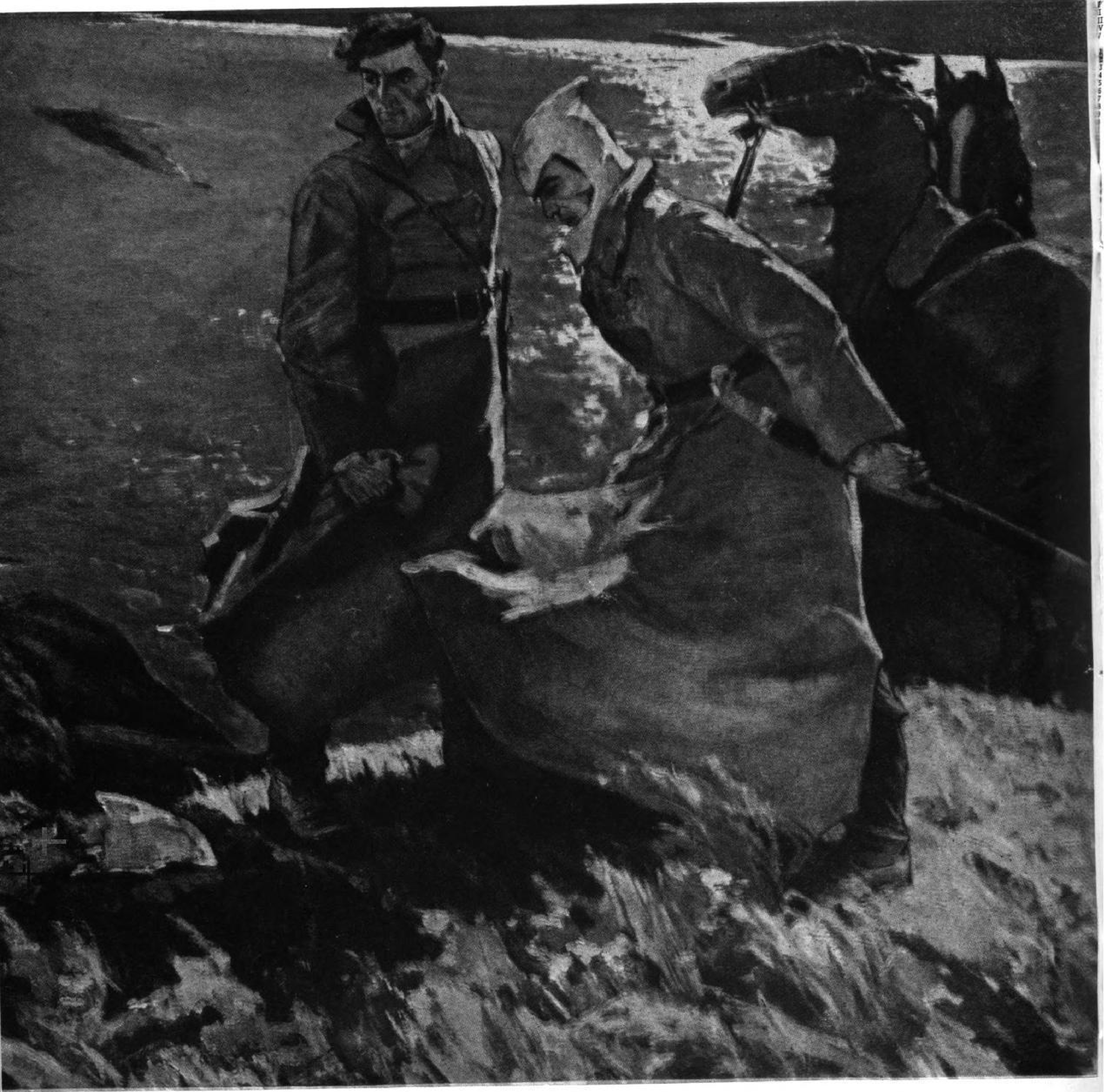


Гвардии старший сержант В. Епифанов.

Фото К. Каспиева.



Б. Иогансон. РАБФАК ИДЕТ.



Р. Звягинцев. ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ.

6 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Умейте читать душу

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ,
Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР

Более года я переписываюсь с молодой учительницей из сельской школы Горьковской области. Предельная откровенность, с которой девушка рассказывает о своих раздумьях и тревогах, не позволяет мне назвать ее фамилию.

Первое письмо было проникнуто тревогой и смятением: «Я до того измучилась, что решила оставить педагогическую работу... Мой мучитель — Коля Н. Читаю детям рассказ о благородном человеческом поступке — он улыбается, прерывает чтение и говорит: «Это в книжках красиво пишут, в самом деле так не бывает...» Раздаю тетради — у Коли тройка. Он даже тетрадки не открывает. Бросит на окно и сидит до конца урока, ничего не делая. А вот недавно вырвал листок с оценкой и бросил мне на стол. Что мне с ним делать?»

Я попросил учительницу: напишите, пожалуйста, говорили ли вы с мальчиком наедине? Было ли так, чтобы вы с кем-нибудь из своих питомцев беседовали с глазу на глаз час, полтора, два часа? Чтобы, беседуя, прошли несколько километров — в поле, на берегу реки, на лугу? Чтобы ваша беседа началась под ярким солнцем и голубым небом, а окончилась при мерцании звезд? Чтобы забыли вы и питомец ваш, что вы учитель, а он ученик? Чтобы открыли друг перед другом свои сердца два человека?

«Нет, таких случаев не было,— ответила учительница.— Как-то не принято это у нас. Да и о чем с ним говорить, не знаю я. И не умею. Ведь педагогика учит: влиять на ученика надо прежде всего через коллектив. Много раз предупреждала я Колю перед коллективом — не помогает. И по-доброму подойти пыталась, намеревалась избрать мальчика звеньевым, хотела поручить организацию какого-нибудь коллективного дела... Но он не хочет. Как будто озлоблен на всех, а почему — ума не приложу. Однажды я перед коллективом сказала: Коля не будет больше делать ничего дурного и станет хорошим мальчиком. Думала, он смягчится, но получилось не так: мальчик вспыхнул, разгневался и сказал мне грубое слово... А потом было вот еще что. Я написала в его дневнике, обращаясь к матери: почему вы не интересуетесь оценками сына? Коля побледнел, сидел до конца урока, не шелохнувшись. На перерыве вижу, стоит в уголке, плачет... Я прикоснулась к его плечу, он повернул ко мне лицо, искаженное гневом... и сказал: «Пусть все вы умрете!»... Что делать?»

Я написал учительнице: неужели вы не видите, что у ребенка какое-то горе? Горе не преходящее, а глубокое и постоянное. Сердце ребенка чем-то потрясено, уязвлено. Присмотритесь внимательно ко всему, вдумайтесь во все, что увидите. Умейте увидеть то, что незаметно с первого взгляда.

Ответа не было несколько недель. Потом я получил долгожданное письмо... «Коля живет один с матерью. Отца не знает. Для матери он наказание за несчастливую, неудачную любовь. Мальчик чувствует, что в семье он никому не нужен. Да и нет у него настоящей семьи. Но как помочь этому горю?»

Я понял, что совета не дашь в двух словах. Нужен большой разговор об одной из самых серьезных и острых проблем воспитания. Вскоре предстояло очередное занятие нашей школы педагогической культуры (эти занятия проводятся у нас время от времени, и мы приглашаем на них учителей из братских республик). Я пригласил учительницу из Горьковской области.

Наше занятие было посвящено, можно сказать, тончайшей грани человековедения — **социально-психологической защите детства.** Да, не надо бояться этого совершенно ясного оттенка мысли: **защита детства.** Есть дети, нуждающиеся в защите, в защите их сердца, чувств, переживаний. Иногда приходится защищать и жизнь.

На занятии школы педагогической культуры я рассказал о двух событиях, которые произошли много лет назад и навсегда остались в моем сердце.

Рано утром, перед восходом солнца, я шел по берегу пруда. Вижу, на старом пне, у глубокого омута, сидит мой десятилетний ученик, черноглазый Василько. Он не заметил меня. В его широко открытых глазах я увидел страдание и отчаяние. Я приблизился к Васильку, положил руку на его плечо. Мальчик вздрогнул, повернул голову. «Уйдем отсюда, Василько,— сказал я.— Какое бы ни было у тебя горе, не делай того, что ты надумал. Жизнь сильнее человеческого горя». Мальчик заплакал... На другой день он рассказал мне о своем горе. Две недели назад пришло извещение о гибели отца. А накануне того дня, когда Василек просидел у омута и решил покончить жизнь самоубийством,— накануне того дня у них в доме поселился чужой человек, и мать сказала: это будет твой отец.

Жизнь Василька открыла передо мной одну важную педагогическую истину: каждый ребенок хочет быть первым в чьем-то сердце. И без этого нельзя воспитать человека. К каждому юному сердцу надо прикоснуться так тонко и мудро, чтобы оно откликнулось доверием и откровенностью.

И другое событие. Оно произошло лет десять назад. В теплый майский вечер я возвращался домой из конторы колхоза. Недалеко от железнодорожной линии встретил черноокую, голубоглазую красавицу, нашу девятиклассницу — назову ее, скажем, Оля. Меня поразил ее смятенный вид. Как будто кто-то подтолкнул меня: останови девушку, она задумала что-то нехорошее. Я побежал за Олей, взял ее за руку, спрашиваю: что с тобой, что ты задумала?

Из ее глаз хлынули слезы. Мы сели на ствол акации, лежавшей у берега пруда, и она излила свое горе. Юноша, писавший ей целый год письма, теперь, возвратившись из армии, встретил Олю на улице и равнодушно прошел мимо.

Дорогие друзья педагоги, помните, что у нас в школе не механизмы для заучивания знаний, а люди, у которых могут быть горе, печаль, грусть, тревога, смятение, потребность в сострадании, в очищающих слезах. В горе и скорби человеческая душа открыта другому человеку — пусть эта истина определит для нас правила воспитания. Надо уметь читать человеческую душу. Множество движений ее просто нельзя выставлять на люди, выносить на обсуждение коллектива.

Недоумение и тревогу вызывает странная позиция некоторых ученых-педагогов. Я написал статью об индивидуальной беседе педагога с ребенком и послал ее в педагогический журнал. Получаю заключение — статья отклонена по следующим мотивам: в ней слишком выпячивается фигура педагога (?) и переоценивается роль беседы... Вот какие чудеса творятся в педагогической науке: фигура педагога стала опасной.

Присмотримся, как ведут себя малыши, как относятся они друг к другу, к родителям, а потом и к нам, педагогам, и мы убедимся, что у ребенка есть органическая потребность излить перед тем, кому он доверяет, свои чувства и мысли, раскрыть свою душу. Эта потребность порождается теми бедами и огорчениями, которые возникают в детской среде и от которых надо зорко и внимательно оберегать детей.

Вот на перерыве прибежал к вам маленький Володя, в глазах у него тревога и недоумение: «Я поймал божью коровку, хотел посмотреть, как она расправляет крылья, чтобы полететь. А Петя взял букашку, оторвал крылья. Упала на землю божья коровка». Глаза детские горестно вопрошают: разве это правильно сделал Петя?

Внимание, воспитатель! Ребенок потревожил вас не «пустяковым» вопросом. Он пришел к вам со своим горем. Разве можно причинять зло живому существу? Не отмахивайтесь от подобных детских обращений и жалоб. Чем внимательнее вы будете к ним, тем чаще станут приходить к вам дети, тем с большей охотой станут раскрывать перед вами свою душу.

Учительница из Горьковской области писала, что беседовать с ребенком час, полтора, два часа не принято. Почему не принято? Ведь Коля, о котором учительница писала с такой тревогой, уже дав-

но, очень давно испытывает острую потребность в душевной разрядке. Снять тяжесть, боль, огорчение, озлобление с детского сердца можно лишь добрым словом. Помните, я говорил, что каждому ребенку хочется быть первым в чьем-то сердце. Пусть маленький человек, который думает, что он никому не нужен, переживет радость, ощутив, что занял первое место в вашем сердце. Это снимет с его души то, что психологи называют **негативной эмоциональной доминантой**, а в простой человеческой речи это можно назвать так: ваше участливое слово рассеет горе.

Но всегда ли дети бывают с нами, учителями, откровенны и искренни?

К сожалению, есть школы, где господствуют «сильные», «волевые» средства — окрик, угроза вызвать родителей, запись в дневнике: «Примите меры...» Если в школе царит волевой метод воздействия, если педагог обращается к помощи родителей, втайне надеясь, что, кроме школьных средств воздействия, есть еще домашние, более эффективные,— распрощайтесь даже с мыслью о том, чтобы ребенок пришел в вам со своими мыслями и чувствами. Ребенок раскроет вам сердце только в том случае, если вы н и к о г д а не обращаетесь ни к кому за помощью с просьбой унять, обуздать его, вашего питомца. Если вы надеетесь, что мать и отец заставят вашего ученика быть хорошим, и об этой надежде вашей знает ребенок,— пишите, как говорится, пропало: не только самовоспитания, но и нормального порядка в классе не будет. К родителям обращаться надо, беседовать с ними надо, но у ребенка даже мысли не должно возникнуть, что самых дорогих, любимых людей учитель делает пугалом. В воспитании вообще недопустимо, чтобы на человека ребенок смотрел как на пугало. Если вы хотите, чтобы ребенок д у м а л хорошо, надо воспитывать его так, чтобы он любил мать, отца, учителя. Чтобы у него вообще были любимые люди.

Но как может рассчитывать на доверие, откровенность маленького человека педагог, если он не стал для ребенка любимым и близким, таким, к которому идут с самым сокровенным, глубоко личным,— с тем, о чем никогда не скажешь в присутствии всех товарищей по классу, по школе.

Не считайте все детские жалобы ябедой, а всех маленьких жалобщиков «тонкослезыми ябедниками», как любит говорить мой знакомый учитель, и потенциальными доносчиками. **Умейте выслушать жалобу.** Вообще умение слушать ребенка — большое педагогическое искусство. Там, где нет этого искусства, не может быть и воспитания. Вот к вам на перерыве прибежала первоклассница Надя. Глаза у нее радостные, а в голосе обида: «Коля насыпал мне за воротник зернышек шиповника... а они колются...» Даже от таких жалоб нельзя отмахиваться. Вам известны отношения между детьми, вдумайтесь, что руководило Колей: ответил ли он просто на шутки девочек, или же есть у него наклонность причинять товарищам неприятности. От того, с чем вы имеете дело, зависит и ваш ответ. Помните, что в этой пустой, как может показаться на первый взгляд, жалобе, вовсе и не жалоба, а вопрос к вам, воспитателю: что же такое справедливость? Хорошо это или плохо — причинять товарищу боль, обиду? Сумейте услышать этот вопрос во многих детских жалобах. Сумейте ответить на него. Но если в обиде, послужившей причиной жалобы, есть хотя бы маленькая крупица зла, не спешите наказывать обидчика. Надя обратилась к вам вовсе не для того, чтобы вы наказали Колю. Она хочет узнать, что хорошо и что плохо. Если же вы будете спешить с наказанием, дети не станут вообще обращаться к вам за помощью, ибо в подавляющем большинстве они увидят в этом зло, несправедливость. Обращаться к вам с жалобами будут только те, у кого в сердце свили гнездо обида, неверие в добро,— они станут приходить к вам, чтобы вашими устами, вашей волей расправиться с тем, кто им неугоден. Опасайтесь, как огня, стать орудием недоброжелательности.

Если в школе царит добро и взаимное доверие, воспитанник приходит к вам и спрашивает, где истина, что ему делать. Вопросов таких во взволнованном детском рассказе вы можете и не услышать, но умейте «прочитать» их «между строк». Берегите тайну, которую доверил вам человек,— это одно из элементарных правил педагогики. Раскрывая перед вами душу, могут поведать о самом трудном и сложном, вы можете услышать о предосудительном поступке, о таких взаимоотношениях между вашими учениками, которые, казалось бы, сразу же требуют немедленного вмешательства взрослых. Умейте быть терпеливыми в таких случаях. Следствием вашей беседы с воспитанником не должно быть наказание. Одним из наиболее остро ранящих душу наказаний является выставление перед коллективом глубоко личного.

Я уже говорил, что ребенок стремится доверить свои чувства и мысли человеку, которого уважает и любит. Но каждый честный и скромный человек переживает в таких случаях большую стеснительность. Умейте увидеть в глазах своего питомца тончайшие движения его души. Найдите слово—единственное, подчас его нужно искать среди тысяч других,— которое тонко и умно побудило бы ребенка раскрыть свое сердце.

То, что человек открылся вам, уже одно это большой успех воспитательной работы. Но дальнейшее в огромной мере зависит от того, к а к и м у в и д и т и п о ч у в с т в у е т ребенок ваше прикосновение к его сердцу. Если хотите, это одна из самых тонких и трудноуловимых вещей в педагогике. Речь идет о великом искусстве человеческой участливости.

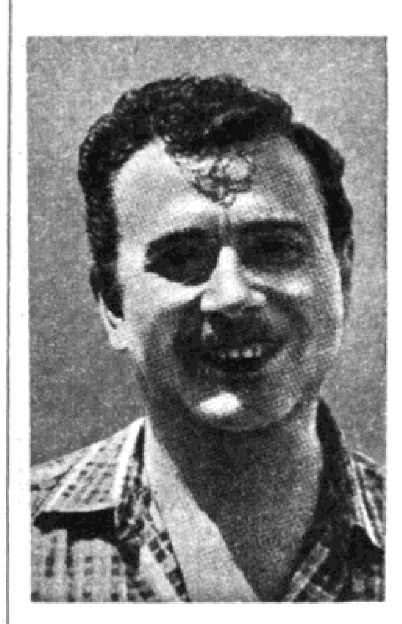
Психологическую сторону исповеди понимали уже древнегреческие философы-пифагорейцы. В своем учении о катарсисе (в переводе с греческого — очищение) Аристотель подробно объяснил сущность исповеди.

В арсенале религиозного воспитания этой форме воздействия на человека придается очень большое значение. Спрашивается: почему не должны использовать эту форму в своих целях мы? Если воспитанник не идет к учителю со своими радостями и горестями,— вообще смешно говорить о каком бы то ни было воспитании, его нет, нет и нет. Откровение сердца или, не будем бояться этого слова, **исповедь** воспитанника любимому воспитателю, в нашем современном представлении — это процесс взаимного облагораживания сердца и разума. Человек, как говорят в таких случаях, б е р е т с е б я в р у к и — это как раз и есть тонкое побуждение к самовоспитанию. Он властвует над своими порывами. Поэтому доверительная беседа с воспитателем приносит облегчение, улучшает самочувствие. Разделенная радость — двойная радость, разделенное горе — половинное горе.

Индивидуальная беседа — это в практике моей работы одно из важнейших, самых сильных и ничем не заменимых средств воспитания. Самые трудные и самые богатые часы воспитания — это как раз часы, посвященные индивидуальным беседам. Без этой социально-психологической защиты детства я не представляю себе нормальной воспитательной работы. Если бы не эта защита, невозможно было бы работать с коллективом.

Больно даже при мысли о том, что в школах у нас есть ученики, которые **носят в себе неразделенное горе.** Оно опустошает детские души. И самым страшным горем бывает чувство своей неполноценности: другим знания даются, а у меня ничего не выходит, я неудачник, такова уж моя судьба... Эта боль накапливается постепенно, изо дня в день. Ребенку хочется поделиться ею, но стыдно, и он молчит. Молчит дома, молчит в школе. Присмотримся к своим питомцам, и мы увидим порой печальные, умоляющие глаза. Нужно защитить ребенка от горя. Прежде всего принесем ему хотя бы маленькую радость: сделаем так, чтобы он познал успех в овладении знаниями, испытал чувство гордости.

Если вы и ваш воспитанник стали друзьями, если вас объединяет взаимное доверие, если вы никогда не принесли своему питомцу зла, огорчения,— вот тогда вы имеете моральное право учить са-



ЯННИС РИЦОС И ГРЕЦИЯ

Д. ЛОЗИНОВ

Красоты Греции, ее исторические памятники давно отражены в стихах и прозе, в музыке и живописи, в скульптуре и песнях. Они с детства близки нам и волнуют нас.

На мою долю редкое выпало счастье: я узнавал страну с помощью человека, в котором, как мне кажется, удивительно воплотилась не только современная Греция, но и ее светлое будущее.

Этот человек — поэт Яннис Рицос, великий жизнелюб, мужественный борец, второй год томящийся в заключении, куда его упрятала хунта черных полковников.

...Много живописных пригородов в Афинах — Психико, Филофеи, Глифада, Кифисья, Халандри,— с белоснежными виллами богачей, модных писателей. Но есть и такие городские районы, как Ахарнон, Перистери или Кайсариани, которые резко отличаются от центра и от парадных пригородов столицы. Немощеные улицы вечерами почти совсем не освещаются, нет тротуаров, отсутствуют магазины или же их трудно обнаружить, так они малы. Зато сразу же почувствуешь, что люди здесь живут в особом согласии и близости. Своим внешним видом — маленькими одноэтажными домиками, выстроившимися вдоль пыльных улиц,— эти афинские окраины мало походят на город. В местных лавчонках и тавернах своя постоянная клиентура, жители хорошо знают друг друга. В маленьких, чахлых садиках возле домов на легких стульях сидят женщины и о чем-то судачат, в пыли идет очередной футбольный матч, в угловой кофейне за чашкой кофе или стаканом вина собрались мужчины.

В одном из таких районов — Ахарноне — и жил Яннис Рицос, когда мы познакомились с ним. Мне неоднократно приходилось бывать у Рицоса, и я хорошо узнал его дом. Налево от входной двери — небольшой салон, окна которого выходили в садик. Стены салона увешаны рисунками поэта, которые он сделал в ссылке на острове Макронисос. Здесь же пианино со стопкой нот, письменный стол.

В салоне этого дома было проведено немало часов с Рицосом. Он приглашал приходить к нему утром, так как к обеду уходил на службу. Крупнейшему поэту, которому в 1957 году, несмотря на его прогрессивные взгляды, даже официальные власти вынуждены были присудить государственную премию за его прекрасную поэму «Лунная соната», приходилось работать в одном из афинских издательств на технической должности.

А помимо службы, у Рицоса была работа по зову сердца, которой он отдавал все силы. Рицос работал непрерывно и в первой ссылке на Макронисосе, работает, если позволяют физические силы, я уверен, и сейчас. Каждый раз, когда я приходил к Рицосу домой, он трудился: писал стихи, рисовал, читал, редактировал. Для отдыха он немного играл на пианино. Стихи, с которыми знакомил меня Рицос, были часто в рукописях с подстрочником на французском языке. Рицос переводил их сам и своим мелким почерком записывал на длинных полосках бумаги.

Все попытки с моей стороны узнать какие-нибудь подробности о первой ссылке, где поэт пробыл с 1949 по 1953 год, не удавались. Однажды он сказал: «Что об этом вспоминать? Было такое, что некоторые сошли с ума, но большинство выстояло, так как верило в будущее. Могу только сказать, что и там мы находили время для шуток».

Рицос хорошо знает нашу поэзию, он много переводил из русской классической и советской поэзии; он влюблен в Маяковского, которого замечательно читает на греческом языке.

Лет десять назад в Греции впервые гастролировала «Березка». Успех был невиданный. Рицос говорил о концертах с восхищением. Одним из лучших номеров греческие зрители считали хоровод, когда девушки пели песню на слова Исаковского «Ой, цветет калина». Ошеломляющий успех этого номера подсказал нам мысль перевести песню на греческий язык. Рицос сделал перевод сразу же, на одном дыхании. И вот однажды вечером, когда наши девушки, танцуя в хороводе, запели по-гречески, в концертном зале разбушевался такой ураган восторга, который было трудно унять. Потом эта песня в исполнении девушек из «Березки» была записана на пластинку и разошлась по Греции. В ту весну она звучала повсюду. Рицос нашел ювелирно точные слова для перевода, он изумительно уловил строй песни, ее чистый и глубокий лиризм.

Рицос любит музыку, она постоянно звучит в его стихах. Однажды он предложил сходить вместе на концерт греческого пианиста Темелиса в древний театр Ирода Аттического, расположенный у подножия Акрополя под открытым небом. Была тихая ночь, и лунный свет слабо отражался мраморными колоннами Парфенона. В театре выключили электричество. Темелис играл «Лунный свет» Дебюсси. Рицос сидел как очарованный. Не впервые я бывал в этом театре, но одно это посещение раскрыло для меня не только прелесть услышанной музыки, но и позволило по-новому взглянуть на Акрополь.

Когда бываешь с Рицосом, разговариваешь с ним, то многие вещи, которые казались до этого обычными, вдруг поворачиваются совершенно новой стороной.

Такое простое дело, как поездка на пляж в Вулиагмени, недалеко от Афин, если она совершалась с Рицосом, превращалось в увлекательнейшее путешествие, в прекрасное, которое поэт видит на каждом шагу и не может держать только для себя.

С ним вместе мы ездили на сбор винограда, наблюдая, как нагруженные гроздьями повозки возвращаются вечером в деревню. Он познакомил меня с настоящими греческими танцами, а не теми, которые исполняются для туристов в тавернах специально подготовленными людьми. От него я узнал еще множество вещей и главное: как прекрасна Греция и как талантлив ее народ. Об этом все стихи Рицоса. Он человек, который сегодня видит завтрашний день. Поэт сказал об этом точно и прекрасно:

Оттого, что так долго и
пристально
морю в глаза мы смотрели,
и в людские открытые очи,
и в глубины сердец
непреклонных, —
наши взоры наполнились
завтрашним днем *

Человек, отчетливо видящий будущее, всегда был ненавистен тем, кто цеплялся за день вчерашний. Поэтому Яннис Рицос — гордость греческого народа — несколько лет находился в ссылке. Вернувшись, он не прекратил воспевать жизнь и солнце, свою измученную, но прекрасную Грецию. После захвата власти хунтой в апреле прошлого года Яннис, больной туберкулезом, был вновь схвачен и выслан на остров Лерос. И вот тревожная весть, пришедшая к нам совсем недавно: Яннис Рицос тяжело болен, его перевели в Афины, но не отпускают на свободу. Черные полковники боятся человека, написавшего такие строки:

За дверью запертой сияет мир,
И эту дверь должны мы
распахнуть! *

Мы верим, что запертая дверь будет распахнута и мы скажем вместе со всей Грецией, со всем миром: «Здравствуй, Яннис!»

* Перевод Е. Долматовского.

ЛЮДИ МИРА, БУДЬТЕ ЗОРЧЕ ВТРОЕ!

Приближается 20-летие движения сторонников мира. Люди доброй воли во всех странах на протяжении этого времени вели неустанную благородную борьбу против угрозы новой мировой войны. «Мира не ждут — мир завоевывают!» Прозвучав впервые в манифесте Варшавского конгресса, обращенном к народам земли, эти слова стали для всех сторонников мира руководством к действию против угрозы ядерной войны, за всеобщее разоружение и безопасность, за свободу народов.

Два десятилетия — это немалый срок. О движении сторонников мира знают сегодня все, но не все помнят его историю. И вот Николай Матковский, который в течение ряда лет являлся секретарем Всемирного Совета Мира, написал брошюру «Движение сторонников мира на современном этапе». В брошюре на обширном фактическом материале дается краткий исторический очерк развития движения сторонников мира, раскрывается его широкая демократическая основа, освещается борьба миролюбивых сил за мир, разоружение и национальное освобождение народов. Особое место в брошюре отводится героической борьбе вьетнамского народа против империалистической агрессии США, широкой международной кампании солидарности в поддержку борющегося Вьетнама.

Еще на заре движения сторонников мира Фредерик Жолио-Кюри говорил, что тем, кто выступает за подготовку новой войны, «мы спокойно, но уверенно скажем: вам придется считаться с нами». Жизнь и годы убедительно доказали правоту этих слов.

По своему характеру всемирное движение за мир — широчайшее общественно-демократическое движение современности. В нем участвуют миллионы людей самых различных политических и религиозных убеждений. Они ведут мужественную, самоотверженную борьбу. Кому не известен героический подвиг простой французской девушки Раймонды Дьен, бросившейся на рельсы, чтобы преградить путь эшелону с оружием! Люди доброй воли свято чтут память мужественного греческого борца за мир и демократию Ламбракиса, зверски убитого в 1963 году во время демонстрации в защиту мира в Салониках. Люди всегда будут с благодарностью и восторгом произносить имена тех, кто в наше время, не жалея сил, самой жизни, борется за то, чтобы спасти человечество от нависшей над ним угрозы термоядерной войны.

Автор рассказывает в своей брошюре о практических действиях движения за мир за два десятилетия, приводит яркие примеры из летописи борьбы, обращает особое внимание на позицию коммунистов, участвующих в движении. Он подчеркивает, что коммунисты идут в первых рядах борцов за мир. Все честные люди видят в лице коммунистов знаменосцев борьбы за счастливое будущее человечества, за мир во всем мире. Именно поэтому с такой огромной силой прозвучал Манифест мира, с которым обратилось Международное совещание коммунистических и рабочих партий в 1957 году к народам. Пламенный призыв «Миру — мир!» коммунисты адресовали всем партиям, всем правительствам и народам, всему человечеству.

За плечами советских борцов за мир большой, трудный, но в то же время вдохновляющий путь. Они активно и решительно отстаивают дело мира не потому, что боятся агрессоров. Советских людей не запугать, они умеют постоять за себя. Труд наш надежно защищен доблестными, могучими вооруженными силами. Но мы отстаиваем дело мира на земле, потому что лучше кого бы то ни было знаем, какие неисчислимые потери и лишения приносит война народным массам.

Брошюра Н. Матковского выпущена в свет издательством «Знание». Несомненно, она вызовет интерес в широких кругах читателей.

Н. ПАСТУХОВ

мовоспитанию, и ваши поучения будут восприниматься как мудрость жизненного опыта. Ваша сердечность, ваша доброта дают вам еще одно великое право — **право на мудрую строгость.** Без мудрой строгости, основанной на добре и справедливости, воспитание превратилось бы в сюсюканье.

Есть еще одно условие, без которого невозможно самовоспитание. Оно, это условие, образно говоря, лежит между волей педагога и волей воспитанника, как бы объединяет воспитание и самовоспитание в единое целое. Это условие — осознание воспитанником своего собственного становления: **сегодня я стал лучше, чем вчера,** в мою душу входит добро и красота, и это зависит в огромной мере от меня самого, от собственной моей воли. Прекрасный спутник осознания воспитанником своего собственного становления — самоуважение, зарождение чувства собственного достоинства. Только там, где воспитанник уважает себя, возможно самовоспитание. И чем глубже чувство самоуважения, тем больше чуткости, восприимчивости к вашим наставлениям: воспитывать себя надо вот так. Там, где нет самоуважения, человек останется глух к вашим поучениям и советам.

Самоуважение—это очень хрупкая вещь. С ней надо быть исключительно осторожным. Для того, чтобы воспитать самоуважение, надо действовать только тонкими воспитательными средствами. Оно не терпит грубых, «сильных», «волевых» средств. Я бы назвал самоуважение детской интеллигентностью. Это душевная мягкость, помноженная на чистоту мыслей, побуждений, намерений. Здесь мы имеем дело с самым интересным в школе делом — с делом, заслуживающим огромного внимания, но, к сожалению, малоизученным — с детским умственным трудом, точнее, с отражением этого труда в эмоциональной сфере — с **интеллектуальными чувствами.** Уважение к самому себе рождается из радости познания, источника детской интеллигентности. Если же учение не приносит радости, напротив, тяготит, то человек становится равнодушным, безразличным к самому себе — ни о каком самовоспитании не может быть и речи. Важнейшая задача педагога как воспитателя заключается в том, чтобы оберегать в юном сердце огонек светлых интеллектуальных чувств.

Наша тонкая и сложная воспитательная миссия заключается в том, чтобы перед каждым — перед каждым без исключения — умственный труд открылся бы как важнейшая сфера выражения и самовыражения личности. Я не знаю нормального ребенка, который по крайней мере по одному какому-нибудь предмету не смог бы достигнуть отличных результатов. Когда я вижу перед собой неуспевающего, я стремлюсь прежде всего определить, где у него та «зацепка», ухватившись за которую в нем можно пробудить чувство гордости. И вот человек, которого все считали ни к чему не способным, становится отличником по какому-то предмету. Чувство гордости пробуждает в нем здоровое самолюбие. Не бойтесь этого чувства, развивайте и углубляйте его. Если уж человек относится сам к себе не безразлично, он не позволит себе быть неуспевающим. Конечно, все не так легко и просто. Все это требует понимания тончайших движений души.

Наш долг — не только вкладывать в юные умы знания, но и быть врачевателем душевных ран. Пусть же социально-психологическая защита детства станет одним из самых важных элементов воспитания в каждой школе.

Павлышская средняя школа
Кировоградской области.



Дежурный диспетчер Н. Ф. Оберган.

На большом сибирском перекрестке

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Д. УХТОМСКОГО и С. СТЫРОВА.

Аэропорт не спит и ночью.

На летном поле своих чувств скрывать не принято...

Новосибирску 75 лет. Возраст для города небольшой, можно сказать, юношеский. Зато силы, опыта и славы у него не по годам много. За три четверти века стал он всемирной рабочей и ученой знаменитостью.

А был когда-то совсем маленький. И колыбельные песни пели ему паровозные гудки. Своим рождением Новосибирск в большой степени обязан Транссибирской железной дороге. Еще тогда его называли сибирским перекрестком. Теперь это название укрепилось и приобрело более широкий смысл. Новосибирск — оживленный, многолюдный воздушный перекресток. Аэропорт Толмачево, что в тридцати километрах от города, за год принимает более миллиона пассажиров, как раз столько, сколько в Новосибирске жителей. В летние дни проходит через воздушные ворота сибирской столицы до пятнадцати тысяч пассажиров.

Пятнадцать тысяч расставаний и встреч, пятнадцать тысяч судеб, пятнадцать тысяч характеров, ожиданий, пятнадцать тысяч билетов в 53 города страны.

А с рогами можно!



Хорош аппетит у солдата!
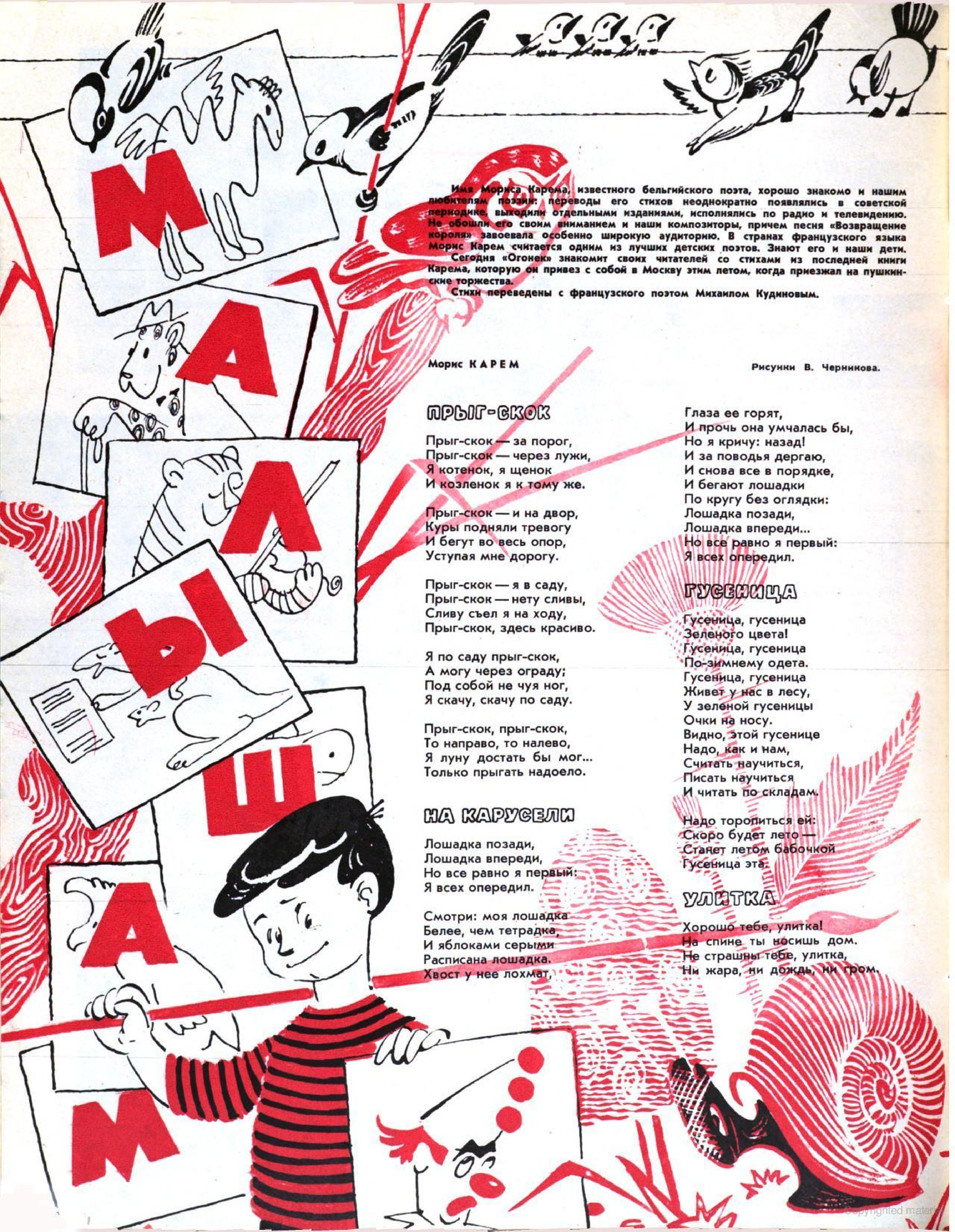




Дневальный.



Ни пуха ни пера!

Страшно лететь в первый раз.





Имя Мориса Карема, известного бельгийского поэта, хорошо знакомо и нашим любителям поэзии: переводы его стихов неоднократно появлялись в советской периодике, выходили отдельными изданиями, исполнялись по радио и телевидению. Не обошли его своим вниманием и наши композиторы, причем песня «Возвращение короля» завоевала особенно широкую аудиторию. В странах французского языка Морис Карем считается одним из лучших детских поэтов. Знают его и наши дети.

Сегодня «Огонек» знакомит своих читателей со стихами из последней книги Карема, которую он привез с собой в Москву этим летом, когда приезжал на пушкинские торжества.

Стихи переведены с французского поэтом Михаилом Кудиновым.

Морис КАРЕМ

Рисунки В. Черникова.

ПРЫГ-СКОК

Прыг-скок — за порог,
Прыг-скок — через лужи,
Я котенок, я щенок
И козленок я к тому же.

Прыг-скок — и на двор,
Куры подняли тревогу
И бегут во весь опор,
Уступая мне дорогу.

Прыг-скок — я в саду,
Прыг-скок — нету сливы,
Сливу съел я на ходу,
Прыг-скок, здесь красиво.

Я по саду прыг-скок,
А могу через ограду;
Под собой не чуя ног,
Я скачу, скачу по саду.

Прыг-скок, прыг-скок,
То направо, то налево,
Я луну достать бы мог...
Только прыгать надоело.

НА КАРУСЕЛИ

Лошадка позади,
Лошадка впереди,
Но все равно я первый:
Я всех опередил.

Смотри: моя лошадка
Белее, чем тетрадка,
И яблоками серыми
Расписана лошадка.
Хвост у нее лохмат,
Глаза ее горят,
И прочь она умчалась бы,
Но я кричу: назад!
И за поводья дергаю,
И снова все в порядке,
И бегают лошадки
По кругу без оглядки:
Лошадка позади,
Лошадка впереди...
Но все равно я первый:
Я всех опередил.

ГУСЕНИЦА

Гусеница, гусеница
Зеленого цвета!
Гусеница, гусеница
По-зимнему одета.
Гусеница, гусеница
Живет у нас в лесу,
У зеленой гусеницы
Очки на носу.
Видно, этой гусенице
Надо, как и нам,
Считать научиться,
Писать научиться
И читать по складам.

Надо торопиться ей:
Скоро будет лето —
Станет летом бабочкой
Гусеница эта.

УЛИТКА

Хорошо тебе, улитка!
На спине ты носишь дом.
Не страшны тебе, улитка,
Ни жара, ни дождь, ни гром.



И ползешь ты с домом вместе
В лес прохладный, в сад густой;
Тут, и там, и в каждом месте
У тебя есть домик свой.

А у нас и днем и ночью
За окном и шум и чад,
И хочу, хочу я очень
Видеть лес и видеть сад,
Видеть реки, видеть горы,
Видеть поле при луне
И улитку, у которой
Есть свой домик на спине.

Хорошо улиткой быть:
Где угодно можно жить.

ОЛЕНЬ

Едва открыл я двери,
Как в дом вошел олень.
Смотрю — глазам не верю,
А он мне: «Добрый день!»

И вдруг листвой покрылись
И стулья и кровать,
И птицы появились
И стали щебетать.

Буфет ветвями машет,
Стол превратился в пень,
На люстре белка пляшет,
А в кресло сел олень.

Он смотрит без опаски,
Мы стали с ним друзья...

Да, все бывает в сказке.
Но верить ей нельзя.

ТЫ ВИДЕЛ ЭТО?

Ты видел с крыльями верблюда,
Летающее чудо-юдо?

Ты видел леопарда с тростью,
Идущего куда-то в гости?

Ты видел тигра, что на скрипке
Играет польку без ошибки?

Ты видел кенгуру, чье пенье
Людей приводит в восхищенье?

Ты видел в шляпе бегемота,
Которого обидел кто-то?

Ты видел птицу-какаду,
Играющую в чехарду?

Нет, ты не видел... Ну и что же?
Я этого не видел тоже.

ЦИРК

Жаль, что клоун опоздал!
Он бы лопнул здесь от смеха,
Когда фокусник достал
Из-под скорлупы ореха
Черепаху и зайчонка,
А потом еще утенка,
И велел им песню спеть,
И они запели звонко.

Жаль, что клоун опоздал!
Видно, он пошел на бал
Или дома задержался.
Очень фокусник устал:
Всех один он забавлял.
Потому таким усталым,
Потому таким печальным
Я его нарисовал.

БЛОХА И СЛОНЕНОК

Запряглась блоха в коляску
И давай катать слоненка,
А дома пустились в пляску,
А витрины пели звонко.

— Как об этом рассказать?
Не поверят мне опять.

Развалившись на сиденье
И забыв про все на свете,
Пассажир жевал печенье,
А блоха неслась, как ветер.

— Ну и скачка! Просто страх!
У меня рябит в глазах.

Вдруг забор. В куски коляска,
И тогда сказала блошка:
«Получилась неувязка,
Просчиталась я немножко».

Ну, а мне-то что сказать?
Не поверят мне опять.

Водою омытый...

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Специальные корреспонденты «Огонька»

КРАСНОРЕЧИЕ... КАМНЕЙ

Две грозовые военные тучи почти одна за другой пронеслись над тобой, древний город. Нам довелось видеть тебя и тогда, весной сорокового, пустынным, хмурым, и потом, летом сорок четвертого, когда стлался по твоим узким улицам дымный шлейф пожарищ. В первый раз война еще как-то пощадила тебя, а во второй — все разметала, оставив после себя пепелища, остовы обезглавленных зданий да сотни надписей на толстокаменных почерневших стенах: «Осторожно: мины».

И вот снова встреча с тобой, Выборг. Весь ты сегодня какой-то просветленный, приветливый, уютный, зеленый, чистый город, в котором послевоенное многоэтажье поднялось над любовно восстановленными старинными островерхими домами. Поднялось оно с явно выраженной, увы, не всегда воплощенной в жизнь мечтой зодчих слить в едином архитектурном ансамбле прошлое, сегодняшнее, будущее. Задача не из легких. Город быстро растет в сторону Ленинграда. Вырос один большой микрорайон, начато строительство второго, задумывается третий, планируется строительство больших зданий ресторана, гостиницы. Все это должно органично вписаться в своеобразную архитектуру старых кварталов. Выборжцы некоторые здания сооружают по индивидуальным проектам, чтобы бережно сохранить непередаваемый колорит минувших эпох, лик древнего города. И будет еще немало жарких споров зодчих, как расти дальше Выборгу, где так причудливо сплетаются ныне старина и новь: 1293 года рождения крепость и легко нависшие над заливом современные мосты; Аннинские укрепления — великолепный образец русских инженерно-оборонительных сооружений XVIII века — и недавно построенные корпуса судостроительного завода; средневековая башня Ратуши и одиннадцать этажей «выборгского небоскреба» на Ленинградском шоссе.

...Годы, люди, события, памятные места, монументы, неприметные на первый взгляд постройки, породившие были и легенды. Вон в том доме, на Северном валу, останавливался М. И. Глинка на пути к водопаду Иматра, и говорят, что заунывная песня здешнего возницы позже зазвучала арией Финна в «Руслане и Людмиле»...

Обо всем этом рассказывается легко, мы сказали бы даже, с мастерством заправского гида — не потому ли, что наша спутница, Галина Семеновна Дементьева, до того как стала секретарем горкома КПСС, была педагогом? Направляясь в Выборг, мы поклялись друг другу не писать, что «здесь каждый камень — история», слова ныне уже стертые, как пятаки. Но что поделаешь, когда Галина Семеновна так увлеченно листает страницы каменной летописи и ты не можешь не восхищаться «красноречием» камней, не прислушиваться к их говору.

...Гуляем по живописным аллеям старинного парка: зеленые луга с небольшими рощами и высокими скалами, узкие проливы и заливчики, хаотические нагромождения камней, рассеченные узкими тропинками. Знакомимся с экспонатами этого своеобразного музея под открытым небом, и вдруг гид снова становится секретарем горкома — нам повстречался директор парка Ю. Д. Гавва, и тут пошел нелицеприятный разговор. Ох, уж эти летние парковые заботы!.. Но, к счастью директора, вдали показался четырехбашенный замок на скале, и Дементьева, мгновенно переключившись все на ту же волну истории, рассказывает очередную легенду об «острове мертвых» с фамильным склепом бывшего хозяина этой усадьбы «Монрепо». Она — о мертвых, а мы — о живых. Сетуем на Министерство культуры РСФСР за невнимание к столь уникальному пятнадцатигектарному чуду природы. Галина Семеновна тяжело вздыхает, присоединяется к вслух высказанным нами мыслям — «одному нашему горсовету все это хозяйство действительно не под силу...» — и снова о «Монрепо». Еще до двенадцатого века в этом районе находилось торговое русско-карельское поселение, и новгородцы ходили отсюда с товарами на холодную Ладогу.

Так мы и путешествуем по Выборгу. То окунаемся в глубь веков, то вновь поднимаемся до высот больших сегодняшних дел выборжцев. «Корабли строим,— рассказывают нам,— сети вяжем, редкостный электроинструмент в разные страны поставляем, детские коляски мастерим». И тут мы вспоминаем забавную историю про то, как из заполярного Мурманска счастливый папа четырех близнецов запросил выборгских мастеров сотворить для новорожденных коляску особой модели...

И снова — к древним временам, поскольку «Волга» наша уже стоит у сводчатых ворот Выборгской крепости.

...1294 год. Господин Великий Новгород, не пожелав примириться с потерей карельских земель, шлет свое войско осадой брать шведскую крепость, да безуспешно. «Сия баталия» лишь столетия спустя с блеском была осуществлена Петром. Бронзовый, гордый, стоит он на гранитной скале, что ныне зовется Петровской горой, откуда самолично он той баталией командовал. 13 июня 1710 года русские войска, овладев крепостью, вошли в Выборг. Много позже Карл Маркс напишет по этому поводу, что Петр завладел лишь тем, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны. А тогда, по свежим следам победоносного штурма, царь объявил, что «чрез взятие сего города Санкт-Петербургу конечное безопасение получено».

А путешествие наше продолжается. Мы уже «въехали» в год семнадцатый. Машина пробирается по узким улицам поселка Ленина, бывшего рабочего предместья Выборга — Талликкала, и Галина Семеновна несколько торжественно объявляет: «Мы едем к самому памятному для нас месту».

В ПРЕДГРОЗОВЫЕ ДНИ...

Выборг принадлежит к числу тех немногих городов России, где буквально, а не образно ковалась грядущая победа Октября. Есть тут маленький домик. Переступишь порог — и дух захватывает, когда ты думаешь о великом человеке, который здесь, в подполье, в последние предгрозовые дни жил, творил, разрабатывал план сокрушения старого мира; который здесь, вот в этой комнате, написал слова, ставшие хрестоматийными: «Кризис назрел. Всё будущее русской революции поставлено на карту».

Мы в доме 15 на Рубежной улице, в Доме-музее В. И. Ленина... От стенда к стенду... Ленин и Выборг... Трижды бывал здесь Владимир Ильич. Под стеклом подлинный экземпляр большевистской газеты «Пролетарий». По предложению Ленина решено было издавать эту газету в Выборге. Летом 1906 года приехал сюда главный ее редактор — В. И. Ленин. Остановился в гостинице близ вокзала. В свободные часы любовался окрестностями со стороны старинных крепостных рвов. И не уезжал до тех пор, пока не вышел первый номер — 21 августа.

Пройдет немного времени, и снова задание партии позовет Ленина в Выборг. Теперь уже нельзя жить в гостинице. Ленин скрывается на окраине, в лесу, на даче большевички Л. Х. Гоби — это уже проверенное убежище подпольщиков.

Трудная миссия у Владимира Ильича. Владелец московской мебельной фабрики Н. П. Шмит, будучи студентом, примкнул к революционному движению, участвовал в декабрьском вооруженном восстании. В 1907 году Шмит погиб в царской тюрьме и завещал свои богатства большевикам. Как наилучшим образом реализовать наследство? Вот с каким необычным поручением партии тайно прибыл тогда в Выборг Владимир Ильич. Ленин созывает по этому поводу тайное совещание на даче, в пригороде. По его поручению Л. Б. Красин приглашает сюда из Москвы большевика С. П. Шестернина, юриста по образованию. Вопрос о передаче партии половины наследства Шмита был уже решен. И Шестернину поручается оформить это в судебном порядке, что он и выполняет.

Пройдет еще десять лет, и Ленин, скрывавшийся в Гельсингфорсе от шпиков Временного правительства, снова приедет в Выборг, чтобы в эти дни быть поближе к столице, к ЦК партии, чтобы отсюда руководить подготовкой вооруженного восстания.

...Раннее воскресное сентябрьское утро. В вагоне поезда полным-полно. И это прекрасно, так и задумано, так легче ускользнуть от сыщиков. Загримированного Ленина сопровождает редактор выборгской рабочей газеты "Тюэ" («Труд») Эверт Хуттунен. С вокзала—сразу к нему на квартиру. Но оставаться тут опасно. Редактор живет в центре города, и к нему частенько приходят разные люди. Еще в Гельсингфорсе было решено: Владимир Ильич поселится в рабочем предместье Выборга, в Талликкала, в доме сотрудника «Тюэ» Юхо Латукки. Он не заставил себя долго ждать, Юхо явился с утра пораньше. Поздоровались, познакомились. «Меня зовут Ивановым»,— негромко предупредил Ленин. Поздно вечером Латукка нанял извозчика и повез гостя с его тремя кипами газет к себе в Талликкала, на Александровскую, ныне Рубежную, улицу.

— Моя комната в вашем распоряжении, Владимир Ильич. А я переберусь в другую половину дома, к родителям жены.

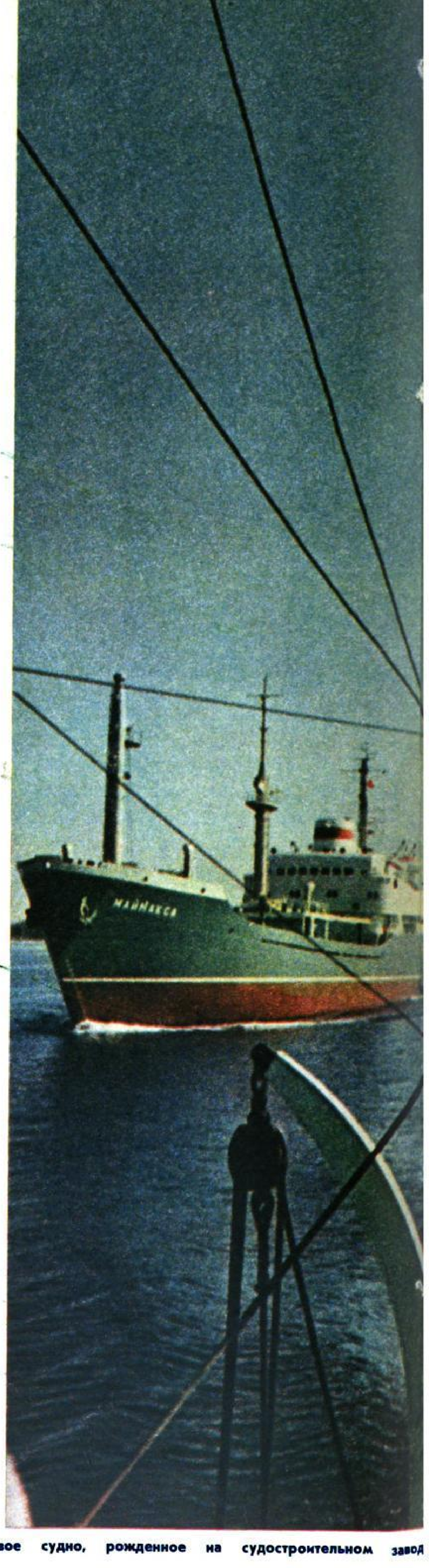
Все здесь понравилось Ленину и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы.

— Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?— Ленин пожал руку Латукке и сказал:— Здесь я смогу хорошо поработать.

Мы стоим в этой скромно обставленной комнате, где все как было при нем. Смотрим на книжный шкаф, часы, керосиновую лампу под абажуром, стол с письменным прибором и вспоминаем о том, что рассказывали нам сегодня утром о двадцати днях жизни Ленина в выборгском подполье. Как много и напряженно работал тут Владимир Ильич! В семь часов утра — уже за письменным столом. Ленин точно соблюдал им же установленный распорядок дня. И только время для сна не регламентировалось. «Это будет

Растут молодые граждане города. Растут новые кварталы старинного Выборга.

Фото И. Тункеля.



В Выборге причудливо сплетаются старина и новь. Уходит в первый рейс «Маймакса», новое судно, рожденное на судостроительном завод ми солдатами, что штурмом брали вот эту древнюю крепость.

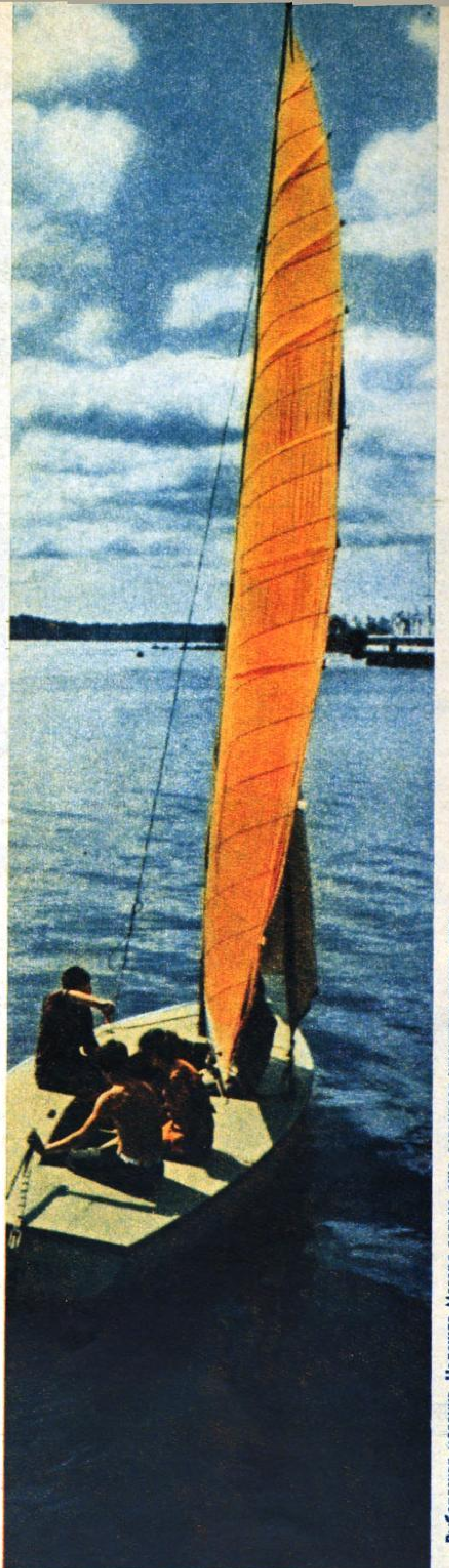
. А там, на берегу, словно провожая корабль, смотрит в даль бронзовый Петр. Он стоит на гранитной скале, откуда командовал русски-











Выборгская мозаика. Надежда Магеря только еще осваивает искусство вязать сети для рыбаков; в минуты короткой остановки на пути из Хельсинки в Ленинград; это тоже сделано руками выборжцев; приметы города, омываемого водой; этим часам сотни лет.

зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного...» — говорил Ленин Латукке.

Отсюда, из маленького домика в Талликкала, Ленин пристально наблюдал за бурным развитием революционных событий в Питере, Москве. «Следите за телеграммами ПТА[1], я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте»,— строго наказывает гость хозяину дома. Цепочка связных доставляла сюда Ленину большую почту, передавала в Питер его статьи, письма. Последним в этой цепочке был финский поэт-революционер Кэсси Ахмала, экспедитор выборгского почтамта.

И тут мы позволим себе небольшое отступление. Наши коллеги, ленинградские журналисты, оказавшись в Хельсинки, побывали у дочери поэта — Хилкки Ахмала, проведшей много лет в шюцкоровских застенках. Она рассказывала, как еще тогда, когда Ленин скрывался в Гельсингфорсе, ее отец помогал Владимиру Ильичу поддерживать связь с Питером, с ЦК партии.

«В дни революции,— вспоминала Хилкка Ахмала,— отца избрали членом Ревсовета выборгской почты. Когда город заняли белые, он и его товарищи были расстреляны во дворе почтамта. Кто-то подбросил к нам в почтовый ящик отцовский бумажник с документами». Хилкка Ахмала попросила гостей: «Если будете в Выборге, поклонитесь праху отца: он похоронен в братской могиле вместе с финскими красногвардейцами».

Наши коллеги выполнили ее просьбу: алые гвоздики легли к подножию строгой гранитной стелы, что стоит у въезда в Выборг. На русском и финском языках высечено на гранитной плите: «Здесь лежат финские красногвардейцы — мужественные борцы за дело трудового народа Финляндии, расстрелянные финскими белогвардейцами и германскими интервентами в апреле — мае 1918 года. Вечная слава героям!» Они не дожили до тех светлых дней, что явственно виделись Ленину из маленького окошка маленького домика рабочего предместья Выборга...

Владимир Ильич покинул его 7 октября, покинул по вызову ЦК, соблюдая строжайшую конспирацию. Из Выборга — на Выборгскую сторону Питера, чтобы там, на месте, готовить вооруженное восстание. Готовя его, Ленин не забывает и о такой силе, как Выборг с его боевой большевистской организацией, революционными матросами, солдатами, рабочими,— он живо интересовался их делами в пору подполья. «Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель,— пишет Ленин,— могут и должны пойти на Питер...»

И они пошли на поддержку восставшего Петрограда. Был в том отряде бравый вояка, командир крепостной батареи, депутат первого Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов — Михаил Свинцов. Сейчас мы сидим в его уютной квартире в новом доме на улице Ленина, и живописует он со всеми подробностями события той поры:

— В нашем крепостном артиллерийском полку было много революционно настроенных солдат. Отчаянные ребята питерские рабочие. Через них и шла по рукам нелегальщина... А учебной ротой командовал тогда капитан Высоких. Про Порт-Артур читали? Так вот, ошибся автор. Капитана нашего к убитым приписал, а он в живых остался. От него я и схлопотал в том семнадцатом восемь часов под ружьем с полной выкладкой и не шелохнувшись. Это за молитву.— И сухопарый старичок, разглаживая редкие льняные волосы, поправляя очки, весело смеется.

И прошлое заструилось во всей его невообразимой сложности, и весь он, Михаил Дмитриевич, там, в Выборге тех дней. Ничего не забыл старик. И про то, как уличил поручика Таланкина в том, что солдатам фальшивые патроны выдал, без пороху; и про то, как приехал к ним Иван Акулов, будущий прокурор СССР, посланный тогда партией в Выборг создавать военную большевистскую организацию; и про то, как по зову Ленина в самый канун Октября из Выборга отправился в Питер штурмовать Зимний отряд революционных солдат — и Свинцов с ними; и про то, как, вернувшись в Выборг, вместе с финскими красногвардейцами дрался за Советскую власть; и про то, как схватили его белофинны и грозили сперва расстрелом, а потом сказали: «В чем стоишь, в том и убирайся из города. Пошел вон, Иван...»

— Так и простился я с ним, с Выборгом, в том восемнадцатом.

Нам остается добавить к рассказу старика немногое: Михаил Дмитриевич Свинцов — почетный гражданин города Выборга.

ФЛАГ НАД «МАЙМАКСОЙ»

...Знакомя с городом, Галина Семеновна обратила наше внимание на географию Выборга, раскинувшегося на небольшом полуострове и мелких островках: с северо-востока — бухта Защитная, с юго-запада — Выборгский залив да множество всяких проливов, соединяющих их, да канал, да всякие заливы и заливчики калибром поменьше Выборгского. В общем, весь город как бы омывается водой, куда ни глянешь, всюду она. И не потому ли здесь так много людей, которые в будничных трудовых делах своих связаны с морями и океанами?

Город по справедливости гордится своими судостроителями. Древний Выборг лишь после минувшей войны обрел завод, которому, казалось бы, давным-давно следовало стоять тут, на берегу залива. А этому лишь 20 лет. Огромные корпуса его, эллинги, достроечные доки поднялись вдоль залива там, где было болото, запустение.

— От нуля начинали,— вспоминает секретарь заводского парткома Сергей Иванович Емельянов.— Ленинград помогал, Николаев... Опытом, людьми... А теперь свои кадры готовим: открыли техническое училище. Пятнадцать лет назад мы построили первое судно — «Выборглес». Долго, трудно строили. А потом наловчились, внесли большие изменения в технологию. Скоро сдадим судно, которым первую серию закрываем. И уже новую заложили. Головное судно как на дрожжах поднимается.

Под сводами сборочного корпуса все напоминает об этих самых «дрожжах» — энтузиазме комсомольцев. Они — шефы головного. Они и имя ему предложили — «Константин Шестаков», имя русского солдата, который на ближних подступах к Выборгу отдал свою короткую жизнь за те долгие и страшные пятнадцать метров, что отделяли его, уже раненного в ногу, от вражеского пулемета на господствовавшей высотке. Солдат заставил его умолкнуть и огонь того пулемета успел обрушить на противника. Он был один, а их — около пятидесяти. Неравный поединок длился недолго. Когда кончились патроны, когда была брошена последняя граната, пришла смерть. Так погиб Герой Советского Союза комсомолец Константин Шестаков. Его славное имя молодые судостроители и решили присвоить новому лесовозу. С тем и поехали в гвардейскую часть, где служил герой. Срочно было созвано там комсомольское собрание, и солдаты горячо поддержали молодых выборжцев. «Давайте вместе хлопотать...» Да, предстояли хлопоты. Имя нового судна утверждает Совет Министров СССР, а уж кто-то предложил назвать корабль иначе. И вот в Москву снаряжают гонца — вожака заводской комсомолии А. Сокольчука. С поезда — в ЦК ВЛКСМ. Там говорят: «Поддержим вас, действуйте...»

Постановлением правительства будущему лесовозу было присвоено имя Константина Шестакова. На заводе и сейчас помнят, какой это был многолюдный и торжественный митинг, когда закладывали судно. Приехала Прасковья Устиновна Шестакова, мать героя, пришли пионеры из школы его имени, прибыла делегация от той роты, в списки которой он занесен навечно...

Как известно, строить корабль — дело премного сложное: тысячи деталей, сотни поставщиков. И за каждой деталью, за всеми поставщиками наблюдают комсомольцы, созданный ими штаб. Их девиз — ни одной минуты потерянного времени. Как-то случилось, что нависла угроза небольшого простоя. Работа предстояла ювелирная, счет на миллиметры шел, а лучший мастер по этой части, Николай Бороздин, только что ушел в отпуск. Комсомольцы встревожились: как быть?.. И вдруг Бороздин сам является. Узнал отпускник про такую коллизию и на завод примчался. Здесь, на стапеле, в эту горячую пору мы и познакомились с ним. Их три брата, трое Бороздиных, корабли строят в Выборге. Тон задает Николай, коммунист, член партбюро цеха, делегат XXII съезда партии. Он стоял у колыбели первого лесовоза и с тех пор освоил много разных профессий. Но, как утверждают в цехе, никто так не умеет быстро и точно лючки подгонять, как Николай Бороздин. После него можно быть спокойным.

К судостроителям мы попали в торжественный для них день: с утра над «Маймаксой» был поднят государственный флаг СССР. Значит, еще один корабль, сделанный руками выборжцев, вошел в семью судов торгового флота. Порт приписки — Архангельск. Потому, видимо, и назван он именем северной реки Маймаксы.

Завтра, досрочно, судно уйдет в первый рейс — через Ригу на Антверпен. Формально «Маймакса» сдана, акт подписан, но судостроители все еще волновались, нет-нет да заглядывали на палубу, где уже хозяйничал экипаж моряков. Старпом Ф. Д. Антипов, умудренный многотрудным плаванием на Севере, весьма доволен новым теплоходом:

—На швартовых вся техника действовала безотказно. Корпус крепкий, управление легкое, маневренность хорошая. У всей этой серии судов машины мощные. А на «Маймаксе» — особо надежные, юбилейные... Сотое судно с брянским дизелем. С тем дизелем нам и памятный подарок из Брянска прибыл и письмо с добрым напутствием.

Речь зашла о подарках, и старпом спешит похвастаться еще одним. От судостроителей. Палехская шкатулка, а в ней серебрится горлыщко от бутылки шампанского, что по традиции была разбита о судно в момент его спуска на воду. И рядом с горлышком портрет крестной новорожденного корабля, рядовой работницы завода Клавдии Ивановны Салашиной. Тут и адрес ее на случай, если появится у кого охота письмо крестной издалека послать или в гости пожаловать, когда неисповедимые морские пути-дороги снова в Выборг приведут.

КАНАЛ ДРУЖБЫ

А уж кто лес возит, тому Выборгский порт не миновать. Не сегодня, так завтра или послезавтра. Порт — рядом с заводом, по соседству. Не сразу даже «демаркационную линию» приметишь. Вот причал, где новехонькая «Маймакса» стоит, а чуть подальше ветеран «Луцк» бумагу грузит для той типографии, где наш журнал печатают. Только что лоцман привел еще одно судно — «Игарку»: уголь для Светогорского целлюлозно-бумажного комбината. Сюда уголь — отсюда бумагу! Все идет своим чередом. На подходе несколько «иностранцев» — их тут много ошвартовывается под разными флагами.

— Порт наш быстро растет. Новые причалы, новые механизмы. Только за прошлую навигацию груз пятисот зарубежных судов переработали.

Он так и говорит, наш собеседник,— «переработали», «баланс работали», что на языке портовиков означает лес грузить. Профессия его — лоцман, а рассказывает он о жизни порта во всех подробностях, потому как Георгия Михайловича Бухмачева коммунисты избрали секретарем парткома и теперь ему все, что касается жизни порта, положено знать...

Бухмачев только что вернулся с Сайменского канала, и весь он полон новых забот. И как лоцман и как секретарь парткома. На подходном форватере от порта до первого шлюза им, выборгским лоцманам, вести финские корабли. Надо штат расширять, новую трассу осваивать. Привести корабль в Выборгский порт всегда считалось делом премудрым, требующим высокого мастерства. А этот участок особо сложный, коварный. Сколько тут всяких валунов, изгибов, поворотов — только настроился на курс, а его уже менять надо...

Новый водный путь, соединивший восточные районы Финляндии, Сайменское озеро, порт Лаппенранта с Выборгом, Ленинградом, Балтикой, начал действовать сравнительно недавно. А городу он дал знать о себе уже давно — эхом мирных взрывов на трассе; грохотом стройки новых мостов через залив; звонкой песней интернациональных вечеров дружбы советских и финских строителей; гомоном азартных соревнований рыболовов Выборга и Лаппенранты. Басовитые гудки судов только-только стали перекликаться на канале. А первую ласточку Выборг торжественно встретил еще ранней весной — первый теплоход, прошедший через все шлюзы канала, так и назывался «Ласточка». На борту советского судна были гости Выборга — финские парламентарии.

...Мы были на трассе нового водного пути в пору, когда здесь заканчивался официальный прием всех работ. Михаил Иванович Коровичев, заместитель советского уполномоченного по Сайменскому каналу, рассказывал нам о его истории, особенностях стройки.

— В 1962 году в Москве был подписан договор между СССР и Финляндией о передаче в аренду нашему северному соседу советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий в Выборгском заливе. А вскоре на том месте, где проходил старый Сайменский канал, прорытый еще в прошлом веке, началась коренная его реконструкция. Позади — гигантский объем земляных работ. И вот, как видите, канал готов к эксплуатации. Более 57 километров. Восемь шлюзов, из них пять на советской территории, арендованной финнами. Подписано соглашение о движении не только грузовых, но и пассажирских судов. Появился новый прекрасный туристский маршрут.

...Мы стояли на мосту первого шлюза и любовались водными просторами фарватера, разглядывали сохраненное временем узкое ложе старого канала. Кругом было тогда тихо и безлюдно, и только у подножия гранитных стел трудилось несколько финнов. Шли последние отделочные работы на обелиске советско-финляндской дружбы...

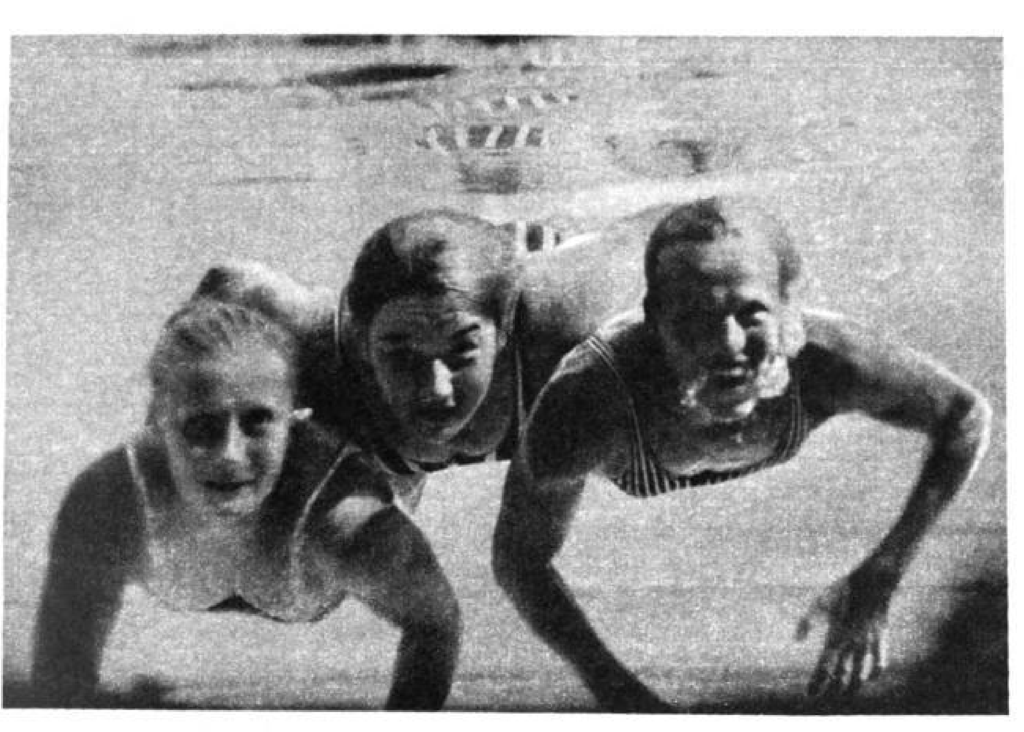
[1] Петроградское телеграфное агентство.

1968
MEXICO

ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Заботы вице-королевы

З. ФИРСОВ,
председатель Федерации плавания СССР



Под водой.

Фото Л. Бородулина.

Олимпийский стаж пловцов начинается с 1896 года — с I олимпиады. Программа олимпийских встреч была непостоянной до VIII олимпиады, но с 1924 года она стала стандартной: 11 номеров — 6 мужских и 5 женских. В таком регламенте шла борьба на водяных дорожках до XVI Олимпийских игр в Мельбурне.

Но популярность плавания среди молодежи росла с каждым годом, число бассейнов перевалило за полмиллиона, и это не могло не сказаться на роли плавания в олимпийской программе. В Мельбурне число стартов выросло до 13, в Риме — до 15, в Токио — до 18, а в Мехико пловцы будут состязаться в 29 номерах! Такой размах борьбы, такое число призовых медалей закрепляют плавание в сане вице-королевы. Только в легкой атлетике разыгрывается медалей больше.

Особенно большой прогресс в плавании начался перед Мельбурнской олимпиадой. Австралийские пловцы, применив более усовершенствованные методы тренировки, поразили мир каскадом новых мировых рекордов в плавании вольным стилем. 30 октября 1956 года 18-летний австралиец Мюрей Роуз первым в мире вышел из 18 минут на дистанции 1 500 метров.

Во время Олимпийских игр австралийские спортсмены завоевали почти все медали в плавании вольным стилем и нанесли американским пловцам серьезное поражение. Это вынудило американцев готовиться к реваншу с удвоенной энергией. К тренировкам в США были привлечены физиологи, гигиенисты, психологи. Совместно с врачами и тренерами пловцы разработали повышенные объемы плавания, резко подняли интенсивность выполнения тренировочных нагрузок, расширили арсенал средств общей физической подготовки, стали применять так называемые «изометрические упражнения», основанные на больших волевых усилиях. Мало того, на службу пловцам США были поставлены кибернетика, электроника, счетно-вычислительные машины.

Все это привело к бурному взлету рекордных достижений пловцов. Для примера вернемся к истории лишь одного рекорда на 1 500 метров вольным стилем. В первых числах сентября 1964 года американец Аллан Саари перебросил его за черту 17 минут. Его результат был удивительным для того времени — 16 минут 58,7 секунды, но и он продержался недолго. В августе прошлого года американец Майкл Бартон довел его до 16 минут 34,1 секунды, нынешним летом молодой мексиканец Гилермо Эчеварна на чемпионате США улучшил его еще на 6 секунд, а в первых же числах сентября Бартон вернул его себе, показав поистине феноменальный результат: 16 минут 8,5 секунды.

Невольно задаешь себе вопрос: есть ли предел скорости плавания? Мне кажется, что этот предел еще далеко впереди. И в этом мы убедимся на XIX Олимпийских играх, когда 17 октября в новом плавательном бассейне в Мехико будет дан старт сильнейшим пловцам мира.

Кто же имеет наибольшие шансы на победу в Мехико? Уже многие годы авангардные позиции в спортивном плавании занимают США, и это не удивительно. В США действуют сотни тысяч бассейнов, во многих из них работают опытные педагоги и тренеры. Почти все школьники занимаются плаванием. И вот итоги. За всю историю плавательного спорта с I олимпиады в Афинах до XVIII Олимпийских игр в Токио, было разыграно 159 золотых медалей. Из них 72, почти половину, завоевали пловцы США. Стран, сумевших подготовить олимпийских чемпионов, не так уж много — всего 15. Австралия добилась 24 олимпийских побед, третье место занимает Англия — 12, причем большинство побед было достигнуто в далеком прошлом.

Олимпийское преимущество США особенно ярко проявилось на двух последних Олимпийских играх: в Риме американские пловцы завоевали 9 первых мест из 15 разыгранных (пять достались австралийцам и одно англичанам), в Токио — 13 из 18 (четыре — австралийцы и одно — СССР).

Явно снизили на Токийской олимпиаде свои показатели пловцы Англии, Австралии, Японии, Венгрии, Дании и ряда других стран. В то же время заметно улучшили свое положение на мировой орбите пловцы СССР и немецкие (главным образом за счет ГДР), вошедшие в четверку сильнейших.

Изменилось ли соотношение спортивных сил в плавании за прошедшие после Токио годы? Да! По сравнению с Токио в канун олимпийских стартов в Мехико положение заметно изменилось. Мы можем судить об этом на основании сопоставления лучших результатов, показанных пловцами на протяжении восьми месяцев 1968 года на всех олимпийских дистанциях.

Прежде всего бросается в глаза большой прогресс пловцов ГДР, Канады, Мексики, СССР, Франции, Швеции. Пловцы СССР передвинулись с четвертого места, которое они занимали в Токио, на второе, потеснив Австралию и объединенную команду Германии.

Спортивные комментаторы и журналисты многих стран мира, изучая расстановку сил во всех видах спорта перед Олимпийскими играми в Мехико, приходят к выводу, что американцы сохраняют неоспоримое преимущество только в плавании. Американским пловцам предсказывается полная победа в Мехико. Предсказатели расходятся только в одном: сколько побед из 29 дистанций, разыгрываемых в Мехико, придется на долю пловцов США — половина, две трети или три четверти? Такие прогнозы имеют веские основания. Американские пловцы являются сейчас обладателями большинства мировых рекордов. И все же...

В плавании вольным стилем (кролем) пловцы США завоевали в Токио все золотые медали как в индивидуальных мужских заплывах, так и в эстафетах. Причем особенно ярко преимущество американцев наблюдалось в спринтерских дистанциях на 100 метров в эстафете и на 200 метров вольным стилем. Теперь американцы уже не имеют такого преимущества. Виноваты в этом советские и французские кролисты.

На 1 сентября этого года результаты московского студента Леонида Ильичева стояли первыми в мировой таблице на 100 и 200 метров кролем. Есть у Ильичева и достойные конкуренты — Георгий Куликов, Евгений Спиридонов, Сергей Гусев. Достигнутый в последние годы прогресс советских кролистов позволит им впервые в истории олимпийского плавания бороться с американцами за олимпийские медали в индивидуальных заплывах на 100 и 200 метров вольным стилем, а также в обеих олимпийских эстафетах 4×100 и 4×200 метров.

В плавании на более длинные дистанции вольным стилем американцы, очевидно, встретят серьезных противников со стороны нового рекордсмена мира на 400 метров — канадца Ральфа Хаттона и

В. Немшилов — чемпион СССР в плавании на 100 метров баттерфляем.



экс-рекордсмена мира на 1 500 метров мексиканца Гилермо Эчевариа, советских чемпионов Семена Белиц-Геймана и Владимира Буре, французов Алана Маскони и Франсиса Луиса и ряда других. На стайерских дистанциях успех будет во многом зависеть от того, кому удастся лучше приспособиться к сложным условиям высоты. В этом отношении определенное преимущество будет иметь мексиканец Г. Эчевариа.

В мужском плавании брассом советские пловцы Николай Панкин, Владимир Косинский, Игорь Морчуков и Евгений Михайлов имеют заметное преимущество перед пловцами других стран. Только в лице бразильца Хосе Сильвио Фиоло, аргентинца Форелли, представителя ГДР Эгона Хеннингера и американцев Мак-Кензи и Джоба советские брассисты встретят равных противников.

В плавании на спине главным фаворитом будет 17-летний школьник из ГДР Роланд Маттес. Этот юный пловец обладает удивительной одаренностью и на протяжении последних полутора лет несколько раз обновлял мировые рекорды на 100 и 200 метров, далеко оторвавшись от своих конкурентов. Например, в плавании на 200 метров на спине его мировой рекорд — 2 минуты 7,5 секунды. (Второй результат мира американца Ч. Хикконса заметно слабее — 2 минуты 9,4 секунды.)

В комплексном плавании на 200 и 400 метров американцы обладают сейчас мировыми рекордами. Однако вплотную к ним подошли достижения советского пловца Андрея Дунаева, а также нескольких пловцов из ГДР и ФРГ.

В мужской комбинированной эстафете 4 × 100 метров мировым рекордом около 10 лет обладали американцы, но в октябре 1967 года его улучшили пловцы из ГДР — 3 минуты 56,5 секунды. (Рекорд США на семь десятых секунды хуже.) Сильную команду в этой эстафете выставим и мы. Только на обеих дистанциях плавания баттерфляем американцы сейчас намного сильнее пловцов других стран.

Таким образом, уже этот короткий анализ показывает, что в мужской программе американцам в Мехико предстоит нелегкая борьба за олимпийские медали. Более сильный состав имеет США в женском плавании. Во всех пяти олимпийских дистанциях по плаванию вольным стилем (100, 200, 400, 800 метров и эстафета 4 × 100), а также в комплексном плавании на 200 и 400 метров явное преимущество имеют американские пловчихи.

В плавании брассом 16-летней американке Кэтлин Болл удалось обновить мировые рекорды на 100 и 200 метров, принадлежавшие в прошлом году советской спортсменке Галине Прозуменщиковой. Однако Галина сейчас с удвоенной энергией готовится к реваншу и на сентябрьском чемпионате СССР в Цахкадзоре показала лучший результат в мире для высокогорных бассейнов.

В плавании на 100 и 200 метров баттерфляем голландка Ада Кок установила в прошлом году новые мировые рекорды и обошла сильнейших американок. Ада в расцвете своих сил и полна желания подтвердить в Мехико звание сильнейшей в мире. К решительной борьбе с ними готова сейчас и советская чемпионка в плавании баттерфляем Татьяна Девятова.

В плавании на спине американки в последние годы утратили свое былое преимущество и уступили мировые рекорды 17-летней школьнице из Канады Элайн Теннер. Ненамного отстают от американок в плавании на спине француженки Кристин Карон и Бенедикт Дюпре, англичанки Линда Ладгруф и Сильвиа Плэтт. Их результаты входят в шестерки лучших мира за 1968 год.

Пловцы многих стран за последние годы преодолели страх перед непобедимостью американцев и стерли в своем сознании «психологический барьер», мешавший раньше без боязни идти вперед и побеждать. Можно с уверенностью сказать, что если Олимпийские игры в Мельбурне, Риме и Токио прошли при явном преимуществе только двух стран — США и Австралии, если тогда золотые медали доставались пловцам всего лишь трех стран, то теперь в Мехико гегемонии двух-трех стран не будет. Борьба предстоит более упорная. В строю чемпионов XIX олимпиады мы, очевидно, встретим пловцов многих стран. Будем же надеяться, что достойное место среди них займут и наши земляки.

СЛОВО ИМЕЕТ СИЛА

Старшего тренера сборной команды СССР по тяжелой атлетике Аркадия Никитовича Воробьева мы застали в тренировочном зале и попросили поделиться своими раздумьями перед Мехико. Участник трех олимпиад, обладатель двух золотых олимпийских медалей и пяти золотых медалей чемпиона мира А. Воробьев охотно ответил на наши вопросы.

— КАКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗОШЛИ В СБОРНОЙ КОМАНДЕ СТРАНЫ?

— Мне кажется, что ставшая популярной рубрика «Огонька» «Олимпийское беспокойство» очень точно определяет то состояние, в котором находятся сейчас и тренеры и спортсмены. Годы, прошедшие после Токийской олимпиады, были потрачены на поиски молодых атлетов, которые могли бы с успехом продолжить славный путь своих старших товарищей. Состав нашей команды существенно изменился. Нет в ней олимпийских чемпионов Владимира Голованова и Рудольфа Плюкфельдера, серебряного призера Владимира Каплунова. Команда получила достойную смену, но, к сожалению, не во всех весовых категориях.

— ВЫ ИМЕЕТЕ В ВИДУ ЛЕГКИЕ ВЕСА?

— Да, именно с этими весами у нас и связано в первую очередь олимпийское беспокойство. Достойных преемников Виктору Бушуеву и Евгению Минаеву мы пока не нашли. Вот почему на чемпионате Европы в Ленинграде, который был недавно разыгран, лидерство в легких весах сразу же захватили штангисты Польши. В легчайшем весе нашему ветерану Алексею Вахонину досталась только бронза. И нас потом упрекали в том, что мы зря не поставили молодого атлета Геннадия Четина. Но мы решили ободрить чемпиона Токийской олимпиады, который умеет собраться в нужный момент, — ведь в Токио Вахонин буквально вырвал золото у венгерского штангиста И. Фёльди, вытолкнув фантастический вес — 142,5 килограмма. В Ленинграде Вахонину собраться не удалось.

В Мехико маленьким геркулесам, как называют штангистов легчайшего веса, борьба предстоит очень трудная. Достаточно вспомнить, что золотую медаль будут оспаривать европейский чемпион И. Фёльди, рекордсмен мира иранец М. Нассири, второй призер европейского первенства поляк В. Шолтысик.

Очень сильны наши соперники и в полулегком весе. Поляку Мечиславу Новаку удалось в Ленинграде оттеснить нашего штангиста Д. Шанидзе на второе место. Через несколько дней после окончания чемпионата Европы мы узнали, что олимпийский чемпион японец И. Мияке повторил свой мировой рекорд в жиме, а стало быть, находится в отличной спортивной форме.

В легком весе наши позиции тоже шатки. Здесь несомненный лидер Вольдемар Башановский, которому принадлежат все высшие титулы и рекорды. Не менее грозен его товарищ Мариан Зелинский. Мы решили в этой весовой категории участника не выставлять, включив в борьбу двух спортсменов полусреднего веса. Испытанный спортсмен Виктор Куренцов и его товарищ Евгений Смирнов вполне могут рассчитывать на золотую и серебряную медали. Но это не значит, что и здесь победа нам достанется без боя. В этой весовой категории в Мехико будет выступать мировой рекордсмен японский атлет М. Оути, а возможно, что сюда переключится и сильный американец Д. Гарсиа.

— ЗНАЧИТ, У НАС ВСЕ НАДЕЖДЫ НА АТЛЕТОВ ТРЕХ СЛЕДУЮЩИХ ВЕСОВЫХ КАТЕГОРИЙ?

— Безусловно. Именно победы штангистов среднего, полутяжелого и тяжелого веса позволили нам на чемпионате Европы обогнать команду Польши. Начну с Бориса Селицкого — нашего средневеса. Ему придется выдержать трудную борьбу с олимпийским чемпионом Х. Здражилой (Чехословакия) и экс-чемпионом мира Н. Озимеком (Польша).

До последнего времени мы считали, что наши позиции в полутяжелом и тяжелом весах несокрушимы, но и здесь многое изменилось. Еще в Ленинграде мировой рекордсмен в полутяжелом весе Ян Тальтс смог убедиться, что швед Бу Юханссон и финн Каарло Кангасниеми действительно настроены очень серьезно, а спустя месяц телеграф принес нам сенсационное известие: финский атлет сперва превысил мировой рекорд Тальтса, подняв в сумме трех движений 515 килограммов, а затем увеличил свой результат еще на 7,5 килограмма.

Сейчас Ян Тальтс твердо уверен, что для победы в Мехико надо будет поднять в сумме трех движений не менее 525 килограммов.

Шансы нашего тяжеловеса Леонида Жаботинского котируются очень высоко. После победы в Токио Жаботинский стал намного сильнее. Сейчас его мировой рекорд в сумме трех движений равен, как известно, 590 килограммам. Но совсем недавно у него появился грозный соперник — американец Роберт Беднарский. Превзойти Жаботинского в сумме трех движений молодой американский атлет пока не смог, но два мировых рекорда — в жиме (207,5 килограмма) и толчке (220,5 килограмма) — теперь принадлежат ему. А совсем недавно прогремело имя еще одного американского тяжеловеса — Джона Дьюба. Он установил новый мировой рекорд в жиме — 209,5 килограмма и улучшил результат Беднарского в сумме трех движений, подняв 573,5 килограмма.

— КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПОПЫТКАМ МНОГИХ ШТАНГИСТОВ УСТАНАВЛИВАТЬ МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ ПЕРЕД СТАРТАМИ В МЕХИКО? НЕ СКАЖЕТСЯ ЛИ ЭТО НА ИХ РЕЗУЛЬТАТАХ НА ОЛИМПИЙСКОМ ПОМОСТЕ?

— К таким попыткам я отношусь положительно. Больше того, я считаю, что они совершенно необходимы, хотя и требуют от спортсменов предельного напряжения. Я убежден, что тот штангист, который мечтает об успешном выступлении на XIX Олимпийских играх, обязан по крайней мере четыре раза в предолимпийских соревнованиях показать очень высокие результаты. Конечно, к таким выступлениям надо подходить весьма осторожно, но они необходимы.

Высокие результаты, показанные штангистами многих стран, говорят о том, что они готовы к самой яростной борьбе за золотые олимпийские медали. Готовы и мы. Делать прогнозы — самое неблагодарное и рискованное занятие для тренера, однако я все же рискну высказать свою уверенность в том, что командная победа будет завоевана советскими штангистами.

Интервью вел Н. ФОМИЧЕВ.

КАК ДЕЛА, ЛЕГКОАТЛЕТЫ?

Легкая атлетика на Олимпийских играх — спорт № 1. Так уж повелось издавна, так будет и в Мехико. Встречи сильнейших бегунов, прыгунов и метателей на XIX олимпиаде представляют исключительный интерес. Как известно, выступления наших легкоатлетов на XVIII Олимпийских играх в Токио было неудачным — всего пять золотых медалей привезли они на Родину. А как их дела сейчас? Этот вопрос мы задали старшему тренеру сборной команды СССР Г. В. Коробкову.

* * *

— КАКОВА РАССТАНОВКА ГЛАВНЫХ СИЛ В ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ НА ПОРОГЕ МЕХИКО?

— Если в начале лета легкоатлеты США были вне конкуренции, то за последние два месяца положение существенно изменилось: европейские спортсмены и в том числе советские значительно сократили разрыв. Американцы и сегодня остаются фаворитами предстоящего олимпийского турнира, но теперь к ним вплотную приблизились легкоатлеты СССР, ГДР, Франции, Польши, ФРГ. Сохраняя свое преимущество в беге на короткие дистанции, в метании диска, в толкании ядра, в барьерном беге, американцы уступают нам в метании копья и молота, в тройном прыжке, в беге на 3 тысячи метров с препятствиями. В беге на средние дистанции и в ряде других видов сильную конкуренцию составят европейские спортсмены. Следует также помнить, что на стайерских дистанциях и в марафоне большую силу в Мехико будут представлять африканские и азиатские бегуны. Таким образом, традиционным фаворитам — легкоатлетам США на олимпиаде придется нелегко, но при этом надо учитывать, что пока выводы делаются на основании заочных расчетов, а это не всегда может оказаться точным.

— ЧТО ПОКАЗАЛ РЕШАЮЩИЙ ОТБОР НАШЕЙ ОЛИМПИЙСКОЙ КОМАНДЫ НА ПЕРВЕНСТВЕ СССР В ЛЕНИНАКАНЕ?

— Команда СССР прошла сквозь все испытания, сохранив силы для своего решающего выступления в Мехико. Отбор был значительно более суров, чем четыре года тому назад, когда мы готовились к поездке в Токио. Мы сильно увеличили не только тренировочные нагрузки, но и число ответственных соревнований, и, что самое главное, претенденты на поездку в Мехико должны были выполнить очень высокие олимпийские нормативы. К примеру, в беге на 10[illegible] метров олимпийский норматив бы-



Правофланговые советского спорта, участники XIX Олимпийских игр — Р. Аун, Н. Чижова, И. Тер-Ованесян, Я. Лусис, А. Окорокова.

равен 10,2 секунды, а ведь еще весной этот результат являлся всесоюзным рекордом! Прыгуны в высоту должны были преодолеть планку на высоте 2 метра 16 сантиметров (с таким результатом была выиграна Римская олимпиада), а бегунам на 5 тысяч метров следовало пробежать дистанцию за 13 минут 35 секунд (таков долгое время был мировой рекорд, а до прошлого года он оставался всесоюзным).

Теперь можно признаться, что когда мы устанавливали олимпийские нормативы, то побаивались того, что наша команда может остаться без спортсменов: уж очень трудные барьеры мы установили для них на пути в Мехико. Но теперь ясно, что эти опасения были напрасны: почти все выполнили установленные нормативы. Однако не во всех видах испытания прошли благополучно. Так, к примеру, в составе сборной команды СССР нет метателей диска мужчин, а толкателей ядра будет представлять один Э. Гущин, которому удалось выполнить олимпийский норматив — 19 метров 60 сантиметров.

Как и следовало ожидать, в самом трудном положении оказались бегуны. На дистанции 400 метров ни один спортсмен не выполнил олимпийского норматива — 45,9 секунды (всесоюзный рекорд на этой дистанции стоит уже 13 лет и равен 46 секундам).

— В ЧЕМ ГЛАВНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СБОРНЫМИ КОМАНДАМИ ЯПОНСКОГО И МЕКСИКАНСКОГО ОБРАЗЦА?

— Главное различие — в возрасте спортсменов. Такой молодой команды мы еще не имели. Только 20 процентов команды имеет опыт выступлений на олимпиадах.

Это все сильная, хорошо подготовленная, готовая к напряженной борьбе спортивная молодежь. Взять, к примеру, бег на короткие дистанции. В нашей печати, в том числе в журнале «Огонек», отмечались те благоприятные сдвиги, которые мы наблюдаем в спринте. И в мужской и в женской командах произошло значительное обновление составов. 80 раз в этом сезоне брали старт молодые спринтеры, и сейчас они находятся в отличной спортивной форме. Но, к сожалению, в беге на средние дистанции наши шансы по-прежнему минимальны. Вот почему в Мехико на дистанции 800 метров старт возьмет, вероятно, только один бегун — недавний юниор Е. Аржанов, а в беге на 1 500 метров испытают свои силы лишь два спортсмена — М. Желобовский и О. Райко. Они не выполнили олимпийского норматива на уровне моря, но хорошо проявили себя в среднегорье.

Более благоприятное положение сложилось в стайерском беге. Н. Свиридов, А. Микитенко и Р. Шарафетдинов шансов на успех имеют больше, чем средневики.

— КАКОВЫ ЖЕ НАШИ ГЛАВНЫЕ КОЗЫРИ?

— Ну что же, их у нас немало. Достаточно перечислить лишь несколько имен: Я. Лусис (его мировой рекорд в метании копья — 91 метр 98 сантиметров я считаю самым выдающимся результатом, показанным в нынешнем сезоне), Р. Клим — первый молотобоец мира, Р. Аун — один из сильнейших десятиборцев, В. Санеев, успешно выступающий в тройном прыжке, В. Гаврилов и В. Скворцов — прыгуны в высоту, И. Тер-Ованесян — один из лучших прыгунов в длину, пятиборки В. Тихомирова и Г. Софьина. Одна из лучших толкательниц ядра, Н. Чижова, один из сильнейших бегунов мира на 3 тысячи метров с препятствиями, В. Кудинский. Каждый из них вполне может рассчитывать на олимпийскую медаль.

— КАКАЯ СЕНСАЦИЯ БЫЛА БЫ ПРИЗНАНА САМОЙ ГЛАВНОЙ НА ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКОМ ТУРНИРЕ В МЕХИКО?

— Успех советских спринтеров. Но мы, конечно, понимаем, что пока В. Сапее, Л. Самотесовой и их товарищам будет трудно бороться с замечательными американскими бегунами-неграми и спортсменками США и Польши. Наибольшие шансы таит эстафеты, где наша молодежь чувствует себя уже достаточно уверенно.



АКАДЕМИКУ П. А. РЕБИНДЕРУ — 70 ЛЕТ

П. А. Ребиндер — крупнейший советский физико-химик. В его фундаментальных трудах получила развитие современная коллоидная химия.

Само сочетание слов «физика и химия» говорит о том, что академик Ребиндер работает в чрезвычайно интересной области. Одна из важных особенностей физико-химии — то, что глубокие теоретические исследования дают обильный урожай практических применений. В работах П. А. Ребиндера и руководимой им научной школы решены такие теоретические проблемы, на основе которых в Советском Союзе получили развитие и совершенствование производственные процессы в технике, в строительстве, в добыче полезных ископаемых, в том числе бурение твердых горных пород, промывка скважин, тонкое измельчение твердых материалов, обогащение полезных ископаемых.

Огромное значение для современной науки и строительства имеет созданная и развиваемая П. А. Ребиндером и его учениками новая наука — физико-химическая механика материалов. Она учит управлять процессами получения, обработки, эксплуатации, деформации и разрушения твердых материалов. Из различных, часто давно известных веществ она позволяет получать совершенно новые материалы с заранее заданными свойствами: прочностью, долговечностью, износоустойчивостью. Примером таких материалов может служить высокопрочный цементный бетон и коллоидный цементный клей.

Важным оружием в арсенале физико-химической механики служит замечательное явление, открытое и исследованное в работах П. А. Ребиндера и его учеников,— речь идет об облегчении процессов деформации и разрушения твердых тел под влиянием окружающей среды. Это явление получило название эффекта Ребиндера. Используя этот эффект, удалось радикально улучшить ряд важных процессов, среди них — обработка металла давлением и резанием.

Неутомимую научную работу в различных областях физико-химической теории и эксперимента П. А. Ребиндер сочетает с огромной преподавательской, научно-воспитательной, литературно-редакционной, научно-организационной, общественной деятельностью. В течение многих лет он заведует отделом в Институте физической химии Академии наук СССР и кафедрой коллоидной химии в Московском государственном университете имени Ломоносова, консультирует работу многочисленных научных организаций в различных городах Союза. Среди его учеников — 26 докторов и более 100 кандидатов наук. П. А. Ребиндер — председатель и член ряда научных советов Академии наук, редколлегий научных журналов и энциклопедических словарей, организатор всесоюзных и международных конференций по проблемам физической и коллоидной химии. Он почетный доктор Фрейбергской горной академии и иностранный член Академии наук ГДР.

Своими трудами, своей преданностью советской науке Петр Александрович Ребиндер снискал глубокое уважение и любовь специалистов, работающих в самых различных областях науки и промышленности.

Е. ЩУКИН,
доктор физико-математических наук, профессор



ДЛЯ «БЕЛОГО ЗОЛОТА»

Сотни тысяч различных грузов путешествуют по шоссейным дорогам нашей страны. Еще сравнительно недавно для их перевозки единственным средством был кузов грузовика. С развитием автопромышленности началась специализация транспорта: появились куновозы, молоковозы, цементовозы, трубовозы и другие специализированные машины и автопоезда. И вот еще одна новинка из этой «серии» — автополуприцеп «ТМЗ-879» — хлопковоз, изготовленный ташкентскими машиностроителями. Его грузоподъемность — пять тонн «белого золота».

СТИРАЛЬНЫЙ ПОРОШОК ДЛЯ КОРАБЛЕЙ



Попробуйте в стакан, из которого только что вылили мазут, налить чай. Такой чай пить никто не будет! А если увеличить масштабы и представить себе гигантское нефтеналивное судно — танкер, из которого только что слили десятки тонн нефти? Что можно погрузить в такое судно после нее?

На помощь морякам пришла химия. Сотрудники Института физической химии Академии наук СССР совместно с «Союзморниипроектом» разработали препарат «МЛ», очищающий трюмы танкеров, своего рода стиральный порошок для кораблей.

НА ДВУХ ЯЗЫКАХ...

Телевизионные передачи в ряде городов нашей страны имеют речевое сопровождение на двух языках. Для того чтобы вы смогли выбрать любой из них, необходима специальная приставка двухречевого сопровождения (ПДС). Такая приставка стала выпускаться серийно.

Новые унифицированные телевизоры имеют специальную панель для подключения к ним ПДС. К таким телевизорам относятся «Огонек», «Березка», «Изумруд», «Зорька», «Рубин-106», «Электрон». Телевизоры старых моделей такой специальной панели не имеют. Но она может быть установлена вместе с приставкой.

Н. ХОДЖАЕВ

ОТКУДА ПРИШЛИ КАРАКУМЫ

Как образовались Каракумы? Вопрос этот и сейчас волнует многих ученых. Совсем недавно существовало много самых различных и противоречивых объяснений и гипотез. И только теперь стало намечаться решение...

Глубокое бурение постепенно раскрывало тайны песчаной толщи, а новые методы микроскопического анализа уточнили состав и помогли в основном разгадать ее происхождение, найти место, где находится та великая мельница природы, которая смогла перемолоть столь огромное количество горных пород и рассыпать их в виде мельчайших песчинок по безбрежным просторам Каракумов.

Из разных районов пустыни, а затем с помощью бура с различных глубин ее толщи начали тщательно собирать каракумские песчинки. Аккуратно завязанные в небольшие мешочки с указанием точного адреса находки песчинки ехали в лаборатории Ашхабада, Москвы и Ленинграда, где сразу же попадали под пытливый глаз микроскопа.

И что же? В песке были найдены крупинки, состоявшие почти из полусотни самых различных пород. Прежде всего все три составные части гранита, но в разъединенном виде: крупинки разноцветного полевого шпата мешались с блестками слюды и мельчайшими зернышками кварца.

Среди песчинок перемолотого гранита и других минералов попадались и полудрагоценные. Если бы не их микроскопический размер, то из каракумских турмалинов, хризолитов и гранатов можно было бы сделать ожерелья и браслеты, украсить ими брошки, колье, запонки, булавки и кольца.

Откуда же, наконец, взялось такое пестрое измельченное богатство, кто так щедро мог рассыпать его мельчайшими, с виду такими одинаковыми песчинками по огромной площади нашей пустыни? А она действительно огромна. Около 300 тысяч квадратных километров! Это территория, равная всей Италии.

Сравнили каракумские песчинки с наносами ближайших рек: Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи. Хотя последнюю назвать «ближайшей» можно было лишь с большой натяжкой, так как сходный с ней состав наносов обнаружен почти в 700 километрах от современного русла реки.

Не связано ли возникновение Каракумов с Аму-Дарьей? Пришлось ехать на Крышу мира — на высокий холодный Памир, там, где рождается великая Аму. И вот там, среди вечных снегов и льдов, в заоблачных горных высях, была, наконец, найдена та сказочная мельница природы, где разрушение горных пород происходило буквально на глазах исследователей.

Обилие крупных и мелких осыпей, щебенки с ледниковых песчаных завалов — все это говорило о великом размоле различных горных пород. От солнечного нагрева и ночного мороза, от ледниковой воды, замерзающей ночью и оттаивающей днем, от резкого ветра быстро разрушались гранитные глыбы. Сразу возникала догадка: не их ли далекие предки были найдены в каракумских барханах?

Теперь пришло время длительной и кропотливой лабораторной работы с микроскопом. Сначала надо было изучить состав памирских пород, находящихся в верховьях многих горных притоков Аму-Дарьи, искусственно размолоть их и сравнить с каракумскими песчинками. И тут оказалось, что состав песка нашей пустыни удивительно совпал с породами, находящимися на Памире. На Крыше мира были найдены почти все пятьдесят минералов, обнаруженных в песчинках Каракумов. Главная загадка была решена. Родина каракумских песчинок открыта.

Возникал последний вопрос. Каким образом амударьинские речные наносы смогли заполнить такую большую площадь современной Туркмении? Попробуем совершить мысленно небольшую экскурсию к берегам самой Аму-Дарьи. Кто не знает ее бешеного нрава и шоколадно-мутного цвета воды? Гидрологи подсчитали, что в каждом кубометре аму-дарьинской воды содержится не менее четырех килограммов песка, а во время паводка Аму-Дарья несет песка вдвое больше. Вот почему Аральское море у своих южных берегов сейчас так быстро мелеет, а берега аму-дарьинской дельты так быстро растут. Крупнейшая река Средней Азии за четыре года приносит к берегам Арала кубический километр песка. Титаническая работа!

А вот что говорят нам геологи. Они уже давно установили, что где-то в районе Балханских гор русло древней Аму-Дарьи впадало в Каспийское море. Эта Пра-Аму-Дарья была не менее, а может быть, и более капризна, чем современная, и прихотливо блуждала по южной части обширной Туранской равнины. То она доходила до района нынешнего Арала и Устюрта на севере, то откочевывала далеко к югу, до предгорий Копет-дага, и тогда ее притоками становились две другие большие древние реки: Пра-Теджен и Пра-Мургаб. Тогда их мощные речные отложения также принимали участие в заполнении юга современной каракумской равнины своими песками.

А тем временем Аму-Дарья нашла, наконец, путь на север. Она потекла в большую, ровную впадину и образовала Аральское море, самое молодое озеро-море на Земле. Родилось оно во времена первобытного человека. Осиротели Теджен и Мургаб. Течение их погасло в каракумских песках. Их дельты, как говорят геоморфологи, стали слепыми.

Каков же возраст Каракумов? Геологи по-разному определяют его для разных мест, хотя почти все сходятся на том, что туркменской пустыне не менее 500 тысяч лет. Теперь, пользуясь простой таблицей умножения, можно весьма приближенно определить количество принесенных Пра-Аму-Дарьей отложений, исходя из современных норм аму-дарьинского выноса. Получится, что полмиллиона лет вполне хватит, чтобы покрыть всю площадь нашей пустыни аму-дарьинским песком толщиною почти в километр. Современные буровые скважины внесли коррективы в эту цифру. Она оказалась больше. В некоторых нефтяных районах Западной Туркмении толщина аму-дарьинских наносов доходит до трех километров.

СВАДЬБА НЕ СОСТОЯЛАСЬ



Двенадцать тысяч молодых людей приняли участие в конкурсе, объявленном одной из английских фирм. Лозунг конкурса гласит: «Найдем идеальную пару Великобритании». Участникам конкурса надлежало заполнить о себе анкету; вопросы касались возраста, цвета волос, глаз, склонностей, взглядов и прочего. На основе этих данных «мозг» электронной машины должен был выбрать девушку и молодого человека для «идеальной супружеской пары».

Фирма обязывалась обеспечить им совместное путешествие в Париж, знакомство с достопримечательностями столицы, оплату посещения театров, ресторанов и проч.

Наконец были оглашены результаты выбора машины: «идеальной парой» названа 19-летняя секретарша Анна и 22-летний владелец магазина артистической галантереи Дерек. Молодые люди встретились, познакомились, после чего Анна разочарованно сказала, что Дерек ни в чем не походит на человека, о котором она мечтала. Дерек же ответил, что Анна в основном девушка в его вкусе, но... надо узнать ее ближе. «Идеальная пара» поехала в Париж. Они знакомились с городом, развлекались, а по возвращении в Лондон с явным облегчением попрощались, чтобы больше никогда не встретиться... «Вообще Дерек — симпатичный парень, но совершенно мне не подходит»,— сказала девушка, а молодой человек добавил: «Анна хорошая и милая, но я никогда не смог бы ее полюбить».

Итак, машина ошиблась. Теоретически все было правильно, не хватало «только» любви...

На снимке: «идеальная пара» прощается навсегда.

КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ... В ГОРАХ

Кораллы — обитатели теплых морей — в черноморских водах не живут. Зато они встречаются... высоко в горах, на склонах Ай-Петринской яйлы. Как же они туда попали?

В давно минувшие времена Крымский полуостров был дном моря. Позже началось образование возвышенностей и гор, которые поднялись высоко над волнами древнего теплого моря. Вместе с горами возник из морской пучины и большой коралловый риф, со временем разрушившийся под влиянием землетрясений и процессов выветривания. Его остатки находят сейчас туристы в окрестностях Мисхора, под горой Сокол и в Медвежьей балке. Иногда попадаются очень красивые кораллы теплого алого и горячего темно-красного оттенков.

ИЗ ПЛАСТМАССЫ

В болгарском порту Мичурин на Черном море судостроители провели успешные опыты по постройке из пластмассы катеров и лодок. Особенно красива двухместная «Дианка». «Балкантурист» направил заказ на 40 катеров, предназначенных для обслуживания курортов.

Маленький двухместный катер найдет применение и на рыбной ловле.

КРЕКА

В. ДЕМЕНТЬЕВ

Рассказ

Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА.

Дальше выдерживать такое не было никаких сил. Пальцы затекли, побелели в суставах, но едва я оставлял скобу, как меня начинало стремительно валить на плечо Грачева, с силой прижимать к боковой дверце. Я упирался руками в клеенчатое сиденье, чтобы не скользить, не ерзать, хватался за скобу, торчавшую впереди меня, и все-таки не мог удержать приступов дурноты. Многочасовая качка измотала вконец, и я чувствовал, как подступает к горлу горький комок, как заходится сердце.

Грачев, широко и крепко охватив руль лесовоза, бегло поглядывал на меня. Время от времени он перекидывал потухшую папиросу в угол рта, замедлял ход машины, как можно осторожнее переваливал через измочаленное, истерзанное бревно, но машина тут же проваливалась в торфяную жижу, обдавая широким веером брызг заросли иван-чая. Резкие толчки в спину начинались снова, и я снова подтягивался к скобе или спешно отталкивался от нее, втискиваясь в спинку кабины.

За канавами, заполненными густо-коричневой водой, кренилось, качалось, вздрагивало скудное мелколесье. Изогнутые стволы сосенок обросли бесцветным мхом. Колюче поблескивала на солнце листва березок. Подлесок переплели, запутали жадные до света травы. И только белоснежные кружевные зонтики диделей высились над ними. Эти зонтики да розовые метелки иван-чая одни радовали глаз.

Лесовоз медленно взобрался на дробный настил, взвыл в последний раз мотором, стал. Грачев снял тяжелые руки с баранки, привычно откинул дверцу и спрыгнул на дорогу.

— Передохнем, что ли? — предложил он, отходя к задним колесам. Я неловко вывалился из кабины и со сладким стоном, с хрустом в суставах потянулся. Капот полыхал машинным маслом и удушливой гарью бензина. Уши, как ватой, были забиты грохотом двигателя, но сквозь эти пробки уже просачивался тонкий звон уставшего металла.

Между тем Грачев вскочил на подножку, порылся в кабине и, пока я оттаптывал занемевшие ноги, выбрал место посуше, кинул на него ватник, развязал и расстелил застиранный, с заплатками платок, разложил снедь.

— Начнем, благословясь,— то ли спрашивая, то ли предлагая, сказал он и жестом показал место возле себя.

Нехотя, как бы принужденно я подошел к нему. Отломив большой кусок наливушки — так на Севере зовут ржаной пирог, залитый картошкой,— Грачев подал мне вместе с ним головку молодого лука, прозрачную, круто просоленную спинку леща. Пока мы ели, он как-то беспокойно поглядывал на меня из-под надвинутой на лоб засаленной кепки. Сломанный вдвое, сильно загнутый вниз козырек и впрямь делал его похожим на грача — носатую, быструю в поворотах, исполненную достоинства птицу. Наконец, не выдержав, он мотнул козырьком в сторону лежневки.

— Ведь как по зубьям бороны едешь...

— Неужели вы не привыкли?

— Какое там привык... Сколько ни езжу, никакого терпения не хватает. Сосет, сосет вот здесь.— Он показал на сердце.— Хоть бросай все и впереди машины беги.— Грачев раздраженно сплюнул и добавил:— Только технику гробим.

И отвалился от ватника, ища в карманах пачку папирос, затертый коробок спичек. Мне нравилось в нем все: и его сдержанность в речах, и быстрые, грачиные повороты головы, и широченные штаны, заправленные в сапоги, и даже синяя куртка, плотно облегавшая плечи, по-мастеровому ладно сидевшая на нем. Слежавшиеся, слипшиеся от пота волосы были тронуты заметной сединой. Возле подбритого виска, у мочки, легли ранние морщины, лицо было бледно от бензинной гари. Крепкими сухими губами Грачев мял папироску и в задумчивости смотрел в небо. Не зная, как продолжить разговор дальше, я стал вспоминать странное словцо, услышанное в леспромхозе, когда механик, конопатый мужичонка, вручал шоферу путевой лист.

— Небось, опять креку наведаешь? — спросил он, хитро прижмурив глазки цвета золотистой луковой кожуры. Шофер в ответ досадливо мотнул козырьком, словно клюнул низкорослого механика в темя. И все-таки, пряча документ в карман куртки, сизо блестевшей на локтях и на груди, испытующе посмотрел в мою сторону. Я беспечно покуривал, прислонившись коленом к серому матерчатому чемоданчику с «молнией»-застежкой, перекинув через плечо болонью. Мне не терпелось выехать из леспромхоза и никакого дела не было до их разговора. Теперь же резкое, скрежещущее словцо явно забавляло меня. И под этим неподвижным голубым небом, в эти минуты покоя и лени я надумал проверить свою догадку, испытать Грачева.

— Крека? — переспросил он, подымая голову, вскидывая на меня короткие ресницы.— Это шоферня промежду собой ухажерок называет.— Он помедлил в нерешительности.— Ну тех, что живут на дороге.— Затем, припомнив утренний разговор, нахмурился, пристально посмотрел мне в глаза.— Пустое Суходеев болтал. Пустой он человек, вот и болтает пустое.— И стал с силой натягивать кепку на глаза, собираться в дорогу.



Любой новый поворот казался мне последним, а топкой, выгоревшей гати не было ни конца, ни края. Грачев устал. Он чаще, чем обычно, закуривал, напряженно поигрывал желваками. Его нетерпение росло, и он больше не осторожничал перед рытвинами, как раньше, а брал их с ходу: нас подбрасывало так, что зубы у меня клацкали.

Закатное солнце слепило сквозь чахлое редколесье, пряталось в дальнем осиннике, вырывалось из недр его и опять огненно мельтешило справа от нас. И все же с каждым километром смелее бросались под радиатор наезженные колеи, ровнее бежал подлесок, временами сливаясь в струящийся дымчатый частокол. Все выше становились кроны сосен, вернее, признаки жилья: то поленница дров, то обчесанный стожок сена, то маслянисто-белая щепа берез. Когда разом оборвалась, отступила назад стена леса, когда за кустарником зазеленели поля и поскотины, я не сразу поверил, что наконец-то мы вырвались из душного плена дороги с ее рывками, с ее провалами в болото, с ее ожесточенной тряской.

Лесовоз остановился у отводка. Я неумело распутал проволоку, оттащил в сторону скрипучий отводок, пропустил машину. Мимо проскочила первая изба с заколоченными окнами, какой-то древний амбарчик; мы въехали в деревню.

В простодушном любопытстве к стеклам прильнули лица старух и ребятишек. Поэтому меня не удивило, когда в одном окне дольше других белело чье-то лицо. Но именно у этого дома — перед ним не было ограды — Грачев завернул во двор и въехал на просторную лужайку. Мотор заглох. Еще минуту шофер оставался неподвижным: ссутулившись, он обнимал баранку руками, как крыльями, отяжелевшими в долгом полете. Потом спросил, повернул козырек ко мне:

— Ну, земляк... Здесь будем ночевать или дальше поедем?

Глаза его были притенены кепкой. Голос глух, безучастен.

— А сколько до Усолья?

— Километров сорок...

— И все лежневкой?

— Нет, лежневка за деревней кончается, но дорога худая — скрывать не стану.

Грачев сказал это спокойно, хотя в словах его я уловил что-то вроде затаенного нетерпения. Как можно суше ответил ему:

— На сегодня, дорогой товарищ, с меня довольно.

— Будь по-вашему. Как это в армии говорили: кончай ночевать — выходи строиться!

Грачев оживился, повеселел и, легко нажав ручку дверцы, первым спрыгнул на землю.

— Принимай, хозяйка, гостей,— сказал он с заметной радостной дрожью в голосе, когда мы вошли в избу.

У стола сидела женщина. Она не всплеснула руками, не заохала, а только качнулась вперед, как пламя свечи на притворе. Затем поздоровалась, протянув маленькую сильную ладошку.

— Тоня. — Увидев ремешок фотоаппарата, смешалась, поправилась: — Антонина Алексеевна.

Я беззастенчиво разглядывал ее. Каркающее словцо, услышанное в леспромхозе, успело глубоко засесть в моем сознании, настраива-

ло — вольно или невольно — на некий беззаботный, подчеркнуто доверительный лад. Но первая же встреча показала мне, что здесь не нужна ни моя обходительность, ни моя догадливость. Была женщина проста и в обличье и во всем своем поведении. Круглый овал ее лица, мягкие, точнее, теплые края губ, встревоженные глаза выдавали характер отзывчивый, добросердечный. Но больше же всего меня поразила ее улыбка, скрыто блуждавшая в уголках доверчивых губ, возникающая каждый раз, когда к тому был хотя бы малейший повод.

Грачев внес чемоданчик. Ни ватника, ни застиранного, залатанного платка с остатками обеда с ним не было. Я сел на широкую лавку возле окна и только сейчас огляделся. Под локтем у меня стояла тумбочка и на ней — высокой стопкой книги, прикрытые кружевной салфеткой. Таким же белым кружевным покрывалом была застелена кровать с горой подушек. На выскобленных бревенчатых стенах я не увидел ни любительских фотографий, вставленных под одно стекло, ни грамот, ни дипломов, ни вышитых полотенец, свисающих с настенного зеркала,— ничего, что составляет убранство северной избы. Только чистые бревенчатые стены да старая, пожелтевшая открытка с видом на Петропавловскую крепость.

Грачев окликнул меня из сеней:

— Будете умываться?

Ключевая вода была холодна и прозрачна. Холщовое полотенце, которое он кинул через плечо, отливало голубизной мартовского снега. Кусок мыла, как янтарь, желтел на щербатом блюдечке. Мне, выросшему на Севере, не в диковинку была опрятность деревенской избы, но здесь в домовитости, в чистоте чувствовалось нечто большее, какая-то одержимость.

Стол был накрыт: потрескивала картошка на сковородке, в глубокой тарелке был истолчен, перемешан со сметаной зеленый лук. Солидно дышали ломти ржаного хлеба. Из кармана Грачева появилась заветная бутылка. Антонина Алексеевна, мягко и проворно сновавшая по избе, присела сбоку на табурет.

— Что же, со знакомством? — сказал Грачев, выдохнул и разом опрокинул стопку. Хозяйка тоже выпила свою, но без жеманства, без извинительного похихикивания, которое в здешних местах служит признаком хорошего тона. Она выпила, задохнулась, забавно затрясла ладошкой перед вытянутыми губами, а когда пришла в себя, то рассмеялась звонко и непринужденно.

Я внутренне похолодел от этого знакомого, так мучительно отрадного мне смеха. Ведь бывают же, нет, скажите по совести, ведь бывают же на свете такие совпадения! И пока Грачев говорил с хозяйкой, пока он расспрашивал ее о разных хозяйственных делах, о картошке, медленно всходившей в этом году, о председателе, который стал сильно зашибать, о каком-то Иване Дмитриевиче, который все обещался написать, да так и не написал, я с неослабевающим напряжением ждал, когда же она рассмеется волнующе и звонко, как в тот раз.

Мы закурили. Табачный дым гнутыми сизыми пластами потянулся в открытое окно. Уже совсем завечерело, и на улице раздался мелкий, дробный стук овечьих копытец, тяжелое мычание, удары ботал. Хозяйка встала, легко выскользнула за дверь. Трава на лужайке, бревенчатые стены и крыши соседних изб, тополя с жестяной листвою — все горело вечерним медвяным светом. Внезапно Грачев оглянулся. Я тоже посмотрел в глубину комнаты. Там, на пороге, заложив руки за спину, прижалась к пробою девочка-подросток. Она исподлобья посмотрела на нас и, не говоря ни слова, выскочила за дверь.

Грачев закурил новую папиросу и, долго разглядывая обгорелую спичку, пояснил мне нерадостно:

— Верунька, Тонина дочь. Дичится она меня, не любит,— и вздохнул глубоко и замолчал снова.



Раскиснув в избе от сумеречной дремы, от монотонного тиканья ходиков, я вышел на крыльцо и с удовольствием подставил грудь сквозняку, который тянул с туманных низин. Наш лесовоз густо облепили деревенские ребятишки: по огромным колесам они взбирались на раму и, визжа и хохоча, спрыгивали на лужайку. Напротив, за лесовозом, торчал угол сараюшка, крытого потемневшей дранью. Возле него валялись сосновые кряжи. Колун, глубоко всаженный в один кряж, блестел треснувшим топорищем.

Душевное успокоение, которого я и не испытывал давным-давно, овладело мною на ступеньках этого чужого дома, в деревне, названия которой я толком даже не запомнил. Ребятишки исчезли мгновенно, как стайка воробьят: их голоса и крики доносились теперь с крыльца соседней избы. Босоногая Верунька гонялась за телкой, а та бестолково кидалась из стороны в сторону, взбрыкивала, останавливалась, опустив низко лобастую голову. И тогда Верунька начинала толкать ее в зад.

— Ух ты, дьяволица! — шипела она, пытаясь стронуть телку с места, поддавая ей коленом, упираясь обеими руками в лоснящиеся, гладкие бока.

В воздухе стояла та чуткая сиреневая полумгла, когда кажется, что вот-вот должно случиться нечто неожиданное, умиротворяющее все эти нестройные звуки: и стук отбойного молоточка, и рокот ручного жернова, и пофыркиванье «Беларуси», и громкие голоса женщин, перекликающихся в загороде, и всю эту мирную, близкую до боли сумятицу деревеньки, отходящей ко сну, не имеющей сил расстаться

с дневными волнениями и заботами. Оно—это ожидаемое — случилось! На крыши дворов, на темные шапки тополей, на дымящую теплым парком улицу пролилось таинственное сияние. И вскоре над сараюшком взошла луна, огромная, охватывающая, как мне думалось, полнеба, тревожная в своей багряности, в своей огромности.

Задохнувшись от новизны увиденного мною, от страстного желания продлить бесконечно это дивное диво природы, которое было перед моими глазами, но было где-то вне моего понимания, вне моего разума, вне моего существа, уже привыкшего воспринимать все видимое сквозь напластования чужих знаний и чужих мнений, я ждал, что и во мне, в моем собственном «я», все озарится этим трепетным багряным светом, что и во мне опадет, осядет все незначительное, пустяковое, ложное, недостойное меня и этой красоты, имя которой Вечность.

Очнулся я только тогда, когда Грачев тихонько тронул меня за плечо.

— Вам Тоня в избе постелила, а то ночью сыро-мокренно,— застынете не ровен час.

Говорил он дружелюбно и спокойно. Я молча поднялся и ушел в избу.

Возле лавки стояла раскладушка, смутно белевшая простыней. Я разделся, сел на край кровати, со вздохом облегчения нырнул в холодноватую белизну. Перед закрытыми глазами встала дыбом и упала навзничь лежневка: меня закружило, понесло, бросило в глубокий омут сна.

Безбрежное море теперь окружало меня, и я не столько слышал, различал, сколько понимал, что волна, вкрадчиво шипя, захлестывает голову и плечи, что я вытягиваю вперед бессильные, ватные руки, и гребу, и гребу, изредка различая на горизонте ослепительно яркую точку, которая внезапно приближается ко мне, вырастает в бешено крутящуюся воронку, втягивает меня, и все же в глубине этой воронки я вижу снова мерцающую точку, но, сбитый очередной волной, глотаю зеленоватую воду и не могу загасить ни этой точки перед глазами, ни внутреннего жара, полыхающего во мне.

...Когда я проснулся, губы мои запеклись, ссохлись от жажды. Еще некоторое время я смотрел в темноту — она раскачивалась, колыхалась, потом остановилась: потолочные швы проступили в ночном мраке. Как был, в трусах, в майке, ощупью я стал продвигаться к двери — в сенях стояла кадка с водой и большим эмалированным ковшом. Но в сенях, залитых высокой полной луной, мне пришлось остановиться: на порожке четко вырисовывались две тени.

— Не могу, не могу, не могу утерпеть! Не могу!— Рыдание прорвалось в голосе женщины, и она, захлебнувшись слезами, упала головой на колени Грачева. Теперь ее стоны звучали глухо, как сквозь воду.

— Почитай, с самой весны не приезжал, с самой Победы, а я все жди, жди... Всполохнусь до свету, гляну в окно: может, приехал, может, стоит уже... Вечером слушаю, не гудит ли за лесом, не едет ли... И за что мне такая мука? За что? Ну, что я такого сделала? — Она заплакала навзрыд. Грачев положил ей руку на голову.

— Перестань, Тонюшка, слышишь, перестань,— повторял он шепотом. Боль, которая таилась в его ласковых, беспомощных словах, остро пронзила меня. Замирая от мысли, что они могут заметить, что как-то нехорошо все это получилось, я не мог сдвинуться с места, не мог одолеть тягостного оцепенения.

— Ведь и сейчас,— продолжал Грачев, все более и более наклоняясь, целуя в затылок плачущую женщину,— ведь и сейчас-то я с ночной смены. Слышу, с журналистом надо ехать до Усолья. Вот я и вызвался. Пошел в контору, мол, лучше меня никто дорогу не знает. Инженер согласился — ему что, лишь бы ездку оправдать. А Суходеев, стерва, издеваться начал: к креке, дескать, опять направился. Я ему, как вернусь, ребра, суке, переломаю...

От сбивчивого шепота, от выстраданных слов женщина вроде бы поутихла, поуспокоилась. Только глубокий прерывистый вздох, какой бывает у детей, когда их горько и жестоко обидят, изредка сотрясал ее.

— Крека я, крека и есть,— сказала она протрезвевшим, жестким голосом, подымая с колен Грачева голову и отстраняясь от него.— Но ведь люблю я тебя, понимаешь, люблю. А день в разлуке, он, сам знаешь, с год кажется.

И припала к плечу шофера и совсем тихо, грустно-грустно добавила:

— Ты бы снял майку-то. Я обстирну, смотри, вся пропотела.

Не в силах больше сдерживать озноба, колотившего меня, я осторожно попятился в избу и тихо юркнул в постель.

В избе с утра было пусто и сумрачно. Так же пусто и сумрачно было на деревенской улице, когда я вышел на крыльцо. Лесовоз стоял, как и вчера, возле сараюшка. Все было, как вчера, только высокая поленница дров была сложена теперь у стенки. Грачев копался в моторе и, заметив меня, кивнул носатым козырьком в знак приветствия. Когда мы выезжали со двора, на крыльцо выскочила Верунька, заложила руки за спину, проводила нас недоверчивым долгим взглядом.

Заструилось, понеслось полевое разнотравье. Свежий ветер качнул спелые клевера, погнал их волнами. Птица, взмыв над кабиной, боком, боком, словно подстреленная, пошла над дорогой и осталась сзади в быстро тающем клубке пыли.

За жердевой оградой поскотины началось картофельное поле. Среди сочной ботвы, тянущейся рядами, замелькали белые платки колхозниц. Одна из них, стоявшая у дороги, разогнулась: я увидел ее лицо, слабую улыбку и невольный, сразу погасший взмах руки. Грачев краем глаза проследил за ней; желваки заиграли на его скулах. Он глубже натянул на лоб замасленную кепку и надбавил скорость.

Лесовоз въезжал в топкое мелколесье.

Маленький фельетон

Дары русского леса

Приснился мне недавно странный сон. Иду я по лесу, по веселой лесной тропинке, кругом благорастворение, тишина, птички чирикают, цветы приветливо кивают головами, грибные шляпки улыбаются из-под кустов, ягоды краснеют и здесь и там.

Оглянулся я, и вдруг все исчезло — стоят обожженные деревья, ни кустика, ни травинки, под ногами шуршит песок, черный, как зола, свирепые тучи ползут по небу, и ворон кричит кладбищенским голосом:

— Кр-ра-а!

Мороз подрал меня по коже, и я проснулся со страшным воплем.

— Что с тобой? — спросила жена.

Я рассказал свой сон и добавил:

— Это не к добру.

Жена моя — человек рациональных убеждений. Естественно, она ответила:

— Вздор какой! Стыдно в наш атомный и электронный век верить в сны.

— Больше не буду,— ответил я и снова заснул.

И приснился мне опять странный сон. Иду я по лесу, по веселой лесной тропе, кругом благорастворение, тишина, птички чирикают, цветы приветливо кивают головами... Но что за чертовщина! На зеленой разлапистой елке растет картошка, на сосне — помидоры, старый дуб весь увешан банками с зеленым горошком, а на березе нахально разместились фруктовые консервы. Отступил я назад, попал ногой в капусту, споткнулся, схватился за куст, на голову мне свалилась банка с солеными огурцами, не успел я охнуть, глядь, на меня какое-то чудище вываливает мешок картошки и медвежьим голосом кричит:

— Дары русского леса!

— Вы кто? — спросил я.

— Я царь Додон,— ответило чудище.

— А четвертинки у вас тут не развешаны, не произрастают, так сказать?..— робко спросил я, набравшись духу.



— Не положено,— рявкнуло чудище,— пока не положено.

— Под огурчики соленые хорошо бы...

— Нет указаний сверху.

Опять я проснулся в холодном поту, но, подумав, решил, что этот вариант сна к добру.

— Дивный сон! — сказал я жене.

— Знаешь что,— ответила она мне,— меня очень беспокоит твое умственное состояние. Во-первых, перестань плотно ужинать. Во-вторых, сны всегда в какой-то степени отражают действительность. Где ты вчера покупал помидоры и виноград?

— В магазине «Дары русского леса», что возле метро «Аэропорт» на Ленинградском проспекте.

— А дары леса там действительно есть?

— Ни одного. Хотя бы на смех.

— Грибы есть?

— Нет.

— Орехи, ягоды?

— Нет.

— Кадки, бочата?

— Нет.

— Что же там есть?

— Все, что есть в любом овощном магазине. Плюс царь Додон. Сделан из дерева. Игрушка. Смотреть страшно.

— Ты бы зашел к директору.

— Зашел. Симпатичнейший человек — Михаил Наумович Райхштадт.

— А он что?

— Я, говорит, каждый день плáчу, краснею и канючу у начальства.

— Какого начальства?

— А у того, какое сидит в Министерстве лесного хозяйства РСФСР. Это его магазин. Фирменный... некоторым образом.

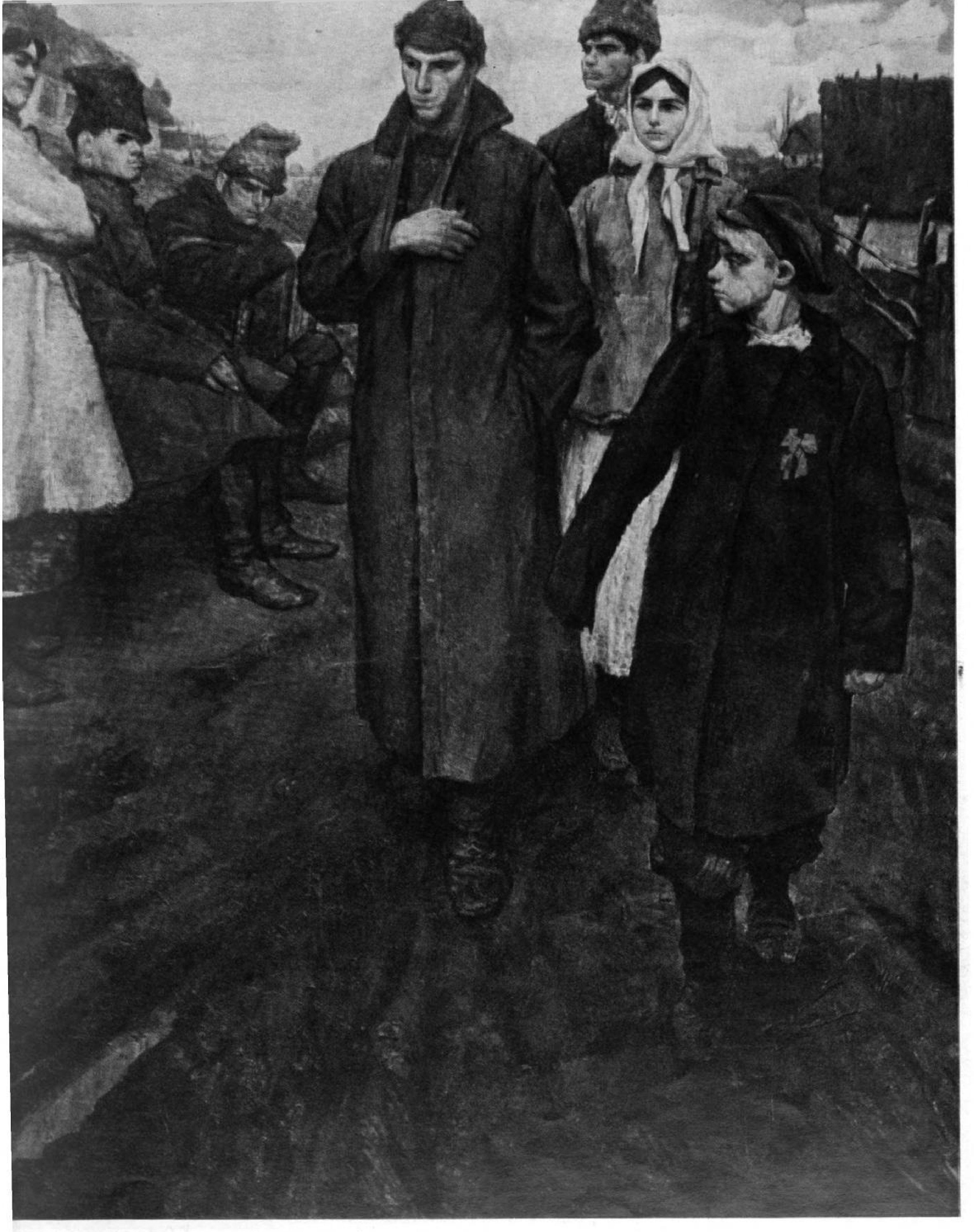
— Это как? Тоже сон?

— Нет, на этот раз — суровая действительность. Сон — отражение действительности. А тут, наоборот, действительность похожа на сон.

Ник. КРУЖКОВ



Ю. Циркунов. КОМСОМОЛЬЦЫ 20-Х ГОДОВ.



В. Чеканюк. ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЯЧЕЙКА НА СЕЛЕ.

СЪЕЗД ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, закончил работу II съезд художников Российской Федерации. Художники Советской России собрались, чтобы обсудить вопросы развития советского изобразительного искусства, проанализировать и подвести итоги своей творческой деятельности, поставить задачи на будущее, наметить пути их претворения.

В работе съезда приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев.

Ближайшей идейно-творческой программой, которую обсудил съезд, стала подготовка художников республики к выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Решено, что эта выставка должна вобрать огромной важности темы, охватывающие большой исторический этап: от победы революции до наших дней — времени торжества ленинского дела, реального воплощения в жизнь ленинских идей.

Открыл съезд один из старейших мастеров советского изобразительного искусства, выдающийся живописец, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии Аркадий Пластов.

Художники РСФСР заслушали отчетный доклад Правления Союза художников республики и избрали новое правление. Председателем правления избран заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Гелий Коржев.

С речью на съезде выступил министр культуры РСФСР Н. Кузнецов.



В зале заседаний II съезда художников РСФСР.

СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ



Исполнилось семьдесят лет со дня рождения видного советского критика и литературоведа Евгении Федоровны Книпович. Большая эрудиция, внутренняя страстность, постоянный интерес к новым явлениям литературной жизни, завидное трудолюбие — все это особенно подкупает в разностороннней деятельности Е. Книпович. Любителям советской литературы хорошо известны талантливые работы критика, посвященные творчеству М. Горького и А. Фадеева. Ее исследование громадного художественного наследия основоположника социалистического реализма направлено на уяснение животворных горьковских традиций в советской литературе, на выявление эстетического богатства Горького-художника, Горького-мыслителя.

Из-под пера Е. Книпович вышли интересные статьи о творчестве М. Шолохова и Л. Леонова, Н. Тихонова и М. Светлова, а также зарубежных писателей — Брехта, Фолкнера, Алана Силлитоу.

Во всех своих статьях и книгах Евгения Федоровна Книпович остается верной принципам эстетики социалистического реализма, критиком с тонким художественным чутьем, отзывчивым на все новое и даровитое.

Н. МИХАЙЛОВ



Вдохновленность

Ираклий Андроников — весьма своеобразное и, можно сказать, уникальное явление. Именно явление. Ибо трудно припомнить человека, который был бы в таком изобилии и в такой гармонии наделен многочисленными и разнообразными талантами.

Еще в молодости он предстал перед нами в качестве блистательного устного рассказчика. Когда он изображал в лицах беседу Алексея Толстого с Маршаком, то это было настолько живо, точно, остроумно, изящно, что персонажи его рассказа являлись перед слушателями живыми, зримыми. Когда он рассказывал о своих встречах с Иваном Соллертинским, то возникал овеянный теплым юмором облик превосходного человека, тонкого знатока музыки, горячего, пылкого и вдохновенного.

Кто же Ираклий Андроников? Пересмешник? Нет, он художник, умеющий распознать характер, внутренний образ человека, которого он изображает. И, конечно, увидеть в нем смешное, трогательное.

Когда он выступил в качестве литературоведа, он сразу завоевал признание широтой своих поисков, огромным интересом к теме, дотошностью кропотливого ученого и талантливостью пера. Все, что написано им о Лермонтове, читается как увлекательный роман. А ведь круг его литературоведческих интересов не ограничен только Лермонтовым.

Когда Ираклий Андроников выступает по телевидению, то от экрана не оторвешься: о чем бы он ни говорил, все интересно, значительно и как-то подкупающе обаятельно.

Недавно фирма «Мелодия» выпустила альбом граммофонных пластинок, посвященных искусству Ираклия Андроникова.

Это отличный подарок людям!

Ираклию Луарсабовичу исполнилось шестьдесят лет. Сказать, что ему три раза по двадцать,— тривиально. Но, право, невозможно представить Ираклия Андроникова в качестве пожилого человека — столько в нем бодрости, душевной молодости, жизнерадостности!

Ник. КРУТКО

ИЗ ДОНСКОЙ ЖИЗНИ



Прозаику М. Никулину — семьдесят. Еще до войны им написаны такие яркие донские рассказы и короткие повести, как «Лукашка», «Чужая тропа», «На разветвлении дорог», «Гость», а позднее — роман о путях трудового казака в годы гражданской войны «Полая вода». После войны, кроме рассказов «На переправах», «Учитель Солдатов» и других, всегда очень серьезных, хороших и по мысли и по языку, написаны трилогия «Миусские повести», повести «Ксения Ильина», «Мертвые не все уносят», «Погожая осень», а теперь — «Тебя ждут твои друзья». Новая удача автора — повесть из дореволюционной казачьей жизни «Звезды нужны живым».

Мысленно снова перелистываешь его страницы и думаешь, что ни одного переломного момента из донской (и дореволюционной, и послереволюционной, и довоенной, и послевоенной) жизни он не пропустил. И по книгам его много нового об этой жизни узнаешь.

Н. ИВАНОВ



Жизнь в музыке

Лев ОБОРИН,
профессор, народный артист СССР

— Какой тайной владеют советские музыканты?

Всякий раз после каждого конкурса, на котором советские исполнители, как правило, оказываются победителями, наших представителей спрашивают: «Чем можно объяснить такой высокий уровень исполнительской культуры в СССР?»

Попытаюсь ответить.

Для этого мне придется заглянуть в прошлое, обратиться к воспоминаниям сорокалетней давности.

1927 год. По инициативе замечательного польского музыканта Ежи Журавлева в Варшаве впервые после первой империалистической войны объявлен международный конкурс пианистов, посвященный памяти Фридерика Шопена.

Конкурс этот привлек внимание мировой общественности. Сильнейшие пианисты мира дали согласие участвовать в нем. Проспект конкурса был прислан и к нам, в Советский Союз.

Я только окончил тогда Московскую консерваторию и был в числе ее первых аспирантов. Мой учитель, незабвенный Константин Николаевич Игумнов, ознакомившись с условиями конкурса, сказал мне: «А не поехать ли тебе?»

Я взглянул на программу. Примерно две трети этой программы у меня не были готовы. А времени оставалось недели две-три, не больше! Закопошились сомнения. Конечно, поехать очень хотелось, хотя бы даже для того, чтоб послушать, как играют пианисты других стран. Но как ехать неподготовленным?..

«Ты просто не умеешь хотеть»,— бросил мне мой друг, замечательный музыковед Болеслав Яворский. Его слова запали в душу, разбередили, и я со всем напряжением сил, не считая часов, стал работать.

На конкурс от Советского Союза поехали Григорий Гинзбург, Юрий Брюшков, выпускник Ленинградской консерватории Дмитрий Шостакович и я.

Сейчас это звучит, конечно, наивно, но тогда, сорок лет назад, наше появление в Варшаве действительно произвело сенсацию.

Л. Оборин и Катя Новицкая в Большом зале консерватории после ее концерта.



Повсюду мы становились объектом всеобщего внимания. Ведь о нашей стране распускались самые фантастические слухи! Утверждали, что в Советской России уничтожена культура, нет искусства. Даже один наш вид — в обычных костюмах, а не в пресловутых «комиссарских» кожанках и «при нагане» — вызывал изумление.

Что говорить, наше выступление привлекло массу слушателей. И как же велико было разочарование всяких злопыхателей, когда члены жюри, очень уважаемые музыканты, высоко оценили игру советских пианистов!

Газеты отмечали необычность и новизну советского исполнительского стиля: сочетание искренности и простоты с активным, волевым началом.

Все мы выступили очень успешно. Это была победа. Но за рубежом многие к ней отнеслись скептически, настаивали на случайности, недоразумении.

Шли годы. Международные конкурсы становились традицией. Повторялись шопеновские конкурсы. Был объявлен конкурс в Брюсселе. И повсюду с завидным постоянством наши музыканты выходили победителями. Имена Э. Гилельса, Я. Флиера, Я. Зака, Р. Тамаркиной, М. Гринберг приобрели огромную популярность. После войны круг имен еще более расширился. Мир узнал таких пианистов, как Святослав Рихтер, Татьяна Николаева, Бэлла Давидович, Евгений Малинин, Дмитрий Башкиров, Михаил Воскресенский и многие, многие другие.

Больше того, каждый новый конкурс всякий раз открывает новые имена, новые незаурядные индивидуальности. Поэтому разговоры о случайности, недоразумении давно смолкли. Их сменили упоминания о «таинственной загадочности» явления.

Так в чем же все-таки его разгадка?

Ответ вопреки ожиданиям не будет односложным.

Причин много.

Первая из них, мне думается, заключается в том, что у нас огромная страна, большое население, и, как утверждают математики, по статистическому закону, процент людей одаренных, естественно, должен быть высоким. Но, главное, люди эти имеют возможность развивать свое дарование, учиться независимо от материального и социального положения. Талант в нашей стране поощряют, выдвигают, пестуют... И нет сомнения, что именно такая постановка дела — в масштабах нашей страны — не может не иметь «отдачи».

Вторая причина — подготовка к участию в конкурсе. Сошлюсь на мнение такого большого музыканта, как Г. Пятигорский. Побывав в нашей стране, он говорил: «Вы прекрасно здесь работаете. Все идеально подготовлено, организовано. Молодых готовят к конкурсу лучшие профессора. У вас — авторитетные комиссии для отбора. В других же странах дело обстоит по-иному: кто хочет, тот и едет. А готов ли музыкант к соревнованию, представляется решать ему самому».

К этому добавлю еще, что наши музыканты в период подготовки к конкурсу свободны от материальных забот. Они могут позволить себе отказаться на это время от концертных выступлений, бесплатно пользоваться советами и консультациями авторитетнейших профессоров. В сочетании с величайшим чувством собственной ответственности за выступление все это и дает столь очевидное преимущество нашим конкурсантам.

Мне хочется назвать еще одну причину.

Дело в том, что наши ученики в процессе обучения знакомятся с огромным количеством не только европейской музыки, но и русской, которую учащиеся за рубежом играют меньше. Конечно, это значительно расширяет их кругозор, повышает технику. Вот, например, сочинения Рахманинова; он их писал в расчете на свои гениальные руки! И, если ученик освоит технику исполнения этих сочинений, он уже может претендовать на многое.

Все это позволяет говорить о ведущей роли советской исполнительской, в частности пианистической, школы. Хотя, разумеется, самое понятие «советская пианистическая школа» очень сложно и многообразно.

Ведь каждый выдающийся художник — прежде всего яркая, неповторимая индивидуальность. Естественно, крупнейшие наши музыканты не похожи друг на друга ни как исполнители, ни как педагоги. Вспомню хотя бы, какими разными были К. Н. Игумнов и А. Б. Гольденвейзер или Г. Г. Нейгауз и С. Е. Фейнберг.

И все-таки существует нечто такое, что объединяет и мастеров и их воспитанников. Это взгляд на задачи исполнительства, истоки которого коренятся в традициях самого русского искусства. Отсюда и проистекает общая для всех советских музыкантов правдивость и проникновенность, искренность и простота исполнения, стремление раскрыть замысел композитора — смысл, идею произведения. Отсюда отказ от самодовлеющей виртуозности, и техника, сводящаяся не к беглости пальцев, а включающая в себя и певучесть звука и богатство тембровых и динамических красок, и активное, волевое, жизнеутверждающее начало.

Именно этими чертами отмечено искусство и наших новых лауреатов, победителей международных соревнований 1968 года.

Пожалуй, сенсацией нынешнего музыкального года можно назвать успех шестнадцатилетней Кати Новицкой в Брюсселе, на конкурсе королевы Елизаветы.

Катя Новицкая — воспитанница Центральной музыкальной школы, где до 7-го класса занималась у преподавателя Е. Тимакина.

В прошлом году Катя сдала досрочно экзамены за среднюю школу и поступила на первый курс Московской консерватории, в мой класс. Несмотря на молодость, Новицкая поражает слушателей своим очень личным отношением к исполняемой музыке, глубоким пониманием смысла произведения. У нее прекрасное чувство формы, хорошее туше, великолепная память и просто гигантская трудоспособность.

Вся жизнь ее в музыке. И в музыке раскрывается глубина и незаурядность ее натуры.

После победы на Брюссельском конкурсе, где Катя получила I премию, журналисты спросили девочку, чего ей больше всего хочется. Она ответила: «Как можно скорее приехать домой и учить новую программу». В этих словах — вся Катя!

Прекрасно выступил в Брюсселе и Валерий Камышов — ученик профессора Я. Флиера. Известный уже пианист, лауреат II Международного конкурса имени Чайковского, Камышов — музыкант яркий, темпераментный, виртуозного направления... Лауреатство завоевал и Семен Кручин (класс В. Горностаевой). Он также не новичок в международных соревнованиях, лауреат конкурса в Лидсе (Англия).

Глубокой и тонкой пианисткой показала себя Елизавета Леонская (класс Я. Мильштейна).

В Лейпциге на конкурсе И. С. Баха I премию завоевал студент Московской консерватории Валерий Афанасьев (класс проф. Я. Зака). Это чрезвычайно разносторонний музыкант, с широким кругозором, великолепно знающий музыкальную литературу во всех ее жанрах. Его трактовка Баха привлекает неукоснительной точностью в выполнении авторского текста, строгостью формы, насыщенностью и богатством содержания. Интересно, что к конкурсу, помимо обязательной программы, Валерий Афанасьев и Евгений Королев (удостоенный III премии) выучили все 48 прелюдий и фуг Баха.

Они продолжили прекрасную традицию русского, советского пианизма. Ведь первым все прелюдии и фуги Баха сыграл С. Фейнберг. Его примеру последовала Татьяна Николаева, кстати, завоевавшая I премию на первом конкурсе Баха в 1950 году. Успех москвичей в Лейпциге поддержала пианистка из Еревана Светлана Навасардян.

И, наконец, в Монреале очень интересно выступили воспитанница ЦМШ Люба Тимофеева и выпускник Московской консерватории Алеша Любимов. Исполнительский стиль юной Любы Тимофеевой отмечен чертами романтизма; Алексей Любимов — музыкант более строгий. Недаром он так хорошо играет Баха, произведения старинной музыки и советских композиторов.

В последние годы в мире проводится чрезвычайно много музыкальных конкурсов, хотя самыми ответственными и серьезными продолжают оставаться: конкурс имени Чайковского в Москве, конкурс в Брюсселе и конкурс имени Маргариты Лонг в Париже.

Музыканты — кто в шутку, а кто и всерьез — уже именуют эти соревнования «бичом» своей жизни. Все чаще высказывают сомнения в их целесообразности и полезности. Главный аргумент противников конкурсов — несовместимость с искусством царящего там духа спортивного состязания.

Бесспорно, доля истины в таких рассуждениях есть. Но я все же думаю, что конкурсы приносят больше пользы, чем вреда. Спортивный дух не мешает дарованию проявлять себя, а жюри — его оценивать. Как показала практика, судьи ошибаются редко и звания лауреатов удостаиваются действительно хорошие музыканты. Да и лауреатство не итог, а всего лишь начало пути, на котором дальнейшие труд и упорство сформируют настоящего артиста.

На международных конкурсах встречаются музыканты разных стран. Совместное музицирование, беседы, даже споры на заседаниях жюри укрепляют дружбу и взаимопонимание музыкантов планеты.



ЯПОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Роман КИМ — Рассказ — Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

После крутого перевала вдали показалась высокая гора, очень синяя гора со снежной верхушкой. Ближайшая долина была красной и светло-лиловой, сплошь горная азалия и волчий корень. По краям дороги бамбук и трилистник. Надо было отдохнуть. От синей горы веяло прохладой, но когда ветерок стихал, становилось жарко. Путники — среди них был один неяпонец — подошли к лачуге; вместо вывески висели рекламы лекарства против усталости «Биотамин», электробритвы «Браун» и газовых зажигалок «Крикет». Все сели под навесом на скамейки, покрытые циновкой.

Из лачуги вышла старушка с подносом и, кланяясь каждому в отдельности, поставила чашечки, разлила зеленый чай и предложила соленые сухарики, обернутые морской капустой. В стеклянном ящике у двери лачуги были выставлены бутылки японского виски «Никка», шариковая авторучка и открытки.

Иностранец, на вид ему было под сорок, лысый, выпил чай, закурил сигару. Молодой парень с прической «битлз», в затасканных кожаных брюках купил большую карту этого горного района. Высокий, хорошо одетый господин средних лет, с галстуком-бабочкой внимательно просмотрел все открытки, но не нашел подходящей. Полноватый полуседой джентльмен в серебристо-сером дакроновом костюме купил пачку зубочисток. Остальные трое — супруги с маленькой девочкой, все в японском, выпили чай и подошли к обрыву. Иностранец сфотографировал каменную статую бога Дзидзо на замшелой скале, потом подошел к супругам и, показав на девочку, спросил:

— Можно?

Супруги переглянулись, улыбнулись, муж поправил очки и ответил с поклоном:

— Пожалуйста.

Мать поправила девочке челку и пояс сзади. Иностранец усадил девочку на скамейку, чтобы фоном служили горы вдали, и щелкнул несколько раз. Затем снял родителей с девочкой, подозвал молодого парня в кожаных брюках, но тот с улыбкой помахал рукой перед лицом — отказался.

Высокий японец сел на плоский камень у входа в пещеру и застыл в неподвижной позе. Затем стал медленно поднимать и опускать плечи — делал специальную дыхательную гимнастику.

Путники, оставив старухе несколько серебряных монет с дырками посередине, пошли дальше.

Еще один перевал, началась чаща причудливо изогнутых сосен, по краям узкой дороги росли желтые ромашки и розовые ойрансо — «трава куртизанки». Громко трещали цикады. Синяя гора стала ближе, внизу появилась новая долина, на дне ее виднелась деревушка, десяток хижин с камышовыми крышами, между ними торчали шесты, соединенные веревками, на них сушились халаты. Около деревушки протекала речка среди квадратов рисовых участков.

Иностранец пошел рядом с супругами. Оказалось, что и муж и жена знали английский.

— Вы к озеру? — спросил иностранец у мужа.

— Да. А вы?

— Я тоже. Люблю путешествовать без всяких гидов и удобств, так лучше можно узнать страну и людей. Когда мы доберемся до озера?

— К вечеру придем,— ответила жена.— Вы давно в Японии?

— Уже полтора года. Девочка, наверно, устала. Ей трудно ходить по горам так много. Слишком рано стала альпинисткой.

Иностранец погладил девочку по голове, она испугалась и хотела заплакать, но раздумала, получив от чужого, страшного на вид дяди таблетку в серебряной бумаге — жевательную резинку.

Супруги узнали, что иностранец — американский дипломат, изучает японское искусство эпохи Муромати и коллекционирует маски театра «Но». До того как стать дипломатом, собирался писать рассказы по совету своего друга, известного писателя Стэнли Эллина.

Дипломат спросил супругов: читали ли они современных американских писателей? Муж ответил, что немножко читал и, между прочим, помнит страшный рассказ Эллина о ресторанчике для гурманов, где подавали блюда из человечины. А жена сказала, что читала журналы «Плэйбой» и «Ньюйоркер», где печатаются рассказы Ирвина Шоу, О' Хара, Дала и других.

Супруги сейчас нигде не работали. Муж был учителем английского языка в одной школе

Большой популярностью пользовалось творчество талантливого советского писателя Романа Кима. Рассказ «Японский пейзаж» публикуется посмертно.

около Токио, но был уволен за участие в забастовке, проведенной Всеяпонским союзом учителей. Он добавил с улыбкой, показав на шею:

— И выяснилось, что надо срочно делать операцию...

А жена сказала, что окончила педагогический институт в Осаке, но из-за туберкулеза не смогла устроиться на работу по специальности, пришлось работать кельнершей в баре. Она улыбнулась.

— Меня тоже уволили. Из-за состояния здоровья.

Дипломат сказал:

— В Японии очень хорошая медицина. Славится на весь мир.

Около маленькой кумирни богини Лисицы путники остановились пообедать. Парень в кожаных штанах извлек из рюкзака алюминиевую коробку с рисом и кусочком кеты. Дипломат вынул из сумки виниловый мешочек с сандвичами, полноватый господин открыл консервную банку, вынул из кармана палочки и стал вытаскивать из банки стебельки спаржи. Высокий японец ограничился несколькими красными таблетками поливитамина. А супруги, отвернувшись от всех, стыдливо ели омусуби — рис, скатанный в шарики и обсыпанный солью. Девочка съела половину шарика, затем достала из рукава халата аккуратно сложенную разноцветную бумажку, расправила ее, стала дуть — оказалось, что это мяч из бумаги.

Когда проходили мимо чайной лачуги около мостика через ручеек, девочка увидела на прилавке рисовые лепешки. Она остановилась, засунув пальчик в рот. Супруги посмотрели друг на друга. Жена сказала:

— За ночлег и ужин отложите.

Муж вынул бумажник и, пересчитав деньги, тихо сказал:

— Остается только для утреннего завтрака.

Жена бросила взгляд на девочку.

— Купите лепешки. Фумитян очень любит.

— На завтрак не останется,— шепнул муж.

— Купите лепешки,— повторила жена и, прижав рукав халата к лицу, пошла вперед.

Дипломат обратился к полноватому японцу по-японски:

— Жарко?

Тот засмеялся и ответил по-английски с сильным акцентом:

— Очень. Но скоро будет прохладно.

Они разговорились. Японец оказался промышленником из Нагои, владельцем фармакологического предприятия. Был дважды в Америке, умеет играть в гольф, коллекционирует кактусы.

— Были на войне? — спросил дипломат.

— Окончил летную школу, должен был отправиться на Рюкю в отряд смертников, уже написал прощальные письма родным, но вдруг,— японец засмеялся,— последовал указ императора об окончании войны.

— А я попал в Индонезию, в аппарат военной администрации и проторчал там до конца войны.— Дипломат улыбнулся.— Нам обоим повезло.

Поравнявшись с парнем в кожаных штанах, дипломат спросил по-японски:

— Сколько ри осталось до озера?

— Уже совсем близко. Через час там будем.

— Что за будки там внизу?

— Там делают древесный уголь.

— Вы студент?

— Нет. Электромонтер.

Парень обернулся и, увидев, что супруги с девочкой отстали, подошел к ним и взял девочку на руки.

Вдали на дороге показались полицейские в шлемах, они слезли с велосипедов, остановились. Парень нагнал шедшего впереди высокого господина и сказал:

— Там огораживают участок для ракетного полигона. Лучше пойти налево.

Парень свернул с дороги на тропинку и пошел вверх вдоль ущелья. Подъем был не очень крутой, все пошли по этой тропинке. Она быстро привела к вершине горы, и оттуда открылся вид на озеро.

Круглое сине-зеленое озеро было окружено со всех сторон горами. По его глади скользили крошечные яхты с красными и желтыми парусами. На той стороне озера, на скалистом склоне горы среди сосен, виднелась пятиярусная пагода и крыша буддийского монастыря. Ниже монастыря, у самого озера, стояло много разноцветных машин около мотеля. Из озера вытекала маленькая речка, через нее был переброшен красный горбатый мостик. Дальше на склонах гор торчали крыши вилл. Речка вела к знаменитому на всю Азию водопаду, о котором говорилось во всех справочниках для туристов.

Путники долго стояли и смотрели на озеро, горы и облака. Дипломат вытащил из сумки кинокамеру, нацелил ее на озеро, затем снял все горы. Царила полная тишина. Казалось, что эта тишина распространялась на всю вселенную. Тишину на одну минуту нарушила моторная лодка, она вынырнула откуда-то, но быстро скрылась за пристанью около мотеля.

Дипломат записал в блокноте:

«Озеро среди гор, бывший кратер вулкана. Сине-зелено-розоватые акварельные сумерки. Гамма в духе Дюфи. Водопад в нескольких километрах от озера. Пейзаж — нечаянный шедевр вулканов, типично японский.

Все одинаковы перед этой величественной красотой. Император, торговец, рыбак, монах и крестьянин одинаково забывают о своих ничтожных, эфемерных страстях — политике, злых замыслах, житейских заботах, обидах. Вот откуда буддийский пантеизм. И японское искусство — Сессю, поэзия Бусона и Рёкана, новеллы Сига и фильмы Куросавы. Вот почему японцы умеют особенно тонко гутировать красоту природы».

Дипломат повернулся к матери девочки и произнес:

— Нирвана...

Вдруг раздался грохот, смешанный с отчаянным воем. Через все небо в течение одного мгновения промчались и исчезли треугольные самолеты, похожие на бумажные стрелы, швыряемые школьниками. И снова наступила безмятежная нирванная тишина.

Стало быстро темнеть. Путники спустились к берегу, подошли к гостинице японского типа, отели находились на той стороне озера. Все разместились в комнатах, дипломат занял две. Через раздвинутые бумажные двери открывался вид на озеро и горы. Служанки предложили прибывшим помыться, принесли ночные халаты, в гостинице были ванны и европейского типа и японского — большие деревянные кадки.

После того, как гости закончили омовение, всем подали еду в комнаты. Все легли спать рано: очень устали. И только промышленник из Нагои, занявший весь флигелек у самого берега, решил повеселиться. Он вызвал местных гейш, они допоздна прислуживали ему за столом, подливали виски, играли на сямисене и аккордеоне, исполняли японские танцы и западные — ватусси и монки.

Кроме прибывших шести путников и маленькой девочки, больше никого в гостинице не было. Ночью со стороны озера никаких звуков не доносилось, как будто оно находилось не в тридцати шагах от гостиницы, а где-то за горами.

Рано утром все путники покинули гостиницу и разошлись в разные стороны.

Дипломат вызвал такси и поехал дальше в горы, в курортный городок, где должен был встретиться с личным секретарем одного депутата японского парламента и провести сугубо неофициальную беседу. Промышленник из Нагои, хоть и лег очень поздно, встал бодрый, энергичный, пошел к берегу, хотел выкупаться, но не смог: вода была слишком холодна. Он направился в сторону мотеля, где его ждал с интересными документами инженер фирмы, конкурирующей с его предприятием. За высоким японцем пришли из селения на берегу озера члены местного филиала религиозной секты «Сока гаккай»: он прибыл из столицы для прочтения лекции на тему «Наше вероучение и судьба Японии». Парень в кожаных штанах пошел по тропинке в сторону монастыря, это был кратчайший путь к деревушке в соседней долине, где на днях начал действовать организационный комитет по борьбе против предоставления американцам одной из окрестных гор для ракетной базы. А супруги с девочкой вместо утреннего завтрака выпили по чашке воды и, выйдя из гостиницы, медленно пошли вдоль берега, затем поднялись около красного мостика в гору, проследовали мимо недавно выстроенных, сверкающих стеклом и дюралюминием вилл и направились прямо к знаменитому водопаду, чтобы броситься в него.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Бедный «Кузя»

Личная жизнь, а все-таки что же это такое?.. Мы задумались об этом в связи с фильмом, который называется «Личная жизнь Кузяева Валентина».

На экране происходит следующее. Ленинградский старшеклассник Валентин Кузяев рассказывает нам о своем существовании: об отношениях с людьми, об окружающем его мире... Он учится в школе, смотрит телевизор, читает книги, гуляет с товарищами по улицам. Здесь, на улице, «Кузя» — так его зовут друзья — и попадает в число участников случайного «уличного телерепортажа».

Растерявшись от неожиданности, парень довольно несвязно отвечает на вопросы телерепортера, но все же получает анкету для дальнейшей беседы в телестудии.

С этого все и началось.

«Ведете ли вы дневник?» — спрашивается в анкете. А дневника Кузяев не ведет. «Есть ли у вас друзья?» «А кто их знает!» Узнав, что «Кузя» будет выступать по телевидению, ребята в классе подняли на смех нашего героя: сыплются издевательские советы, насмешки, шутки... «Кузя» терзается. Учебник отодвинут. На чистой тетради выведен заголовок: «Дневник Кузяева Валентина». «Кузя» описывает самые интересные события в своей жизни. Мы видим загородный «поход», куда однажды отправился Валентин. Поход кончается неожиданным приключением: желанной встречей с незнакомкой!

Во время встречи «Кузя» обнаруживает не просто любопытство, но сердечность и душевный такт, стараясь помочь в беде молчаливой девушке: она не знает, что случилось с ее другом; он не приехал! Но «Кузино» участие девушке ни к чему. С ее другом ничего не случилось: он спокойно сидит у себя дома, видно, кончилась любовь!.. «Кузя» провожает огорченную девушку через лес, заходит к ней. Она одна. Деловито убирает со стола приготовленный на двоих ужин, даже не спросив «Кузю», ужинал ли он. А когда друг девушки все-таки приехал, «Кузю» беззастенчиво выдворяют за дверь! Вот и все «приключение». В нем горький осадок — ощущение ненужности «Кузи», обида за «Кузю». А фильм движется дальше.

Валентин снова дома. Одинокая комната (мать «Кузи» мы ни разу так и не видели); по «телеку» ничего интересного не передают, и Валентин нехотя берется за дневник.

Теперь он описывает, как во дворе у них появился «неизвестный незнакомец». Мы видим его: это обшарпанный субъект вороватого вида, в соломенной шляпе и разбитых матерчатых ботинках, но с фотоаппаратом через плечо. Субъект спросил Кузяева Валентина и как-то боком «представился» ему: «Петр Кузяев!..» Оказалось, «папаня»; приехал украдкой повидать брошенного им давным-давно сына. Смотрит на парня исподлобья и повторяет тупо: «Поговорить бы надо!» А говорить не о чем... Так и расстались — ни чужие, ни родственники. И опять у «Кузи» боль и обида на сердце.

Снова он один. Озабоченно слоняется то дома, то во дворе, то на улице. Но вот наступает назначенный «телевизионный» день. Товарищи нарядили «Кузю» в чужой модный пиджак, повязали галстук,

пригладили ему вихры, проводили; сами уселись к телевизору — ждать передачу. Валентин прибегает на телестудию, прижимая к груди дневник и анкету, а дежурная в окошечке равнодушно говорит ему: «Нет в списке! Забыли, значит...»

«Кузю» не забыли, а вычеркнули: он показался режиссеру «подозрительным», ненадежным: «Еще ляпнет что-нибудь».

Однако «Кузя» все же «прорвался» в павильон, сел поближе к телеобъективу. Испуганная ассистентка — та самая, что приглашала «Кузю»,— зловеще шепчет ему: «Уйдите из кадра!..» Но Валентин уперся, никуда он не уйдет: ребята ведь смотрят передачу! А в это время со сцены издевательски несутся слова преувеличенно-бодрой песни: «Каждый человек нам нужен! Каждый человек нам дорог!..»

Вот такой показали нам «Личную» жизнь Кузяева Валентина».

В нашем представлении личная и общественная жизнь у нас неразделимы. У нас — это мы имеем в виду и Останкинскую башню, где мы работаем, и нашу страну, наше общество.

Башня наша передает в эфир работу телестудии — в общем-то работает здесь почти одна молодежь. Но все мы дружим по-настоящему, наши товарищи по работе понимают «личную жизнь» так же, как мы: школа, комсомол, институт, семья — все это вместе и называется нашей личной жизнью. И это в то же время и наша ОБЩЕСТВЕННАЯ жизнь! Как оторвать одну от другой?!.

В школе, которая еще свежа у нас всех в памяти, пожалуй, главным была дружба: она помогала нам жить. Если кто-нибудь из нас запутывался, то все вместе мы всегда находили правильный выход!.. В комсомоле было посложнее: в наше комсомольское время начинались целинные земли; работать на них было не так уж легко, но мы работали, помня, что лет за десять до нас комсомольцы обивали пороги военкоматов!.. И на работе и в институте мы продолжаем дружить; каждая задумка, каждая интересная мысль подхватываются на лету, а значит, становятся достоянием общественности.

«Кузю» в фильме жалеют. Ах, бедный мальчик: он — школьник — вынужден разносить письма, помогать матери!.. А что тут «жалкого»? Что зазорного?.. С каких пор труд стал вызывать «сочувствие»?!.

А ведь, если разобраться, картина «настроена» именно на такую фальшивую волну: все в ней должно вызывать либо жалость, либо возмущение. Тут видишь только несчастных уродов, людей обездоленных и обиженных. Мерзок и бюрократ-режиссер и пришибленный, бесконечно виноватый перед сыном прощелыга-отец; жалко и девушку, вымаливающую «любовь» у жирного, самодовольного «друга»... Противно видеть кривляющуюся перед микрофоном актрису, которая профанирует, а по сути, злобно высмеивает молодежную песню с эстрады!.. Да все, все здесь оплевано, искажено, осмеяно, принижено — и самый образ жизни героя и все его окружение.

По какому же праву фильм так злобно клевещет на наше общество, на наших товарищей, на наших матерей и отцов? Почему так усердно старается посрамить и опозорить нас?! Кому нужен звучащий в фильме «призыв» презирать старших, «бороться» со старшими?.. Почему вздумали ленфильмовцы (сценарист Н. Рязанцева, постановщик фильма И. Масленников) обрушить на горячие головы шестнадцатилетней молодежи картину, которая может только отравить лучшие романтические годы тех подростков, кому продолжать великие завоевания отцов и старших братьев?..

Мы пишем вам потому, что в одном из номеров «Огонька» прочли письмо Е. Микулиной по поводу фильма «Три дня Виктора Чернышева». Нам показалось, что «Личная жизнь Кузяева Валентина» — картина куда более злая и неверная.

А. АНТОНОВ, инженер ОРПС; А. МАРКОВИЧ, старший электротехник ОРПС, студент 4-го курса истфака МГУ; Т. КОМЯГИНА, педагог 3-й Болшевской школы

Москва.

Творчество ли?

А. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член
Академии художеств СССР

Среди наших периодических изданий, освещающих вопросы изобразительного искусства, ежемесячный журнал Союза художников СССР «Творчество» занимает свое, особое место.

По общему характеру, сравнительно небольшому объему и обилию иллюстративного материала этот журнал призван в первую очередь информировать своих читателей о всех значительных явлениях современного изобразительного искусства как у нас, так и за рубежом, поднимать актуальные вопросы теории и практики советского и зарубежного искусства. Этот профиль журнал в основном сохраняет.

Но ведь для издания, непосредственно связанного с современной художественной жизнью, важное значение всегда имели и будут иметь четкие и ясные теоретические позиции редакционного и авторского коллектива, ибо в условиях непримиримой идеологической борьбы чрезвычайно существенно не только то, о чем пишется, но и как, на основе каких принципов освещаются художественные явления. Важны и иллюстративный материал и круг событий, произведений, мастеров.

И вот если рассматривать деятельность журнала с этих позиций, то станет ясно, что на протяжении ряда лет, и особенно в последние годы, страницы «Творчества» стали своеобразной трибуной для пропаганды различного рода явно ошибочных либо весьма сомнительных идей, теоретически несостоятельных заключений и выводов, ущербных по своей идейно-художественной сути произведений.

Это вовсе не значит, что в журнале не помещаются репродукции подлинно значительных работ нашего советского многонационального искусства и искусства зарубежного. Они, конечно, есть. Публиковались в журнале интересные по постановке проблем, острые по подаче мыслей, яркие по языку статьи искусствоведов и художников. Некоторые статьи были написаны с совершенно правильных позиций. Однако не они, к сожалению, определяли за прошедшие годы и определяют сегодня общий характер журнала «Творчество», его идейно-творческую линию.

В первом номере за 1966 год можно прочесть более чем спорные утверждения о том, что «художник должен видеть мир, как ребенок», что через сто лет в основе искусства будто бы будет лежать «условность объемов, формы и цвета», что будто бы «такие понятия, как «Братство», «Свобода», «Космос», «Труд», нельзя выразить средствами, привычными нам», то есть, по-видимому, средствами реалистического искусства!

В другой статье из этого же номера журнала ее автор, правильно утверждая ошибочность так называемой «проблемы отцов и детей», вместе с тем выдвигает столь же неприемлемое положение о том, что «есть проблема Честности и Подлости в искусстве, и между ними идет борьба». Таким образом, вольно или невольно противоречия идеологические затушевываются и переносятся в отвлеченно моральную сферу.

Истины ради надо сказать, что в следующих номерах журнала, где освещались проблемы творчества молодых художников, в отдельных выступлениях была оспорена правомерность некоторых отмеченных выше ошибочных, на наш взгляд, положений. Но дискуссия по этим важным вопросам так и не была завершена. Редакционная коллегия журнала, поступив по принципу «добру и злу внимая равнодушно», не сообщила читателям своего взгляда на решение этих существеннейших проблем, не дала правильной ориентировки. Редакционные комментарии к статье «Молодежные выставки» (1967, № 6) обошли все «острые углы» теоретического спора.

Если на первый взгляд может показаться, что журнал «Творчество» занимал и занимает «широкую» позицию, открывая свои страницы для самых разнообразных статей и иллюстративных материалов (статьи об АХРР и об Обществе «4 искусства», статьи о выставке членов Академии художеств и группы семи художников, о творчестве А. Пластова, Ф. Шурпина, с одной стороны, и о А. Тышлере, А. Шевченко, Р. Фальке — с другой), то в действительности при внимательном анализе всей линии журнала, как в редакционных статьях и комментариях, так и в подборе репродукционного материала, становится ясным, куда склоняются редакционные симпатии. Наглядно это видно и в последних его номерах, вышедших в свет в 1968 году.

Так, в № 3 была помещена составленная редакцией подборка мнений читателей о юбилейной всесоюзной художественной выставке 1967 года, которая должна была якобы продемонстрировать объективность позиции журнала. Здесь в равной мере представлены и положительные и отрицательные отзывы зрителей о последних картинах Т. Яблонской «Лето» и А. Лактионова «Тишина».

Однако редакция на этом не остановилась и, проведя опрос среди ста специально подобранных художников и искусствоведов, решила довести до читателя мнение специалистов. Таким образом, якобы объективно, научно и художественно обоснованно были выделены пятнадцать лучших работ выставки, и художникам, как школьникам, были выставлены оценки. Высший балл получил М. Греку за триптих, решенный в примитивистском духе, и затем Т. Яблонская, которая, к сожалению, в своей картине «Лето» ушла от реалистических традиций. Совершенно очевидно, что таким искусственным путем нельзя получить правильную оценку идейно-художественных качеств тех или иных произведений.

Еще В. И. Ленин писал, что в области художественного творчества менее всего возможно механическое равнение, нивелирование, господство большинства над меньшинством.

Редакция журнала «Творчество», желая убедить читателей в своей объективности, прибегла к ссылке на мнения специалистов. Но ведь специалисты бывают разные.

В том же третьем номере журнала помещены, например, статьи искусствоведов Л. Зингера, М. Яблонской, В. Лебедева. Все ли здесь научно объективно и убедительно? Вот, например, в статье Л. Зингера «Портрет на юбилейной выставке» утверждается, что «портретная сборная» Союза вышла на поле без многих лучших игроков», и затем приводятся имена В. Попкова, Э. Аллсалу, Н. Кормашова, В. Руссу-Чобан и некоторых других.

Почему, например, автор не сетует на отсутствие на выставке портретных произведений действительно крупных наших портретистов — реалистов В. Орешникова, И. Серебряного и других?

Почти в каждом номере «Творчества» можно встретить несколько репродукций далеких от реализма картин, рисунков, скульптур, в которых люди показаны уродливыми, искаженными, где отсутствует яркая и глубокая художественная характеристика их внутреннего мира и внешнего облика. Дело дошло до того, что в журнале «Творчество» популяризировались работы душевнобольных («Рисуют душевнобольные», № 12, 1966).

В статье В. Лебедева, опубликованной в № 3 за этот год, автор, ничтоже сумняшеся, рассказывает о классиках абстракционизма. Конечно, оговаривая спорность и противоречивость их работ, он заявляет, что их «отличало определенное умение создать эмоционально-активную художественную форму, дерзкие поиски своих пластических путей и принципов». Здесь же, на следующей странице, рассуждая о «современном пластическом поиске», говоря о том, что «эта проблема в ее формально-отвлеченном виде» в особенности интересует художников поп-арта, В. Лебедев определяет главную цель советского художника — «найти оптимально точное выражение своего восприятия жизненного явления, донести до зрителя эмоциональный накал, психологическую насыщенность, раскрыть всю широту человеческого значения изобразительного мотива, понять и показать его не только как частный, индивидуальный эпизод».

В этой искусствоведческой абракадабре оказываются потопленными не только объективные основы реалистического метода, но и основополагающие для советского искусства принципы партийности и народности. Они просто опущены, о них «забыто» и автором и редакцией, поместившей статью В. Лебедева.

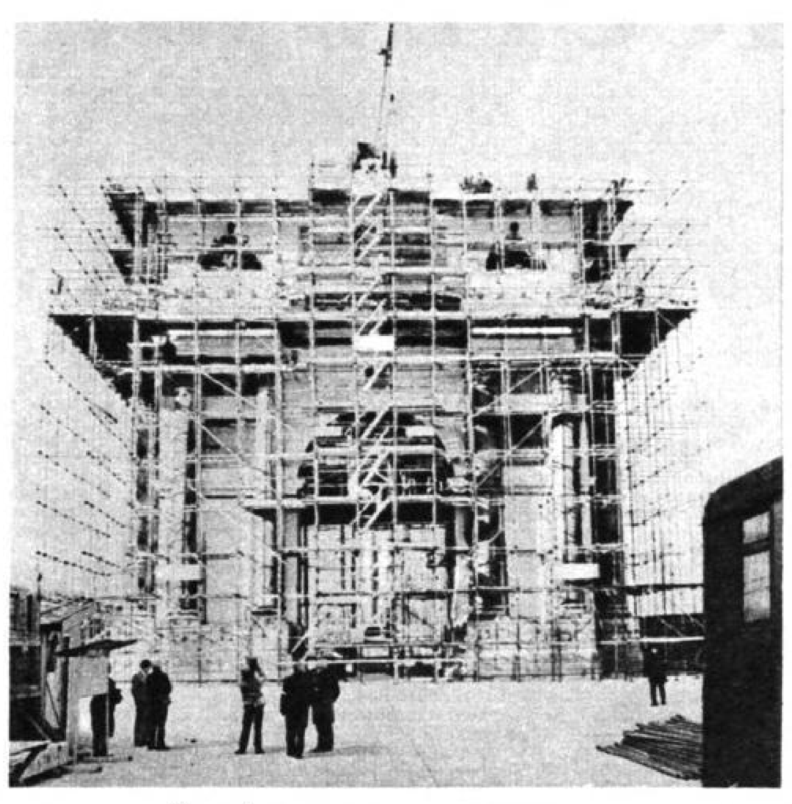
Конечно, редакционная коллегия вольна печатать в руководимом ею журнале все, что считает возможным. Но ведь и читатели вправе спросить, из каких оснований исходил журнал, когда отводил место путаным, теоретически несостоятельным рассуждениям давнишнего апологета формализма Н. Пунина — отрывки из его неопубликованной монографии о П. Кузнецове (1931—1935 гг.), когда воспроизводил и популяризировал (кстати сказать, порой единодушно с рядом органов буржуазной печати) формалистические работы Н. Андронова, Б. Биргера, В. Вейсберга, К. Мордовина, М. Аветисяна.

Журнал «Творчество» № 8 1968 года популяризировал «Выставку 16-ти», демонстрировавшуюся в Москве, на Кузнецком мосту, которая убедительно раскрыла отрыв ряда ее участников от жизни. Выставка показала, что значительное число ее экспонентов стоит на путях ложных формалистических поисков. И вот эту-то выставку через полгода после ее закрытия поднимает журнал за «живое ощущение жизни».

Сейчас, когда наши художники вместе со всем советским народом готовятся к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, вся печать посвящает свои страницы вопросам подготовки к великому юбилею. В журнале «Творчество» этот важнейший вопрос остается почти не освещенным (№№ 6, 7, 8), в то время как его страницы заполняются статьями, далекими от больших творческих задач художников социалистического реализма. В разделе наследия пропагандируется мистическое искусство экспрессиониста Ж. Руо, типичного представителя формализма Бранкуси и других. Журнал услужливо предоставляет свои страницы для путаных рассуждений В. Попкова, увлеченного Филоновым и Шагалом.

После апрельского Пленума ЦК КПСС, который призвал к борьбе с проявлениями буржуазной идеологии, казалось бы, журнал «Творчество» должен был проявить особое внимание борьбе за чистоту марксистско-ленинских эстетических принципов, за искусство социалистического реализма, против упадочного буржуазного искусства Запада.

К сожалению, позиция журнала, в сущности, и после апрельского Пленума ЦК КПСС осталась без существенных изменений.



Триумфальная арка еще в лесах...

НОВЫЙ АДРЕС

Москвичи постарше хорошо помнят Триумфальную арку в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Это грандиозное сооружение с прекрасными скульптурами стояло на улице Горького, у Белорусского вокзала. При реконструкции улицы арка была снесена.

Сейчас Триумфальная арка восстанавливается. Она будет выситься рядом с Панорамой Бородинского сражения при въезде в столицу, на Кутузовском проспекте.

Фото В. ФИЛАТОВА.

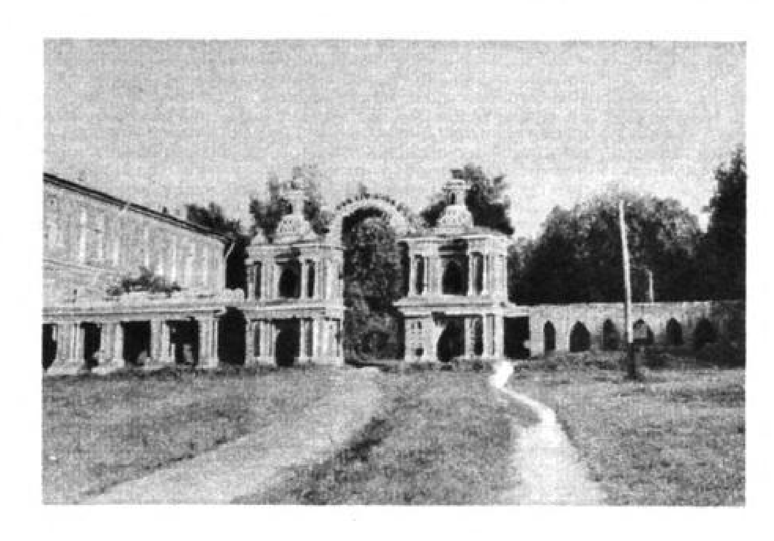


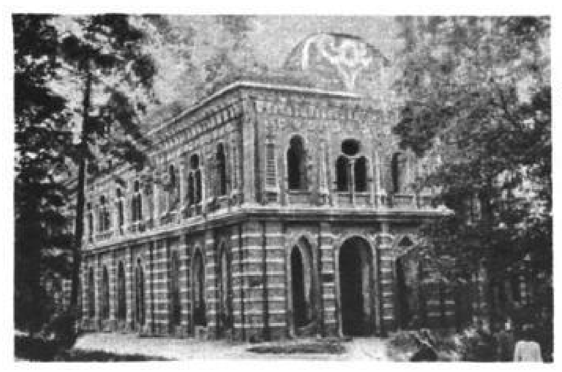
Богиня Победы.



◀ До встречи наверху!.. ▶

ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК





На территории Пролетарского района Москвы расположен комплекс дворцовых строений, известный под названием «Царицыно». Он объявлен архитектурным памятником. Здесь вывешены таблички, указывающие, что памятник «охраняется государством». От кого же охраняется? Вот уже более полутораста лет изумительные по красоте сооружения разрушаются слепыми силами природы. На стенах, лишенных крыш, растут кустарники и травы. Осыпаются украшения из белого камня. Только парк наполнен живыми голосами: его любят москвичи. Почему до сих пор не возрожден этот великолепный памятник русской архитектуры? — спрашивают многие читатели.

Показываем фотоснимки Царицына. Посмотрите, как гостеприимно зовут посетителей воздушные ворота, а чуть в стороне от них привлекает взор своей очаровательной нарядностью двухэтажное, напрасно заброшенное здание — и оно не одно! Кругом видна печать запустения, а почему? Пора спасти неповторимо прекрасное архитектурное наследие XVIII века. Нужны ли будут для этого молодежные воскресники? Пусть скажет об этом московский комсомол, студенчество. Будет ли здесь чудесный музей-санаторий? Каково мнение Министерства культуры РСФСР?

Сегодня ответ дает Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. «Дворцовая усадьба Царицыно,— говорит заместитель председателя Центрального совета общества, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Иванович Иванов,— это один из интереснейших памятников русской архитектуры. Судьба его на редкость тяжелая. Творцу Царицына великому зодчему Василию Ивановичу Баженову не удалось осуществить до конца свой чудесный замысел. Своенравная императрица Екатерина II прервала его работу, достраивать дворцовый ансамбль пришлось другому гениальному архитектору — Матвею Федоровичу Казакову, но работа так и осталась незаконченной. И все же шедевры Царицына неповторимы. Они поражают оригинальностью, тонким вкусом, творческой фантазией их волшебника-мастера. Судьба усадьбы вызывает большую тревогу у ее многочисленных посетителей — москвичей и туристов. Никто, в сущности, не оказывает должного внимания сохранению Царицына. Ничего не сделано даже для консервации ансамбля. На наших глазах разрушается ценный архитектурный памятник. А ведь еще около сорока лет назад в одной из построек Царицына можно было видеть скромный, но очень интересный музей, освещавший историю дворца.

Пора найти настоящего хозяина для культурного использования архитектурных сооружений и парка Царицына».

Фото П. Архипова.





ГДЕ ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА?

«Долгие годы А. С. Пушкин носил на большом пальце массивный перстень. После его смерти перстень переходил от одного русского писателя к другому. У кого же он хранится теперь?» — задает вопрос читательница Л. Болдырева из Киева.

В Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), находящемся в Ленинграде, нам сообщили: «Золотой перстень с сердоликом, о котором идет речь, был подарен А. С. Пушкину в Одессе княгиней Е. К. Воронцовой. Перед смертью Пушкин подарил перстень В. А. Жуковскому, от него кольцо перешло к его сыну Павлу Васильевичу. Тот подарил перстень И. С. Тургеневу. Когда умер Тургенев, перстень был отослан Полиной Виардо в Россию. Он находился на хранении в «Пушкинском музее Александровского лицея». Там он был похищен. До настоящего времени судьба перстня неизвестна».

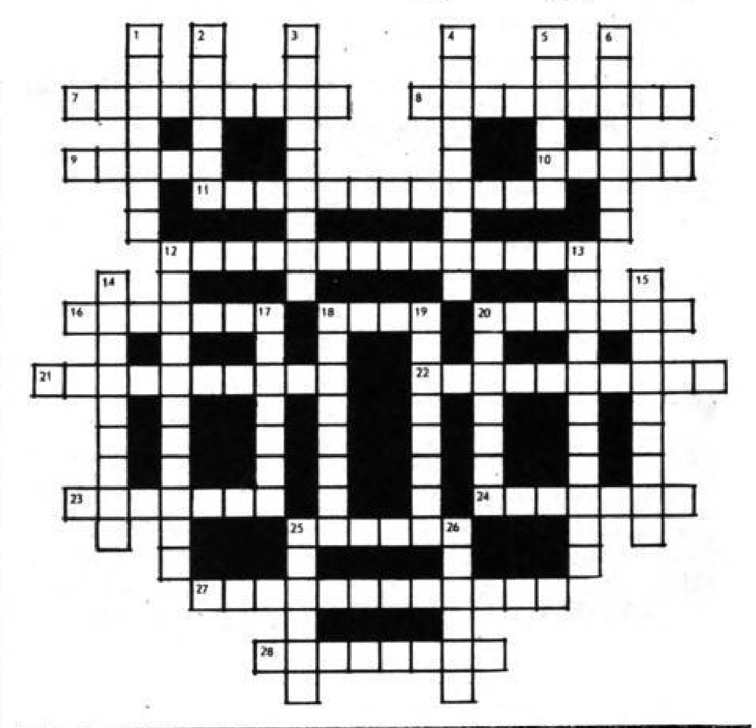


КАК ЦВЕТЕТ АГАВА?

С таким вопросом обратились к нам волжане — В. Семенов из Саратова и Н. Кузнецов из Костромы. Ответом может служить сообщение читателя А. Н. Березина из Львова.

«В 1945 году, — рассказывает Арсений Николаевич, — из бывшего монастыря, расположенного в селе Дубляны, Львовской области, была доставлена в оранжерею Львовского политехнического института небольшая агава. Ее легко поднимали тогда три человека. Очевидно, за агавой в монастыре плохо ухаживали, она выглядела слаборазвитой. Но в оранжерее за ней стала ухаживать мастерица цветоводства Нина Петровна Ситникова, и агава быстро начала набирать силы. Пришла весна 1964 года — у агавы появился цветонос. Его ствол прибавлял по десять — пятнадцать сантиметров в сутки. Уже через месяц агава чуть ли не упиралась в потолок. Потребовалось тридцать человек, чтобы перенести ее из оранжереи в открытый грунт перед институтом. Ствол агавы поднялся здесь на высоту выше десяти метров, толщина его у основания в диаметре равнялась почти сорока сантиметрам. На фотоснимке запечатлена агава в полном расцвете. Сколько же ей тогда было лет? Около ста».

Фото А. Березина.



КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Смычковый инструмент. 8. Взрыватель основного заряда в боеприпасах. 9. Французский поэт, создатель пролетарского гимна «Интернационал». 10. Овощное растение. 11. Курорт в Ставропольском крае. 12. Военный самолет. 16. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 18. Культурно-просветительное учреждение. 20. Советский живописец и историк искусства. 21. Переносный ручной насос. 22. Горная система в Америке. 23. Надстройка в носовой части судна. 24. Область в Италии. 25. Автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. 27. Русский революционный публицист, писатель. 28. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Прерывистая линия. 2. Торжественное шествие, выезд. 3. Река в Южной Африке. 4. Промысловая рыба, обитающая в бассейне Амура. 5. Оптическое стекло. 6. Изменение скорости химической реакции. 12. Порт в ГДР. 13. Советский композитор. 14. Персонаж «Педагогической поэмы» А. Макаренко. 15. Ледниковое озеро в Аргентине. 17. День недели. 18. Картина Т. Г. Шевченко. 19. Итальянский писатель XIV века. 20. Музыкант, подающий сигнал. 25. Опера А. Тома. 26. Экзамены в высших учебных заведениях.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

5. «Коробейники». 8. Криптон. 9. Рассказ. 12. Харза. 13. Гандбол. 15. Рампа. 18. Познань. 19. Пастель. 20. Гипербола. 23. Ноктюрн. 24. «Колобок». 27. Фибра. 28. Лазарев. 29. Тонио. 32. Петлица. 33. Браслет. 34. Верстовский.

По вертикали:

1. Томпо. 2. Волопас. 3. Инсаров. 4. Акаси. 6. Брезент. 7. Шаранта. 10. Лаборатория. 11. Спелеология. 14. Диаграмма. 16. Снегирь. 17. Каталог. 21. Стартер. 22. Полонез. 25. Нарцисс. 26. Терраса. 30. Аллея. 31. Эсхил.

На первой странице обложки: Вильнюс. Традиционный студенческий праздник песни и танца завершился грандиозным факельным шествием.

Фото В. Якобсона.

На последней странице обложки: Осень. Солнечный день.

Фото Б. Раскина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00176. Сдано в набор 17/IX-68 г. Подписано к печ. 1/X-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 010 000 экз. Изд. № 1807. Заказ № 2619.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Марат ЦЕБОЕВ

Фото К. КАСПИЕВА.



ТО ПИОНЕРСКИЙ

Я сидел с мудрым аксакалом Есеном Барлыбаевым в приземистом казахском домике и пил кокчай. Поглаживая седую бороду, старик рассказывал:

— Раньше мы были отрезаны от всего мира, не знали, что творится на белом свете. Видели только степь, лошадей да овец. Новости приходили к нам чрезвычайно редко, раз в несколько месяцев. Их приносили нам смелые джигиты на быстрых конях. Заслышав перезвон колокольчиков, весь аул высыпал на улицу. За радостную весть джигиту вручали подарок — «суюнши». Один такой суюнши я запомнил на всю жизнь. Это было пятьдесят лет назад, когда мы узнали, что великий батыр Ленин сверг власть баев и отдал землю простым людям...

Кто-то постучал в дверь, и на пороге появился мальчишка лет десяти, в необычной одежде. На нем синий форменный костюм работника связи, фуражка с кокардой. За спиной сумка с корреспонденцией.

— Дедушка Есен, возьмите газеты,— сказал мальчик и убежал.

— Вот наши новые джигиты. Аккуратно работают,— одобрительно произнес старый Есен.— Благодаря им я каждый день узнаю о том, что творится в стране, в Казахстане, во всем мире. Семь лет уже обслуживает нас пионерская почта.

...На здании гайдаровской начальной школы в селе вывеска: «Пионерское отделение связи. Министерство связи Казахской ССР».

А внутри, в комнате справа от вестибюля, сидит девчушка за столиком. Даметкен Курманова — начальник отделения связи. Начальнику одиннадцать лет. Сейчас она принимает телеграмму. Подсчитав количество слов и заглянув на всякий случай в тарифный справочник, Даметкен уверенно говорит колхознику:

— Шестьдесят четыре копейки с вас, дяденька Шахман.

— Спасибо, доченька! Спасибо, бетти! — отвечает посетитель.

«Бетти» — по-русски означает «малышка». Сразу и не поверишь, что это не игра, а серьезно. Такого, может, нигде на свете и не увидишь, кроме как здесь, в центре целинного края.

...А началось все с Аркадия Гайдара: ребята очень полюбили и его героев и его самого. Эту любовь прививал с самого первого класса учитель и директор начальной школы Виктор Акимович Огневой. Он создал в школе гайдаровскую атмосферу взаимовыручки и товарищества, организовал музей А. П. Гайдара, завязал переписку с гайдаровскими дружинами. Да и само село Кара-Куль (Черное озеро) тоже стало называться Гайдаром. Но не было в этом селе ни почты, ни почтальонов. Газеты здесь мало кто выписывал. Когда кто-то ехал в центральную усадьбу совхоза, его обычно просили: «Зайди на почту, узнай, нет ли писем».

И тогда В. А. Огневому пришла мысль: а не использовать ли школьников, может, что и получится? В районном узле связи покачали головой, засомневались. Но... в конце концов под напором директора школы согласились провести эксперимент.

Для нового отделения связи были отпечатаны типографским способом почтовые правила. Выбрали из учеников начальника почты и почтальонов. Учились сортировать почту и по очереди разносить ее. Разносить сначала было почти нечего — всего 15 газет и журналов. И вот наступил этот день — 1 октября 1961 года, когда в селе Кара-Куль (тогда оно еще так называлось) заработала пионерская почта.

В первый же год ребята провели подписку на 150 газет и журналов. Удача! Успех окрылил ребят. И в холод, и в снег, и в ветер шагали они по селу, хотели доказать, что работа эта им, гайдаровцам, по плечу.

Однажды с Верой Степасюк, первым почтальоном на селе (сейчас ей шестнадцать, а тогда было девять лет), произошла такая история.

— Погода была скверная. Дул яростный ветер,— рассказывает Вера.— Я шла по улице, обеими руками держала газеты. Сумок у нас еще не было. Вдруг у меня от ветра стал сползать платок. Я хотела поправить его, но в это время ветер вырвал у меня газеты и унес их в поле. Так их и не нашли. Я плакала от стыда и обиды. Что скажут товарищи? Подписчики?

После этого случая ребятам прислали настоящие почтовые сумки. Работы становилось все больше. Сначала с центральной усадьбы совхоза почту доставляли на лошадях, затем на тракторах, теперь же на специальной автомашине. Пионеры стали продавать конверты и марки. Пришлось им прислать сейф. Специально для пионерской почты установили и телефон, чтобы можно было принимать телеграммы и передавать их.

У читателя возник, наверное, вопрос: а как школьники совмещают работу с учебой, не слишком ли много она отнимает времени? Конечно, нет. В день не более тридцати минут. Уроки заканчиваются в час дня, иногда в два. В 4 часа приходят сортировщики и начинают раскладывать почту. Затем появляются почтальоны и быстренько разносят корреспонденцию. Каждый день с 4 до 6 вечера на почте сидит дежурный, принимает и передает телеграммы. Вакантные места никогда не пустуют. Ребята плачут, просят принять их на пионерскую почту. Но принимают далеко не всех — только тех, кто хорошо учится и хорошо себя ведет.

Регулярно проводятся тут, как и во всех взрослых отделениях связи, производственные планерки, на которых выясняют неполадки различного характера. Встает юный почтальон и говорит:

— У меня на участке появилась злая собака. Непривязанная.

Планерка решает: хозяину собаки предъявляется ультиматум — привязать собаку — или жалоба в сельсовет. У почтальонов тоже существуют свои правила техники безопасности!

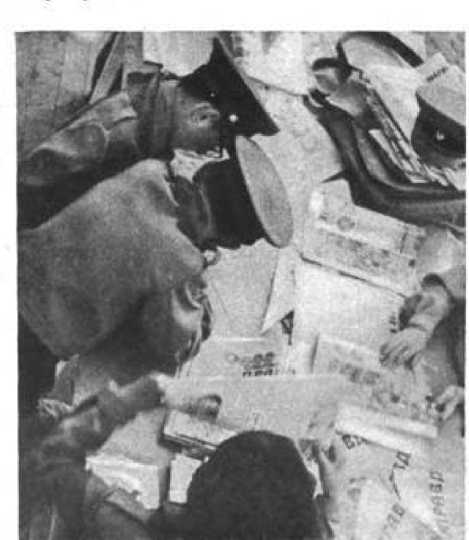
Радостным для юных связистов был 1967 год. Тогда им вручили свои штемпеля. Вот что написал об этом событии в пионерскую газету «Дружные ребята» почтальон и юнкор Миша Огневой: «Еще не было в мире пионерских почтовых штемпелей, а у нас они уже есть. Когда нам вручили штемпеля, все кричали «ура», прыгали от радости...»

Теперь в Гайдар приходят письма со всех уголков Советского Союза. В них филателисты разных возрастов и профессий просят гай-

Мы — гайдаровцы.



Сортировка.



Даметкен Курманова — начальник пионерского отделения связи.



ЭН ПОЧТАЛЬОН



Работа начинается с выемки писем.



Почта пришла.



У почтальона бывают разные встречи.

даровцев прислать им конверты, погашенные штемпелем пионерской почты.

А в этом году еще одна радость у ребят. По указанию Министерства связи Казахстана им сшили специальную почтальонскую одежду. Теперь у них своя форма, какой нет ни у кого.

Ребята создали клуб юных связистов. Там они изучают историю развития связи, элементарные почтовые правила, занимаются филателией. Члены клуба на заседаниях дают рекомендации тем, кто думает поступать в техникумы и институты связи.

* * *

По дороге в Москву я заехал к начальнику службы почтовой связи Целиноградского производственно-технического управления связи И. Ф. Федорову. Вот что рассказал он о пионерской почте:

— Я не раз бывал в Гайдаре и должен заметить, что ребята серьезно относятся к своим обязанностям. Никогда не бывает никаких жалоб. За семь лет школьники приняли и отправили более 37 тысяч писем и продали на 1 500 рублей конвертов и открыток. А подписка в селе выросла до 500 газет и журналов.

Министр связи Казахской ССР А. А. Елибаев тоже уделяет внимание пионерской почте, поздравляет ребят со всеми праздниками, а перед началом нынешнего учебного года прислал им семь ящиков душистых яблок из Алма-Аты. За хорошую работу детям подарены телевизор, аккордеон, библиотека.



Цена номера 30 коп.
Индекс 70663